РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Признание

Посвящается
Александру Алексеевичу
КОЖАНОВУ

Петрозаводск
ВЕРСО
2024

УДК 94(470)
ББК 63.1(2Рос.Кар)6-81Кожанов А.А.я43
П75

Печатается по решению Ученого совета
(протокол от 2 июля 2024 г.)
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН
И.Ю. Винокурова;

кандидат философских наук, доцент
А.С. Соколов

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ
А.В. Антощенко;

кандидат исторических наук, доцент
С.Э. Яловицына

ISBN 978-5-91997-480-2

@ Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН, 2024
@ Коллектив авторов, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Память о человеке, которому посвящен данный сборник, наверняка хранится в сердцах многих людей, имевших удовольствие и счастье пройти какую-то часть своей жизни рядом с ним. Александр Алексеевич Кожанов для кого-то был сокурсником, для кого-то — преподавателем, научным руководителем, для кого-то — коллегой (хотя он признавался, что не любит это слово), иначе говоря — товарищем, сотрудником, сподвижником. Для кого-то он был настоящим другом и даже нередко, как он иногда шутил, «дежурной жилеткой», в которую можно было поплакаться. Во всех этих ипостасях и во многих иных А.А. Кожанов неизменно оставался очень многогранным Человеком, умевшим найти подход к разным людям и решение в трудных обстоятельствах, в которых мы все иногда оказываемся. Предлагаемая книга объединяет в себе статьи и материалы, которые отражают многие из сторон его личности и разнообразие его интересов. Все эти материалы появились благодаря его влиянию и в память о нем.

Александр Алексеевич Кожанов (1.09.1949–29.05.2021) родился в Эстонии, но основная часть его жизни прошла в Петрозаводске и была связана с научными и образовательными учреждениями Карелии. Окончив исторический факультет Петрозаводского государственного университета в 1973 г., он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. В 1960–1970-е гг. в Институте этнографии АН СССР бурно развивается этносоциологическое направление и создается сектор этносоциологии, руководимый Ю.В. Арутюняном; в разных регионах Советского Союза проводятся массовые опросы населения. Именно на этом фоне происходит становление первых специалистов по этносоциологии, в том числе и А.А. Кожанова, защитившего в 1978 г. кандидатскую диссертацию по новому исследовательскому направлению. Она была посвящена методике исследования национального самосознания (на примере вепсов и карелов) и в ней широко использовались количественные

методы. В 1976 г. Александр Алексеевич начал работать в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра (ИЯЛИ). В ИЯЛИ А.А. Кожанов активно участвовал в проведении этносоциологических опросов среди различных групп населения Карелии. Итогом одного из них стала монография «Сельская среда и население Карелии», написанная в соавторстве с канд. ист. наук Е.И. Клементьевым и опубликованная в двух частях. Существенным был и вклад А.А. Кожанова в издание серии сборников документов о деятельности национальных движений в Карелии.

В 1989 г. А.А. Кожанов перешел на работу на исторический факультет Петрозаводского государственного университета, где нашел свое преподавательское призвание, был уважаем и любим студентами и коллегами. Важнейшим делом его жизни стало создание нового образовательного направления и кафедры, ориентированных на подготовку архивоведов и документоведов. К сожалению, этот опыт лишь одно десятилетие получал поддержку от руководства вуза, и в 2015 г. набор на направление составил 5 человек, что делало нерентабельным его дальнейшее существование. Это, безусловно, огорчало Александра Алексеевича, убежденного в необходимости и важности начатого дела, которому было отдано много душевных сил. Было мучительно жаль терять только сложившийся кадровый состав преподавателей и понимать, что плеяда выпускников, которые стали проявлять себя в профессиональной сфере, завершится.

Александр Алексеевич трепетно относился к письменным, аудиовизуальным, устным свидетельствам эпохи. Интерес к ним проявлялся и в желании сотрудничать с архивами и музеями — хранителями исторических артефактов. На протяжении всей своей жизни он собирал открытки, вырезки из газет, книги, документы, внимательно и дотошно изучал их, формируя собственный образ прошлого и настоящего, делясь своими наблюдениями и оценками с учениками и коллегами.

В книге четыре раздела. В первом из них, получившем название «Коллега», мы собрали статьи авторов, которым довелось учиться или работать рядом с Александром Алексеевичем. В статье канд. ист. наук И.А. Субботиной, учившейся вместе с Сашей Кожановым в аспирантуре, рассказано о его становлении как этнолога, о первых опытах полевых экспедиций, об учителях Александра Алексеевича. Воспоминания о годах аспирантской юности, об общих друзьях, фрагменты электронной переписки автора с Александром Алексеевичем ностальгически окрашены. Несмотря

на мозаичную структуру этого текста, он дает яркое представление о герое сборника, его характере и личности.

Статья канд. ист. наук В.Н. Бирина характеризует научную деятельность А.А. Кожанова как этносоциолога. В 1970-е гг. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР сложился уникальный триумвират из молодых исследователей Е.И. Клементьева, А.А. Кожанова и В.Н. Бирина, работавших как особая этносоциологическая группа и проводивших обследования среди разных групп населения Карелии. Виктор Николаевич отмечает, что, хотя взаимоотношения участников этого небольшого сообщества были непростыми, но оставались неизменно вежливыми и нацеленными на достижение результата, а обмен мнениями — всегда аргументированным и продуктивным.

Статья канд. ист. наук Т.Н. Жуковской переносит нас в иной период жизни А.А. Кожанова, ставшего преподавателем Петрозаводского государственного университета. Автор представляет разностороннюю деятельность Александра Алексеевича в качестве заведующего кафедрой истории дореволюционной истории России в 1990-е гг. и начале «нулевых». Формирование коллектива кафедры, привлечение сотрудников, создание новых лекционных курсов и направлений подготовки, поиск грантов и осуществление масштабных проектов, издание учебных пособий и научных трудов, клубная внеучебная деятельность преподавателей и студентов-историков в те непростые, но полные творческой энергии времена отражены в статье информативно и емко.

А.А. Кожанов как человек с активной гражданской позицией, собиратель и просветитель, представлен в статье библиографа С.В. Новожиловой. Автор сосредоточила свое внимание на уникальной коллекции изданий в составе Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета — библиотеке Историко-литературного клуба (БИЛК), к созданию которой Александр Алексеевич имел непосредственное отношение. Отражения общественно-политических реалий позднего советского времени, многие из которых появились в форме самиздата или «тамиздата», сохранены в составе этой коллекции, которая пополнялась в течение 10 лет существования БИЛК.

Статья канд. ист. наук И.В. Савицкого написана в классическом мемуарном стиле. Она изобилует интересными деталями, личными впечатлениями, позволяющими читателю дополнить портрет главного героя. Привлекает внимание тонкое замечание автора статьи о «времени Кожанова» в истории Петрозаводского

университета и, что не менее важно,— в судьбах того профессионального круга людей, которых он объединял вокруг себя более двадцати лет. Профессиональные уроки А.А. Кожанова были неотделимы от его личного влияния на сотрудников и студентов. «Время Кожанова» характеризуется понятием «мобильность» в самом широком смысле слова. Оно было наполнено движением, изменениями, динамикой, драйвом… в мыслях, идеях, общении, делах, в жизни вообще. Оно заключало в себе преодоление трудностей, поиск новых решений, соответствующих меняющейся обстановке в Высшей школе, науке, в общественной жизни страны.

Отчеты кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, ставшие основным источником для статьи канд. ист. наук В.В. Волоховой, позволили ей детально охарактеризовать основные этапы истории кафедры, созданной усилиями А.А. Кожанова и объединенных им специалистов разного профиля. В статье представлена хроника ее формирования и развития, ее кадровый состав, основные принципы и приемы подготовки документоведов и историков-архивоведов.

В статье заместителя директора Национального архива Республики Карелия И.Г. Петуховой рассказано о взаимодействии Александра Алексеевича с архивом — основной площадкой для архивных практик студентов, для оттачивания мастерства преподавателей. Представляется, что тщательно разыскиваемая сегодня смычка между историческим образованием и жизненными потребностями архивного учреждения в период существования данной специализации была найдена. Непосредственное взаимодействие архивистов, документоведов, источниковедов, преподавателей и студентов было очень результативным. Оно выражалось в участии кафедры в экспертных комиссиях по определению ценности документов, в решении проблем применения информационных систем архива в учебной деятельности, в оцифровке документов XIX–XX вв. и определении статуса «цифрового архива», в обработке и исследовании отдельных фондов. Эта разнообразная практическая деятельность и была основой подготовки современных архивистов, осуществлявшейся в соединении научно-образовательной традиции, теории и практического опыта.

Второй раздел настоящего сборника под названием «Учитель» составлен из материалов, присланных студентами исторического факультета ПетрГУ разных лет. Среди них и выпускники, готовившие дипломные сочинения под руководством Александра Алексеевича, и те, кто слушал его лекции и участвовал в проводимых

им семинарских занятиях. Присланные в сборник тексты оказались очень разными даже по форме. Среди них — запись интервью с А.А. Кожановым, сделанная в 2015 г., воспоминания о студенческой газете истфака «Простые истины», выпуск которой поддерживал Александр Алексеевич, более традиционные по форме очерки и небольшие мемуарные заметки. При подготовке рукописи в адрес составителей приходили письма от многих учеников Александра Алексеевича, не рассчитанные на публикацию, окрашенные ностальгией, искренним чувством благодарности учеников. Авторы признаются, как непросто высказать главное об ушедшем человеке, который в студенческие годы был для них безусловным авторитетом, учителем. «Иногда вопрос о человеке, где ответ очевиден и не требуется искать нужные слова, вдруг ставит нас в тупик, когда нужно выбрать главное и не на несколько страниц, а лишь на несколько абзацев». Найти нужные слова в его адрес — значит отдать отчет и себе самому в том, что осталось и что перенесено из университетских лет в «настоящую» жизнь, по какой бы профессиональной траектории она не выстраивалась. Главный урок Кожанова, как это ни удивительно, представляется очень простым и общечеловеческим: жить всерьез, делать хорошо свое дело. «Думаю, что Кожанов учил нас держать планку, он делал так сам и когда вел лекции, семинары, когда шутил, когда иронизировал, в том числе и над собой, не уходил в модные, но плоские шуточки, не хаял «советское прошлое», не сетовал на тяжелые времена нынешней эпохи «свободного рынка». Главным его уроком было то, что, если ты что-то делаешь, сделай это хорошо и сделай это, прежде всего, для себя, и тогда действительно будет достойный результат, который будет с тобой не на месяц, не на год, а на всю жизнь. Не ради карьеры, материальных благ, мнимого признания. Кажется, ему так удалось. Не верите? Спросите у тех, кто имел удовольствие с ним работать, учиться, ответ будет утвердительный» (Вячеслав Тебенко, выпускник ИФ).

Третий раздел сборника («Вдохновитель») включает пять научных статей о проблемах, так или иначе связанных с интересами или образовательными ориентирами Александра Алексеевича. Статьи весьма разнообразны: русские летописи как исторический источник; революционная молодость историка Георгия Федотова; национальная политика и национальные движения в Карелии XX в.; сельская среда Карелии. Данный набор статей может показаться случайным, однако это не так. Внимание Александра Алексеевича к историческому источнику, его поиску

и систематизации, затем скрупулезный анализ, сравнение версий — этот классический путь исследования он использовал сам и этому учил своих студентов. Не случайно предмет «Источниковедение» и его сегмент, связанный с летописанием, стали важным элементом учебного плана для студентов специальности «историко-архивоведение». В этом контексте статья д-ра ист. наук И.Н. Данилевского вполне резонно вписывается в идею сборника.

В статье д-ра ист. наук А.В. Антощенко о Георгии Федотове изучается уже совершенно иной исторический период, но она также связана с интересами Александра Алексеевича, которого увлекали не только штудии различных исследователей об исторических путях развития России, но и сами они как личности, имеющие как различные научные взгляды, так и индивидуальные черты характера.

Межнациональные отношения и национальная политика в Карелии — тема, неизменно привлекавшая этнолога А.А. Кожанова. Его интерес к ней окрашивался по-разному в разные периоды его жизни и работы, многое зависело от «историографической ситуации» (термин, предложенный на страницах данного сборника канд. ист. наук А.И. Бутвило).

Статья канд. ист. наук З.И. Строгальщиковой и канд. ист. наук С.Э. Яловицыной характеризует значение одного из масштабных проектов рубежа XX–XXI вв. по сбору и публикации документальных изданий по истории национальных движений в России, в котором А.А. Кожанов принимал непосредственное участие.

Внимание к уже исчезающей, но все еще сохранявшейся в 1970-е гг. на селе этнической традиции обусловило появление двух книг, посвященных сельской среде и населению Карелии, написанных А.А. Кожановым в соавторстве с Е.И. Клементьевым. Сам Александр Алексеевич в интервью, публикуемом ниже, говорил о необходимости провести повторное исследование сельской среды в наши дни, в новых исторических условиях. Пока этот проект не осуществлен. В то же время можно заметить, насколько изучение колхозной повседневности 1950–1960-х гг., представленное в статье Л.И. Вавулинской, перекликается с идеями книг и статей героя этого сборника.

Созвучность нашему времени, со-временность того, над чем работал А.А. Кожанов, несомненна. Не является случайностью и то, что последними его публикациями по основной теме научных занятий стали сборники документов о карельском национальном движении начала 1990-х гг., в его умеренной и радикальной

формах. Эта работа показывает, насколько вдумчивым и беспристрастным этнологом он был, принадлежа к тем подлинным ученым, которые могут сообщить гораздо больше, чем опубликовали, мотивируя последователей, задавая стандарты беспристрастного исследования сложных явлений и процессов.

Сборник заключает библиография работ А. А. Кожанова, составленная канд. ист. наук К. В. Годуновым, и переиздание небольшой статьи и одного из предисловий к сборнику документов, подготовленных А. А. Кожановым. Их выбор связан с основной сферой научных интересов Александра Алексеевича. На наш взгляд, они демонстрируют стиль его мысли и письма: безукоризненно четкий, ясный, логичный, без «воды», способность выявить главные тенденции сложных этносоциологических процессов и аргументированно их представить.

Иллюстративный ряд, так или иначе привязанный к публикуемым материалам, составлен на основе личного архива А. А. Кожанова, к которому мы смогли обратиться благодаря поддержке идеи данного издания его вдовой, Натальей Дмитриевной Гусаровой, и ее помощи в отборе материалов.

Хотелось бы высказать особую признательность руководителю Факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки ПетрГУ Т. И. Агарковой — за идею названия книги, а также слова благодарности нашим рецензентам, д-ру ист. наук И. Ю. Винокуровой и канд. филос. наук А. С. Соколову, — за ценные идеи и советы по совершенствованию текста, редактору и дизайнеру сборника. Мы благодарим всех участников обсуждения структуры сборника, отдельных статей и материалов на разных этапах работы: сотрудников секторов истории и этнологии ИЯЛИ КарНЦ РАН, бывших и нынешних преподавателей Петрозаводского государственного университета, всех тех, кто откликнулся на предложение коллективно написать и издать эту книгу как дань нашей памяти и признательности Александру Алексеевичу Кожанову.

С. Э. Яловицына, Т. Н. Жуковская, А. В. Антощенко

Раздел 1

Коллега

Субботина Ирина Алексеевна

Память

Память не знает разлуки
с временем прошлым…

Б. Ахмадулина

Удивительная штука — память. Очень похожа на морозное зимнее окно, покрытое причудливыми узорами. Ты его можешь долго рассматривать, удивляясь волшебству тонкой вязи, множественности линий, соединений, переходов, фигур, нежности рисунка, таинственного мерцания света. Ты видишь, кажется, очень многое… Но стоит немножко поскрести пальцем по этому заледенелому, узорному полю, и тебе открывается новый мир, знакомый до боли, но скрытый до времени. И чем больше тепла таит твоя рука, тем прекраснее, отчетливее и шире картина воспоминаний. «… Нельзя к минувшему остынуть…»

Эти заметки не об Александре Алексеевиче Кожанове. Они о Саше Кожанове. Он так и не стал для меня Александром Алексеевичем, оставшись навсегда в памяти, в сердце Сашей… Как однажды написал мне в письме Женя (Евгений Иванович) Клементьев, «мы никогда не станем для вас Евгениями Ивановичами и Александрами Алексеевичами, навсегда оставшись Женей и Сашей»… Эти заметки — дань памяти тем людям, что ушли от нас, так для нас и не повзрослев, не остепенившись, не состарившись. С их именами у меня была связана значительная часть жизни, яркие воспоминания о единственных или многократных, многолетних этносоциологических проектах. За более чем полувековой период наших этносоциологических исследований судьба забрасывала нас в разные уголки нашей страны (сначала это был Советский Союз, потом — Россия и страны ближнего зарубежья). Мы не только изучали далекие, неведомые нам края, но и знакомились с новыми людьми, которые на многие годы становились нашими добрыми коллегами и друзьями. Почти с каждой союзной или автономной республикой СССР, так случилось, были связаны имена людей, проходивших стажировку в нашем секторе (а позднее Отделе) этносоциологии в ЦИМО (Центре изучения межэтнических отношений), учившихся в аспирантуре нашего Института, участвовавших в наших экспедициях и научных исследованиях,

А.А. Кожанов
в школьные годы

защищавших у нас кандидатские и докторские диссертации, становившихся впоследствии руководителями научных отделов, кафедр и целых институтов, получавших звания профессоров и даже академиков. С каждым из этих людей меня соединяли отношения дружбы и сердечной привязанности, теплоты и сопереживания, с каждым из них были связаны курьезные случаи, эпизоды и целые сериалы нашей этносоциологической жизни, почти о каждом можно рассказать историю…

Но сейчас мне бы хотелось вспомнить лишь об одном из них.

Саша Кожанов… Мы познакомились в далеком 1973 году, когда и Саше, и мне (мы почти ровесники) было по 23 года! Было это в Москве, в Институте этнографии АН СССР, куда Саша приехал учиться в аспирантуру.

В нашем секторе социологии, где Саша провел все аспирантские годы и готовил свою диссертацию, он появлялся довольно часто. Большой, немного неуклюжий, казалось, стеснявшийся своего высокого роста, серьезный не по годам, добрый, застенчивый, часто грустный, он производил впечатление человека, немного отстраненного от сегодняшнего дня, углубленного в себя, думающего о чем-то своем. Мне кажется, кое-кто из наших аспирантов и стажеров даже дистанцировался от Саши, побаиваясь его замечаний и оценок, порой полных иронии и даже сарказма…

Помню, что его научная работа была связана не столько с этносоциологией, сколько с этнопсихологией, с изучением этнического самосознания. Проблемами этнического самосознания, этнической идентичности, как теперь говорят, занималась в нашем секторе Леокадия Михайловна Дробижева, которая и курировала все готовившиеся у нас работы по этим проблемам. Новаторская работа Саши Кожанова была посвящена разработке вопросов методики изучения национального самосознания. Подобных работ практически не было в те годы в нашей стране, и Саша, хорошо знавший английский язык, читавший много американской литературы по этой проблематике, серьезно анализи-

ровавший зарубежный научный опыт, пытался создать новые методики изучения национального самосознания, адаптированные в целом к нашей действительности, а в частности, к условиям Карелии. Научным руководителем его кандидатской работы был Ю. В. Арутюнян, доктор исторических наук, в то время заведовавший нашим сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, которому к середине 1970-х годов было всего-навсего 45 лет. Но мы, сотрудники его сектора, молодые, 20–30-летние, воспринимали Юрия Вартановича как известного Ученого, за плечами которого были серьезные, новаторские исследования в области сельской социологии, как талантливого Открывателя нового научного направления в России — этносоциологии, как Руководителя, голова которого рождала множество идей, зачастую гениальных. И как Поэта, писавшего глубокие философские стихи. Всегда трепетно относилась к поэтам, потому что Поэт, как мне кажется, от рождения отмечен особой печатью и живет по своим законам, находясь в постоянном поиске чего-то неведомого другим…

А.А. Кожанов
в годы аспирантуры

Саша стал вторым аспирантом из Карелии, первым был Женя Клементьев, который, насколько я помню, был первым аспирантом Ю. В. Арутюняна, начавшим заниматься этносоциологией еще в конце 1960-х годов. В те далекие 1970-е годы, когда Саша Кожанов появился в Институте, наш сектор проводил большое Всесоюзное исследование «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», руководителем которого был Ю. В. Арутюнян. Основу, научную базу исследования составляли материалы опроса людей различных национальностей, живших в разных республиках СССР, в городах и селах, в этнически однородных и смешанных средах. Первый этап этого масштабного этносоциологического проекта занял 5 лет (1971–1975 гг.), в течение которых мы по 2–3 раза в год выезжали в республики, отобранные для исследования, — Молдавию,

Грузию, Эстонию, Узбекистан, — и в три области России с целью сбора различной статистической, архивной и пр. информации, а главное — проведения многотысячных опросов титульного и русского населения этих регионов СССР.

Не только сотрудники сектора, но и все секторские аспиранты и стажеры выезжали «в поле», дабы набраться опыта для проведения собственных этносоциологических исследований. Эти совместные нелегкие экспедиции сближали всех нас, оставаясь в памяти на долгие годы. 1975 год, ставший третьим годом Сашиной аспирантуры, совпал с началом проведения второго этапа нашего Всесоюзного исследования, когда в выбранных нами регионах проводились опросы представителей этнических меньшинств республик. Первой по времени реализации этого этапа нашего проекта стала Молдавия, куда мы отправились дружной молодежной группой сотрудников и аспирантов сектора (в составе которой был и Саша Кожанов) для исследования украинцев, болгар и гагаузов.

В своей памяти, свободной как ветер, мы вольны соединять, связывать события и людей, разделенных годами и верстами, делать их ближе друг другу, ближе всем нам. Так в моей памяти соединились два имени — Саша Кожанов и Степан Курогло, две республики — Карелия и Молдавия.

Молдавия, эта земля, щедро обласканная солнцем, с ее певучими холмами, вытканными многоцветными коврами виноградников, с ее серебряными родниками и гнездящимися у домов аистами, с ее прекрасными, печальными и безудержными песнями и танцами, с ее богатыми подвалами с золотыми и багряными винами, терпкими, настоянными на душистом дыхании белой акации и щемящей горечи полыни, напоенными ароматами созревающего хлеба и спелой айвы, навсегда вошла в мое сердце как часть родной земли, Родины, называвшейся когда-то Советским Союзом.

Казалось бы, довольно однообразные молдавские пейзажи — виноградники на певучих холмах, поля кукурузы и подсолнечника, уже опустившего к земле свои тяжелые черные головы, маленькие города, ничем не отличавшиеся от крупных сел, почти полное отсутствие каких-либо достопримечательностей, даже в столице республики; достаточно утомительная работа, связанная с бесконечными (до 10 человек в день) опросами, инструктажем студентов, выступавших в роли интервьюеров, проверкой заполненных анкет, своевременной корректировкой выборки — все это

не могло вызвать в нас каких-то ярких, незабываемых впечатлений. Но чем-то зацепила душу эта земля, может быть, простотой и щедростью ее жителей, в большинстве своем сельских, теплотой и отзывчивостью их сердец.

Дневниковые записи: сентябрь 1975 г.:

Дорога в Кишинев. Почти не помню. Был вечер, потом было утро, потом снова вечер… Долгая дорога и… воспоминания о прошлой дороге, о дожде, лившем не переставая. Подъезжаем к Кишиневу, и снова дождь, молнии блещут в полнеба. Нас встречают (в отличие от прошлого приезда). Объятья, поцелуи. Сначала — все знакомые лица — Валентин Степанович Зеленчук, заведовавший в ту пору Отделом этнографии и искусствоведения в Молдавской Академии, неизменно приветливый, обаятельный, гостеприимный, решавший все вопросы и проблемы, возникавшие при проведении наших исследований в Молдавии; Елена Постолаки и еще какие-то сотрудники Отдела, имена которых не сохранились в памяти. А потом, вдруг, уже на вокзальной площади — новый человек: волосы с сильной проседью, а лицо молодое. Красивые печальные глаза за длинными ресницами. Знакомимся — Степан Курогло, сотрудник Отдела этнографии и искусствоведения, этнограф и известный гагаузский Поэт (ставший впоследствии заведующим Отделом гагаузоведения в Молдавской академии наук, а позднее — политическим и общественным деятелем Молдавии).

После работы в Кишиневе нас с Сашей откомандировали на север республики, в маленький городок, носивший смешное название Рыбница, на организацию и проведение опросов. Прежде чем начинать исследование, необходимо было посетить местный горком партии и получить одобрение и поддержку городских властей на проведение массовых опросов жителей. Помню, как Саша, вернувшись из горкома, насмешливо сказал: «Ты представляешь, там везде красные ковровые дорожки, даже в туалете, к каждому унитазу, своя ковровая дорожка»…

«… Закончив работу на севере республики, в Рыбнице, мы отправились на юг Молдавии, в Кагул, приграничный с Румынией городок, где должны быть продолжены наши опросы. День был жаркий, в машине было душно, мы несколько раз останавливались передохнуть, выпить родниковой воды. Проехали Комрат. Через несколько километров на нашем пути гагаузское село Бешалма («Пять яблок»). Красивое село на берегу р. Ялпуг. На высоком речном берегу — церковь. Умели выбирать для них места.

Сворачиваем с шоссе к селу. Здесь расположен гагаузский историко-этнографический музей. Первый и единственный гагаузский музей. Его основатель, а ныне директор — Д. Кара-Чобан, гагауз, историк по образованию и… Поэт. Большой энтузиаст своего дела. Музей открылся совсем недавно, несколько дней назад.

Нам показывают музей. На одном из стендов — фотография нашего коллеги, Михаила Губогло, еще совсем молодого, красивого. Его фотография — среди трех снимков других ученых, выдвигающих разные гипотезы происхождения гагаузов. На другом стенде видим еще одно знакомое лицо — Степан Курогло, гагаузский поэт, несколько сборников его стихов представлены здесь же…

Попрощавшись с Д. Кара-Чобаном, оставив в книге гостей благодарственную запись, мы отправились дальше, в Кагул. Нашу машину нигде не останавливали, хотя мы все время ждали, когда же будет проверка наших пропусков в погранзону. Кагул — город приграничный. Его отделяет от Румынии только река Прут. Нам показали музей, рассказали о погранзаставе. Мы расспросили, много ли бывает нарушений границы. Да, говорят, много, но чаще — по недоразумению. Впервые своими глазами я видела контрольную полосу, а за ней — Прут. На той стороне — уже Румыния».

А вечером весь наш отряд принимали и угощали на территории какой-то старой погранзаставы. Было очень много винограда, арбузов, дынь (сентябрь!) и, конечно же, молодого молдавского вина, без которого не обходилась ни одна встреча в Молдавии. Было много молдавских и гагаузских стихов, песен и даже танцев, когда, положив друг другу на плечи руки, мы кружились в каком-то зажигательном молдавском танце, и Саше, с его высоким ростом, было не очень удобно среди нас, невысоких… Помню, мы с Сашей пили на брудершафт (я всегда с большим трудом переходила с людьми на «ты»), переплетя наши руки с бокалами душистого молодого вина. «А дальше?» — спросил Саша. «А дальше будем на «ты»»,— смеясь и словно не понимая Сашиных слов, сказала я.

«… Итак, после окончания тяжелых недельных опросов в Кагуле, где мы проводили по 8–10 интервью ежедневно, мы вернулись в Кишинев. Прошел день, и мы ждем машину, чтобы можно было поехать в Ханску. Это местечко неподалеку от Кишинева, в зоне Кодр, археологическая база молдавской Академии наук, где предполагалось провести выходные перед новым этапом работ. Нас было человек 10, во главе с И.Г. Хынку, известным молдавским археологом, «хозяином» этой базы.

Археологическая база, до которой мы добрались только к вечеру, представляла собой вот что: несколько хорошо построенных, симпатичных домиков, служивших живущим здесь в полевой сезон археологам спальнями; кухня; несколько кладовых помещений; рядом прекрасный колодец с журавлем. Вокруг — чудесные холмы (место раскопок древнего поселения) и светлый, чистый широколиственный лес.

Мы очень устали за дорогу, всем хотелось есть, а потому сразу приступили к приготовлению ужина из тех продуктов, что захватили по дороге. Вынесли на лужайку перед домиками столы, подвесили на шесте лампу (уже становилось совсем темно), разложили все привезенные продукты, расставили тарелки, кружки, вилки и ложки, которых на базе оказалось в избытке. Пока мы готовили ужин, ребята отправились в лес за хворостом для костра, который мы развели здесь же, на лужайке. Поужинали довольно быстро и стали потихоньку, по одному перемещаться от стола к костру, потому что становилось уже прохладно. Все же осень… Вскоре мы все уже сидели вокруг огромного жаркого костра. Потихоньку разговаривали, пели. Степан Курогло читал нам свои стихи, пел печальные гагаузские песни…

Хынку вдруг предложил всем пойти на раскоп. Мы с радостью согласились. Время близилось к полуночи. Огромная луна заливала все вокруг своим таинственным светом. Мы бродили по раскопу, Хынку рассказывал… В такую ночь легче, чем при свете дня, представлять себе это древнее поселение: постройки, очаги, дороги. Проведя всех по раскопу, Хынку увлек нас на один из холмов. Мы поднялись на вершину, сели в траву и несколько мгновений наслаждались удивительнейшей тишиной ночи и какой-то неземной, залитой ярким, холодным лунным светом красотой этих мест. Хынку сказал, что ровно в полночь здесь появляются привидения, которые идут от одного могильника к другому. И вот, в этой полночной тишине, ровно в 12 часов раздались вдруг какие-то жуткие звуки и крики. Это было так неожиданно и так страшно, что я невольно вздрогнула. Может быть, так кричит какая-то птица?

Еще немного посидев на холме, мы спустились вниз. Хынку, этот неугомонный человек, предложил прогулку по ночному лесу. Лес в этих местах удивительно красив: светлый, чистый, просторный, почти без подлеска, багряный и оранжевый. Все деревья соединены между собой тонкими лучами паутины. Приходится разрушать эти мосты, обойти невозможно: они всюду. Даже сухие травинки и цветы под ногами опутаны серебряными кружевами. И после этой долгой ночной прогулки по удивительно светлому (так ярко сияла луна) лесу, от тишины и красоты волшебной ночи на душе стало

как-то хорошо и светло… Назавтра, при прощании, кто-то предложил переименовать это местечко в Хынск…».

Были и другие, казалось бы, ничем особенно не примечательные, но запомнившиеся всем участникам маленькие эпизоды нашей молдавской экспедиционной, в целом очень утомительной жизни — мы были молоды, счастливы (или не очень), немножко влюблены и жили ожиданием нового и чудесного впереди!

В начале 1978 года состоялась блестящая Сашина защита, после которой, по традиции, был секторский банкет, как всегда шумный, веселый, полный шуток, стихов, песен и воспоминаний. Помню Сашины мечтания продолжить свои научные исследования, проводя не минутные опросы респондентов, а полноценное, многомесячное включенное наблюдение среди карелов и вепсов Карелии. Но, кажется, эти Сашины мечты так и остались нереализованными… Об этом Сашином празднике я мало что помню: их было очень и очень много в нашей жизни. Один из Сашиных приятелей, не присутствовавший на банкете, рассказывал мне, что встретил на следующий день Сашу в коридоре Института, спросив, долго ли продолжалось празднество. На что Саша ответил: «Не помню, меня унесли…». Мы были очень молоды, порой беспечны, и умели радоваться…

Много-много лет спустя, в 2009 г., когда в ЦИМО готовился к выпуску 9-й том издания «Курсом развивающейся Молдовы», посвященный юбилею Степана Курогло, а я была ответственной за составление этого тома, мне захотелось обратиться к нашим коллегам, работавшим на «молдавском поле» и знавшим Степана Курогло, с просьбой откликнуться статьями и заметками на это событие. Я сразу вспомнила о тех, кто бывал в наших молдавских этносоциологических экспедициях, и написала в Петрозаводск Саше Кожанову, который редко или почти никогда (по какой причине — неведомо мне) не откликался на наши предложения приехать, поучаствовать в наших конференциях, симпозиумах, встречах. Может быть, ему было немного неловко от того, что он не реализовал своих мечтаний, связанных с этносоциологией, этнопсихологией, и ушел от нас в другую сферу науки. Иногда мне казалось, что Саша, вернувшись после защиты в Петрозаводск, проводя с Женей Клементьевым многочисленные этносоциологические исследования, не имея возможности заняться наконец своими проектами, просто устал от ожидания, устал быть вторым и ушел из Института, из этносоциологии. Не знаю…

Из переписки с Сашей Кожановым:

Субботина Ирина, irinalsu@yandex.ru 9 ноября 2009 г. в 13:08

Саша, здравствуй! Написала тебе письмецо, но, оказалось, у тебя иной адрес.

Вот, пишу вновь… Почему ты совсем пропал из нашей московской жизни? Мы так часто вспоминаем тебя, что, кажется, вот-вот ты появишься вновь:-)… Теперь о том поводе, который заставил меня написать. Ты знаешь, конечно, что, в силу разных обстоятельств, наш Центр много лет работает на поле Молдавии, у нас много дружеских и творческих связей с тамошними коллегами. Одному из них — Степану Курогло — в начале будущего года стукнет 70… Мы задумали выпустить небольшую книгу статей друзей-коллег, знающих и еще помнящих друг друга. Я думаю, Вы с Женей (Клементьевым) *не откажетесь посвятить Степану Курогло — этнографу, Поэту, революционеру — какие-либо ваши статьи. И, может быть, предваряя эти серьезные публикации, можно было бы сказать пару теплых слов о юбиляре и о прошлых встречах и расставаниях… Главное — чтобы Вы в этом сборнике приняли участие, чтобы прозвучали Ваши голоса…*

Кожанов Александр, aleksa-kozhanov@yandex.ru 2 декабря 2009 г. в 19:27

Дорогая Ира! Извини, что не ответил сразу. Как-то трудно после стольких-то лет… Конечно, виноват перед вами всеми. Уж простите. Посылаю свою мемориюо Степане. Получилось очень кратко и очень сентиментально, я бы даже сказал, слезоточиво. Но именно так я к нему и отношусь. Очень рад был получить от тебя письмо. Даже не представляешь, как рад. Передай всем от меня привет. Всегда ваш — был, есть и буду. АК

Мемория Степану Курогло

Бывает так, что встретился с человеком один-два раза, а память о нем живет в душе. Особенно, если встреча случилась, когда тебе не очень хорошо, когда тебе нужна поддержка — и вдруг неожиданно незнакомый человек протягивает руку, подставляет плечо и становится близким и родным.

Я часто вспоминаю осень 1975 года в Молдавии, степные путешествия, а потом поездку в Подмосковье. Тогда мы с тобой катались на лыжах, я посмеивался — не ваш, не степняков, это вид спорта, вечером за «спиртягой» мы строили планы твоего приезда к нам в Карелию, рыбалки на островах. Не получилось. Пока?

Иногда снимаю с полки книгу твоих стихов и открываю ее.

Я не знаю гагаузского языка. Но на титульном листе надпись: «“Старому” другу — “лесорубу” Александру Кожанову от автора — “пастуха” из Буджакской степи с пожеланием и впредь оставаться верным кунаком, добрым и надежным человеком, немного удачливым и, если бог даст, чуть-чуть самоуспокоенным. Отныне знай, что на юге у тебя есть друг».

Радушный, душевно щедрый, рыцарски благородный — таким ты навсегда остался для меня. Что тебе можно пожелать в день твоего юбилея? Долгих лет жизни.

Спасибо тебе. А. А. Кожанов.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 2 декабря 2009 г. в 22:30

Сашенька! Благодарна тебе! За теплые и нежные слова, а еще больше — за чувства, что за словами… Жалею, что в книгу, которую послала Вам, не смогла написать воспоминаний о Молдавии. Было бы много о тебе… Я часто вспоминала, как однажды в Институте, увидев тебя, понуро стоящим возле дверей сектора, спросила: «Что ты стоишь здесь, как сирота?». А ты ответил: «А я и есть сирота…». Как мне было долго-долго стыдно… Саша! Не пропадай из нашей жизни! Пиши, хотя бы иногда!

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 30 декабря 2009 г. в 22:17

Дорогая Ира! Спасибо за поздравление. Я тоже желаю тебе всего самого наилучшего и не только в следующем году. На всю оставшуюся жизнь, как говорится. Спасибо тебе за все. Всем передай, пожалуйста, от меня привет и поздравления. Я всех помню и люблю. После нашего с тобой обмена письмами мне приснился сон. Как будто мы опять в Молдавии, и там все или почти все. Так было хорошо и немного грустно. Но о грустном не будем. Саша.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:28

…Саша, а сам-то ты как?

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:48

Знаешь, если честно — не очень.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:52

Саша! Может быть, я что-то могу сделать для тебя? Чем-то помочь? Скажи, я сделаю все, что в моих силах.

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 22:13

Ира, ничего не надо. С вами, женщинами, надо держать ухо востро. Нельзя расслабляться. С заведования кафедрой я ушел, университет наш разваливается. Наверное, это как-то сказалось… Но не будем о грустном. Ничего особенного с нами не происходит. Пожалуйста, не беспокойся.

Потом были Сашины письма о болезни и смерти Жени Клементьева. А потом… не стало Саши. Светлая ему память!

А.А. Кожанов на субботнике

Бирин Виктор Николаевич

Александр Кожанов — каким его помню

С Александром Алексеевичем Кожановым я познакомился летом 1979 года. После окончания Петрозаводского государственного университета я был распределен на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в сектор этнографии и фольклора. Заведующий сектором Евгений Иванович Клементьев, представив меня Александру, сказал, что будем работать вместе. Тот воспринял это с энтузиазмом, поскольку планировался полевой этап по проведению этносоциологического исследования, однако через минуту огорчился, узнав, что приступить к работе я смогу только в ноябре, так как после окончания военной кафедры должен пройти военные сборы.

В конце 1970–начале 1980-х гг. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР выполнялся исследовательский проект «Сельская среда и население Карелии в послевоенный период», в рамках которого летом 1979 г. среди сельского населения республики было проведено массовое этносоциологическое исследование. Данное исследование, организованное Е.И. Клементьевым и А.А. Кожановым, являлось комплексным и самым масштабным в Карелии и никогда больше в таком объеме не проводилось. Было досадно выпасть из состава экспедиции, но все понимали, что ничего не сделать и сборы нужно проходить.

В ноябре я официально был принят в ИЯЛИ на должность старшего лаборанта. Сразу же в течение ноября-декабря окунулся в работу в ЦГА КАССР, где в рамках исследовательского проекта осуществлялся сбор материалов из похозяйственных книг сельских советов республики за 1949, 1959 и 1969-й годы. В течение двух месяцев Клементьев, Кожанов и я «шерстили» данные книги, извлекая необходимую статистическую информацию. Собранные материалы, а также данные этносоциологического исследования легли в основу трех монографий и многих статей.

В начале 1980-х гг. мы общались с Александром Кожановым регулярно. Темы были самые разные. Он делился своим опытом обучения в аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, куда я должен был поступать, рассказывал об Ю.В. Арутюняне, своем научном руководителе, который в перспективе должен был стать и моим, о сотрудниках сектора конкретных

социологических исследований, для каждого из которых он находил свои неповторимые краски. Позднее, познакомившись с ними лично, оценил точность данных Александром характеристик наших с ним коллег.

Обсуждали мы с ним многие новинки литературы и кино, театральные премьеры карельских и московских театров, которые Александр Алексеевич посещал в период учебы в Москве и которые я, будучи в аспирантуре, не смог обойти своим вниманием. Его мнение по всем обсуждаемым вопросам было не банальным, всегда содержало неожиданные для меня яркие и емкие суждения.

Александр с юмором вспоминал о своем актерском опыте — участии в съемках фильма С. Ростоцкого «А зори здесь тихие», куда его в числе группы студентов Петрозаводского университета привлекали в массовку играть немецких диверсантов.

С Александром Алексеевичем мы всегда ладили, что радовало нашего руководителя Е.И. Клементьева. В нашем творческом коллективе сложились теплые товарищеские уважительные отношения, возникавшие споры или творческие разногласия никогда не переносились на личностные отношения. Александр всегда был сдержан в суждениях, замечания делал с юмором, часто с иронией. Лично я никогда не обижался, наоборот, дельные советы всегда принимал с благодарностью. Например, он показал мне некоторые способы обработки статистической информации, в частности прием «точкование», который я потом многократно использовал при проведении своих социологических исследований.

Отношения с коллегами всегда были ровные и доброжелательные, хотя Александр Алексеевич ограждал свое личное пространство от любого вмешательства извне. Пускал в это пространство только того, кого сам хотел.

В начале 1990-х гг. одним из кардинально изменивших мою жизнь решений стало поступление на государственную службу в только что созданный Комитет по межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, прообраз нынешнего Министерства по национальной и региональной политике Республики Карелия. Если Е.И. Клементьев благословил меня, то А.А. Кожанов отнесся к моему переходу на госслужбу весьма скептически, что, впрочем, никак не сказалось на наших отношениях.

Несмотря на то, что Александр Алексеевич в 1988 г. ушел из ИЯЛИ КНЦ РАН в Петрозаводский госуниверситет на преподавательскую работу, наше творческое содружество сохранялось.

В 1992 г. он стал редактором моей первой монографии[1] и блестяще справился с этой ролью. Его тщательность и дотошность проявились здесь в полной мере. Во-первых, он помог мне квалифицированно, с минимальными потерями сократить четверть текста, придать книге определенный шарм. Во-вторых, его внимание к мелочам, к точности названия должностей, событий, ссылок на факты и т. п. в подготовке текста «под ключ», помогло мне в дальнейшем в выполнении функций редактора различных научных и иных сборников, многолетнего ведения раздела «Земля Карельская» в республиканской газете «Карелия», посвященного проблемам народонаселения и реализации национальной политики. Все это Александр Алексеевич ненавязчиво прививал мне в процессе редактирования монографии, за что я всегда ему был благодарен.

В ходе работы возник конфликт — расхождение мнений о структуре работы: А. А. Кожанов настаивал, что одна из глав, особенно для меня важная и бывшая одной из центральных в книге, должна быть переделана. Я яростно возражал, доказывая, что переделка существенно нарушит концепцию книги. Александр Алексеевич шаг за шагом подводил меня к мысли, что ее все же надо переделать и это заметно улучшит логику восприятия работы. Переделка состояла в том, что главу нужно было «вывернуть» так, как выворачивают рукав шубы или пальто. Работа достаточно трудоемкая. При этом А. А. Кожанов «вычесал абсолютно всех блох», что бывает не так часто. Теперь, когда я беру в руки книгу и не нахожу ни одной ошибки или опечатки, я с благодарностью вспоминаю настойчивость, тщательность и скрупулезность Александра Алексеевича. В принципе, это касается всех текстов, к которым приложил свою руку Кожанов, как своих собственных, так и совместных, коллективных. Качество поразительное и достойно восхищения для людей понимающих.

В 1992 г. мы с Е. И. Клементьевым подготовили первый неподцензурный сборник «Карелы. Финны. Проблемы этнической истории»[2]. Там впервые была размещена статья С. Г. Веригина «О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года», в которой автор положительно оценил роль первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и члена Военного совета Карельского фронта генерал-майора Геннадия Николаевича Ку-

[1] *Бирин В. Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 256 с.

[2] Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. 227 с.

приянова, отстоявшего республику и спасшего карелов и вепсов от репрессий и депортации. Позднее Г.Н. Куприянов был арестован по «ленинградскому делу», подвергся пыткам, унижениям и мучениям, отсидел в тюрьме, реабилитирован, но властями республики в 1960–1980-е годы воспринимался весьма прохладно. В момент публикации сборника преимущественно негативная оценка его деятельности в республике сохранялась.

Я предложил Евгению Ивановичу посвятить наш сборник Геннадию Куприянову, но он не согласился. Пригласили А.А. Кожанова в качестве третейского судьи. Александр Алексеевич оказался к этому также не готов и в конечном счете поддержал Е.И. Клементьева. Я до сих пор жалею, что не смог их убедить. Позднее они согласились, что можно было и посвятить, но в тот момент оставались еще в плену «общественного мнения».

Еще один пример участия Александра Кожанова в решении принципиального творческого спора. Е.И. Клементьев включил в свою последнюю книгу «Этносоциология Карелии»[3] раздел «Будет карельский язык государственным языком? Хроника событий», против которого я как рецензент возразил и предложил его снять, «поскольку он выходит за рамки заявленной темы и явно выбивается из повествования». Это мягко сказано, так как написан он был тенденциозно и фактологически неточно. Евгений Иванович был задействован только на начальном этапе подготовки законопроекта, в его дальнейшей доработке после всенародного обсуждения в прессе участия не принимал. Он считал, что его проект был самый оптимальный и правильный. На мой вопрос, почему же к нему было высказано столько замечаний, поправок и дополнений, он обвинил людей в недопонимании ситуации. Мое возражение, что политика есть компромисс между желаемым и возможным, его не убеждало[4]. На этот раз А.А. Кожанов меня решительно поддержал. Евгений Иванович прислушался к нашему мнению и раздел изъял.

В 1993–1997 гг. в России осуществлялись социологические исследования сложившимся международным российско-американским коллективом: Центром социологических исследований МГУ (директор — С.В. Туманов), Центром по изучению межнациональных

---

[3] *Клементьев Е. И.* Этносоциология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 208 с.

[4] Подробнее об этом см.: *Бирин В. Н.* Первый этносоциолог Карелии и его коллеги // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 450– 452.

отношений Института этнологии и антропологи РАН (руководитель — М.Н. Губогло) и группой американских ученых под общим руководством известного американского политолога Джерри Хаффа (Университет Дьюка, Институт Брукинга) и Сьюзен Лейман (Колумбийский университет).

Первым таким мероприятием стало (беспрецедентное, по мнению ФСБ РФ) российско-американское социологическое исследование «Предвыборная ситуация в России», проведенное осенью 1993 г. К исследованию меня привлек М.Н. Губогло, сожалея, что Е.И. Клементьев из-за болезни не сможет принять в нем участие. Я заверил, что будем проводить втроем, вместе с Е.И. Клементьевым и А.А. Кожановым.

Было сформировано три группы интервьюеров из студентов ПетрГУ. Мы с Е.И. Клементьевым поехали в свои «вотчины»: он — в Олонец, я — в Сортавалу, А.А. Кожанов отправился в Медвежьегорск. Петрозаводск «опрашивали» вместе. Евгений Иванович рассчитал всю выборку, чем очень облегчил нам с Сашей задачу. Александр обеспечил студентами, я вел финансовую отчетность. Опрос был проведен качественно: мы уложились и в сроки, и в смету. Все были довольны. Я отвез массив М.Н. Губогло и получил от него задание: всем троим написать очерк об этнополитической ситуации в Карелии и готовиться к конференции по итогам проведенного исследования. Евгений Иванович и Александр Алексеевич ничего этого делать не стали (не помню уже, по каким причинам), в итоге пришлось «отдуваться» мне.

В 1990–2010-х гг. мы работали в разных сферах (Е.И. Клементьев оставался в ИЯЛИ КНЦ РАН, А.А. Кожанов — на преподавательской работе в ПетрГУ, я — на государственной службе в Миннац Карелии), однако наш творческий коллектив этносоциологов сохранялся. Время от времени мы объединяли усилия для проведения совместных социологических исследований либо реализации научно-исследовательских проектов. Одним из таких совместных действий стало участие в масштабном и принципиально важном научно-исследовательском проекте «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», реализуемом Институтом этнологии и антропологии РАН. Подготовку сборников материалов и документов в рамках данного проекта Карелия начала с заметным опозданием. Получив справедливый упрек московских коллег, Е.И. Клементьев собрал нас с А.А. Кожановым, подключил нашу коллегу З.И. Строгальщикову и в течение 2005–2018 гг. по проекту «Современная этнополитическая ситуа-

ция в Карелии» было издано 6 сборников документов[5]. Основная нагрузка легла на Е. И. Клементьева и А. А. Кожанова, я принял участие в двух сборниках, в которых, по мнению Евгения Ивановича, без моего участия было не обойтись.

А. А. Кожанов чаще всего работал в тандеме с Е. И. Клементьевым. Начиная с 1979 г. они провели ряд крупномасштабных исследований, посвященных социальным проблемам жизни населения Карелии, среди которых особенно значим проект «Финны Карелии» 1994–1995 гг., инициатором которого выступил ПетрГУ, выпустили две книги исследований сельского населения Карелии[6] и многое другое. Их исследования носили как научный, так и практический характер. Ни одной совместной статьи у меня с Александром Алексеевичем не получилось, хотя планы такие были. Единственная совместная статья карельских этносоциологов, посвященная проблемам формирования этнической группы белорусов в Карелии и их социально-культурным характеристикам, была опубликована в 1992 г. в Вестнике Белорусской академии наук на белорусском языке[7].

Последний раз мы собрались вместе летом 2017 года на квартире у Е. И. Клементьева, где написали соболезнование от карельских этносоциологов по случаю кончины основоположника этно-

---

[5] Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 112–114. Финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006. 258 с.; Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 337 с.; Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду. Сборник материалов и документов / сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 247 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 2. Умеренное крыло. Сборник материалов и документов / сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 250 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 3. Радикальное крыло (1990–1993) / сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов; отв. ред. З. И. Строгальщикова, С. Э. Яловицына. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. 242 с.

[6] *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л.: «Наука», 1988. 212 с.; *Они же*. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980. Историко-социологические очерки. Петрозаводск, 2001. 199 с.

[7] *Кляменцеу Е. І., Кашанау А. А., Бірын В. Н.* Беларусы у Карэліі: фармирование этнічнай группы// Весцы Акадэміі Беларусі. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1992. № 1. С. 90–98.

Сектор этносоциологии и этнографии ИЯЛИ КарНЦ РАН. 1985 г.
Стоят: Ю.Ю. Сурхаско, А.П. Конкка, В.Н. Бирин, К.К. Логинов,
А.А. Кожанов, Е.И. Клементьев. Сидят: А.П. Косменко, И.Ю. Винокурова,
О.Н. Ольхович, М.И. Мухина

социологии в СССР, нашего общего научного руководителя Юрия Вартановича Арутюняна. Выйдя с Александром на улицу, отметили, что Евгений Иванович сильно сдал, особенно «село» зрение — без сильной лупы читать уже не может. По-видимому, очередной том документов и материалов национальных организаций Карелии, представляющих национальные меньшинства, придется делать нам двоим. На что он заметил, что тоже себя плохо чувствует и вынужден был уйти из университета на пенсию. Я подвез его до дома, и мы расстались, понимая, что совместная работа вряд ли состоится.

В последние годы Александр Алексеевич тяжело болел. Он даже не смог проститься со своим учителем и другом Е. И. Клеметьевым, которого пережил не намного — всего на три с половиной года. Он ушел из жизни 29 мая 2021 года на 72 году. Мне сообщили об этом спустя несколько дней. Я находился в Сортавале и не смог проводить его в последний путь, тем более что в условиях пандемии прощание было ограничено только кругом близких родственников. В мемориальных материалах, размещенных в Интернете, его все называли историком и ни разу не упомянули о том, что он —

этносоциолог. Сам он тоже при жизни не акцентировал на этом внимание.

«Историк — это скорее мировоззрение, образ мышления, это уровень образованности, широта кругозора», — говорил Александр Алексеевич в интервью газете «Простые истины», которая выпускалась в 2008–2010 гг. студентами исторического факультета[8]. «Мне всегда хотелось преподавать»,— отвечал он на вопрос, почему в 1988 г. перешел из ИЯЛИ в ПетрГУ, в стенах которого проработал четверть века. В 1991 г. его избрали заведующим кафедрой дореволюционной истории России. Сложившийся благодаря его усилиям коллектив единомышленников стал основой для создания в 2004 г. новой кафедры — архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, которая осуществляла подготовку специалистов по перспективному направлению и которой он бессменно заведовал вплоть до ухода на пенсию.

«Строгий, но справедливый», «защитник студентов», «настоящий историк» — так говорили о нем университетские коллеги. Он был внимателен к их потребностям и запросам, всегда поддерживал талантливых студентов, оказывал помощь молодым, начинающим сотрудникам. Один из студентов в комментариях сравнил его с Каа из «Книги джунглей»: «…с "породистым" грустно-ироничным чувством юмора; студент при виде силуэта высокой фигуры в коридоре университета вытягивается по струнке и мысленно кается за все прегрешения»[9]. Студенты ценили в нем чувство юмора.

Широкий кругозор, независимость и неординарность мысли, умение аргументированно и спокойно отстаивать свою позицию, желание слушать и слышать, что говорит собеседник, неизменная внутренняя собранность и подтянутость, ненавязчивая принципиальность, сочетаемая с тонким остроумием и доброжелательным сарказмом[10] — таким он остался в памяти коллег и студентов, таким его помню и я.

---

[8] Россия – страна невыученных по истории уроков. Интервью А.А. Кожанова Михаилу Мешкову. URL: https://gazeta-licey.ru/public/loss/97209-aleksandr-kozhanov-rossiya-strana-nevyuchennyhurokov (дата обращения: 15.03.2022).

[9] Кожанов Александр Алексеевич: Отзывы о преподавателе. URL: https://professorrating.org/professor.php?id=117164#gsc.tab=0 (дата обращения: 15.03.2022).

[10] В память об Александре Алексеевиче Кожанове (01.09.1949–29.05.2021). URL: https://petrsu.ru/news/2021/95855/v-pamyat-ob-aleksand#t20c (дата обращения: 15.03.2022).

Жуковская Татьяна Николаевна

Открытое общество: А. А. Кожанов и кафедра истории дореволюционной России ПетрГУ на рубеже 1990–2000-х годов

«Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш — есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы».

(«Марш энтузиастов»,
неофициальный гимн ПетрГУ)

Впервые я увидела Александра Алексеевича Кожанова и познакомилась с ним в марте 1996 года во время командировки в Петрозаводск по приглашению друзей. Поводом была научно-теоретическая конференция «Коммуникации в культуре», объединившая историков, филологов и философов. Это объединение открыло интересный спектр научных проблем, пересечение методов исследования, порождало удивительно насыщенные научные обсуждения. Бурные дискуссии при большом стечении университетской и неуниверситетской публики клубились в аудиториях еще много часов после исчерпания программы докладов. Неформальное «закрытие» конференции за длинным общим столом в комнате общежития на ул. Фрунзе было не менее содержательным. Петрозаводск поразил меня с первых видов из окна поезда на бескрайнюю ширь Онежского озера, а Петрозаводский университет подкупил — своим демократизмом отношений и плотностью интеллектуального общения, в которое легко вовлекались, без различия возрастов и статусов, аспиранты и профессора, историки и филологи, хозяева и гости. Началась вторая половина 1990-х, время сложное, непредсказуемое, динамичное. Однако гуманитарная наука и преподавание тогда переживали столь бурное обновление и раскрепощение, что желание везде побывать, все новое прочесть, всех корифеев послушать было огромным, ограниченным только скудостью наших бюджетов.

Несомненно, одной из ярких фигур периода этого духовного и интеллектуального подъема в Петрозаводском универ-

ситете был А. А. Кожанов, который, хотя и не выступал на той конференции, неотрывно присутствовал в аудиториях и «кулуарах». В перерыве заседаний моя подруга Елена Маркасова представила меня Кожанову, курившему на лестнице. (Тогда еще не началась борьба с курением в учебных корпусах, доставлявшая ему, заядлому курильщику, немало беспокойства). Запомнился проницательный взгляд, улыбка, умная, спокойная речь, демократичный синий вязаный свитер. (Позже я уже не встречала Александра Алексеевича в университете без строгого костюма и галстука). Личное обаяние, внимательное отношение к собеседнику, умные и очень ответственные суждения, приправленные острым юмором, дополняли впечатление от общения с ним. Его слова и действия ясно маркировали его лидерство на этом интеллектуальном празднике, да и на факультете в целом. По крайней мере, такое впечатление держалось очень долго. Не припомню других администраторов ПетрГУ и факультета, которые так же свободно и с удовольствием существовали бы в тот момент в пестром бульоне научного и дружеского общения.

За первой конференцией через год последовала вторая, названная «Ситуации культурного перелома». Эти события положили начало Гуманитарному научному обществу, ГумНО, с его регулярными открытыми семинарами в стенах исторического факультета, со «штаб-квартирой» в здании на ул. Пушкинской (если не ошибаюсь, т. к. человеческая память, сохраняя яркие картины, не вполне надежна насчет фактических подробностей). Во время второй петрозаводской конференции 1997 года после моего доклада последовало предложение А. А. Кожанова работать у него на кафедре. Он объяснил, что после смерти Генриха Дмитриевича Корнилова посреди учебного года оказался «подвешен» общий курс истории России первой половины XIX века и дипломники остались без руководителя. Александр Алексеевич дал мне полную свободу выбора: поработать год «вахтовым» методом, оставаясь в Петербурге, или полностью перейти в ПетрГУ. Это предложение было серьезным испытанием, поскольку я была молодым кандидатом наук с небольшим опытом преподавания. Но ответственность мобилизует. Пришлось этот год «дорабатывать» в Аграрном университете в Пушкине с нагрузкой старшего преподавателя и параллельно читать все, что стояло у меня в расписании в Петрозаводске, в статусе доцента. До июня 1998 г. я жила между двумя городами, лекции готовила прямо в поезде, останавливалась то у друзей, то в студенческом общежитии.

С началом нового семестра, благодаря А. А. Кожанову, оказалась жительницей Петрозаводска и доцентом ПетрГУ. И не на год, а на целых 12 лет, которые стали очень важными в профессиональном отношении. Сейчас я понимаю, что это были мои лучшие годы как вузовского преподавателя.

Вернемся к научной жизни университета 1990-х годов и административной деятельности Кожанова — реформатора кафедры истории дореволюционной России (ИДР), которую он возглавил в 1991 г. О его реформаторских планах и действиях я была наслышана еще до посещения Петрозаводска — от своего товарища по аспирантуре СПбГУ Олега Валентиновича Ефимова. Олег восхищался Кожановым, относился к нему почти с сыновней преданностью и вернулся на кафедру ИДР, окончив целевую аспирантуру в Петербурге.

В Гуманитарное научное общество, активно действовавшее лет 6–8, входили историки, филологи, философы, представлявшие ПетрГУ и его подразделения, а также преподаватели Педагогического университета и некоторые докторанты СПбГУ, «зависшие» между Питером и Петрозаводском. Это было открытое дружеское (что важно!) интеллектуальное сообщество, молодое, остроумное, амбициозное. В его неформальное «ядро» входили самые разные люди: философы А. М. Сергеев, А. С. Соколов, А. В. Волков, историки И. О. Ермаченко, А. В. Антощенко, Ю. М. Килин, филологи В. Л. Кошкаров, Е. И. Геккина, Е. В. Маркасова, К. Б. Бабаева, А. В. Пигин, А. А. Котов, М. В. Копотев и др. Кроме ежегодных конференций, ГумНО проводило открытые семинары по вечерам (университет учился в две смены), на которые собирались преподаватели, студенты и даже школьники. Помню на докладах старшеклассника Лёню Терещенкова, сына нашей коллеги по кафедре ИДР, замечательного преподавателя Татьяны Владленовны Никулиной.

В 1998 г. прошел третий научно-теоретический семинар, названный «Культура: соблазны понимания», в 1999–2001 гг. — еще несколько всероссийских конференций с международным участием, труды которых были изданы под грифом кафедры ИДР и Гуманитарного научного общества[1]. А. А. Кожанов продолжал

[1] История и филология. Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 353 с.; Образы России в научном, художественном, политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика): материалы науч. конференции (4–7 сентября 2000 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 334 с.

На студенческой конференции

участвовать в оргкомитетах конференций, работал в составе редколлегии названных изданий.

В 2001–2003 гг., в продолжение активности ГумНО, уже по гранту ИОО[2], полученному кафедрой Кожанова, были организованы еще две всероссийские конференции: первая — по теме «Культура исторической памяти», вторая — с уточнением: «Невостребованный опыт». По итогам их были изданы содержательные сборники статей, объединившие имена крупных ученых и аспирантов из Москвы, Петербурга, Казани, Омска и других городов[3].

Проект развития кафедры истории дореволюционной России, получивший грант ИОО по Программе поддержки кафедр и соединивший на 4 года (1999–2003) истфак ПетрГУ с Европейским университетом в Петербурге в общую программу преподавания и научных исследований, на мой взгляд, был временем расцвета

[2] Институт Открытое общество (фонд Сороса) в 2015 г. признан Генеральной прокуратурой нежелательной организацией в России.

[3] Культура исторической памяти: материалы научной конференции (19–22 сентября 2001 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 302 с.; Культура исторической памяти. Невостребованный опыт: материалы всероссийской научной конференции (25–28 апреля 2003 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. 243 с.

сложившихся внутри кафедры направлений. Таких проектов, объединенных в Мегапроект «Развитие образования в России», было несколько. В эти годы на кафедре ИДР анонсировались и читались новые курсы, в том числе по вспомогательным историческим дисциплинам; исторический факультет ПетрГУ принимал ведущих историков ЕУ СПб и связанного с ним Санкт-Петербургского института истории РАН. Курсы по исторической антропологии, историографии, истории государственных учреждений, истории идей, военной истории читали ведущие ученые: А.Н. Цамутали, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, М.М. Кром, В.В. Лапин, М.В. Лоскутова, В.Г. Вовина и др. Помимо проведения лекций и семинаров петербургские историки в эти годы возглавляли в ПетрГУ Государственную аттестационную комиссию по отечественной истории, руководили защитами дипломных работ. «Зеркальной» стороной гранта, по его условиям, были стажировки преподавателей кафедры ИДР в Петербурге, их работа в центральных архивах и библиотеках по темам своих диссертаций, чтение мастер-лекций в Европейском университете, которые вскоре были также изданы. 2–3-месячную стажировку прошли почти все преподаватели кафедры. Итогом гранта стало совместное написание и издание обширного списка учебной литературы для студентов-историков Петрозаводского университета[4]. ЕУ СПб выпустил собственные учебные пособия по исторической антропологии, источниковедению раннесоветского общества, Кавказской войне, написанные М.М. Кромом, С.В. Яровым, В.В. Лапиным и др., пополнил свою уникальную библиотеку.

Лекции ведущих ученых ЕУ СПб и СПбИИ РАН, которые становились соавторами наших учебных книг, привлекали студенческую аудиторию. Кроме лекций были организованы выездные

[4] Золотая Орда и ее преемники: «степные» государства в XIII–XVII вв.: хрестоматия / сост. А. А. Кожанов, В. Г. Вовина-Лебедева, Т. В. Никулина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002; Русские летописи XII–XVII веков: тексты. / сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Т. В. Никулина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 169 с.; Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX в.): хрестоматия, учебное пособие / сост. А. В. Антощенко, Т. Н. Жуковская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 286 с.; *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре: учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 222 с.; *Савицкий И. В.* Дворянские родословные книги: формуляр и люди: мастер-лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 21 с.; *Ефимов О. В.* Аграрная реформа П.А. Столыпина в англо-американской историографии: мастер-лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002; *Жуковская Т. Н.* Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов: мастер-лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002, 42 с. и др.

семинары, в которых одновременно участвовали лекторы и слушатели ЕУ, преподаватели и студенты кафедры ИДР. Длительные стажировки преподавателей кафедры в Петербурге позволили нам собрать материал для научных работ, повысить научный уровень, расширить сеть научных коммуникаций. Запомнились установочный (1999) и итоговый (2002) семинары Мегапроекта в Петербурге, в ЕУ СПб на Гагаринской улице, в которых участвовали московские руководители и эксперты Фонда Е. Ю. Гениева, А. Б. Каменский и др. Летом 2002 г. Петрозаводск посетил внешний эксперт Фонда, известный американский русист Стивен Коткин, ученик М. Малиа, который был вполне удовлетворен научно-учебной деятельностью молодой кафедры, тем, как совершенствуется программа преподаваемых дисциплин, улучшается учебная и материальная база. Мегагрант кафедры ИДР и ЕУ СПб был продлен еще на год.

Используя возможности Мегагранта, кафедра приобретала новинки научно-исторической литературы, формируя собственную библиотеку с открытым доступом, чего в силу ограниченного финансирования не могла себе позволить в те годы Научая библиотека ПетрГУ. Мы сами закупали и привозили из командировок книжные новинки по отечественной истории, источниковедению, этнографии, архивному делу. Таким образом сформировалось собрание из нескольких сотен томов. Помещение для библиотеки было устроено уже после переезда из прежнего в более просторный кабинет 307а. Кафедральная библиотека была открыта для всех сотрудников, аспирантов и (с некоторыми ограничениями) для студентов.

Кроме того, грант позволил кафедре приобрести библиотеку известного ленинградского историка Анатолия Васильевича Предтеченского (1893–1966) после смерти его вдовы. Около 2 тыс. томов книг было перевезено из Петербурга в Петрозаводск, до сих пор эти книги существуют как нераздельное собрание в составе университетской Научной библиотеки[5]. В нем есть редкие дореволюционные издания, источники и исследования по истории общественной мысли, литературы, государственного управления первой половины XIX века. Многие тома — с автографами известных ученых и деятелей культуры. Презентация библиотеки А. В. Предтеченского состоялась в июне 2000 г. при участии его наследников.

[5] См.: Сектор редкой книги НБ ПетрГУ - Новости (petrsu.ru)

Александр Алексеевич
Кожанов дома

Наконец, Мегагрант позволил заменить единственный имевшийся кафедральный компьютер с процессором Intel (то ли 486, то ли даже 386 серии), для работы на котором приходилось заранее составлять график в журнале, на более современную технику, приобрести сканер, принтеры, расходные материалы.

Все это было необходимо хотя бы для изготовления «раздаточного материала», т.к. к тому времени уже несколько лет на кафедре ИДР развивалась новая специализация «делопроизводство и ведомственные архивы», о чем речь чуть ниже.

Окончание проекта «Программа поддержки кафедр» в 2003 г. совпало со свертыванием ИОО своей активности в России. Но к этому времени факультет и кафедра ИДР выбрались из прежних финансово-экономических трудностей, произошла смена поколений ученых и преподавателей, расширялась аспирантура, складывались новые кафедры и направления. Примерно до конца «нулевых», несмотря на изменение правил приема (ЕГЭ вместо устного экзамена в университете) и структуры обучения, разделенного на два уровня по «болонской системе», продолжался расцвет исторических специальностей и кафедр, исследовательской и издательской деятельности, факультет не знал дефицита «умных» абитуриентов. Именно в это время, в 2004 г., А.А. Кожанов открывает на базе специализации «документоведение и ведомственные архивы» новую кафедру архивоведения, путь к этому событию занял несколько лет. Дело в том, что уже в 1996 г. внутри кафедры ИДР сложилась специализация «делопроизводство и ведомственные архивы», в 2001 г. первые студенты, обучавшиеся по этой программе, получили дипломы. Под именем «делопроизводителей» фактически уже тогда на кафедре готовили квалифицированных историков-архивистов, востребованных работодателями, на основе программы Историко-архивного института. Открытие новой кафедры и соответствующей специальности «историко-

архивоведение» было итогом многолетнего труда многих людей и стало возможным благодаря организаторскому таланту и авторитету А.А. Кожанова, стремившегося пригласить на кафедру в качестве совместителей и штатных работников лучших архивистов, менеджеров, историков-источниковедов не только из Петрозаводска, но также из Москвы и Петербурга. Со многими из них его сотрудничество продолжалось еще много лет. Методическую и научную помощь кафедре оказывали профессора московского Историко-архивного института Т.Г. Архипова, Е.В. Старостин: консультировали, проводили экспертизы, читали лекции, возглавляли ГАК.

Кафедра архивоведения приобрела статус выпускающей кафедры, А.А. Кожанов испытывал законную гордость за своих питомцев и умел торжественные защиты и вручение дипломов превращать в праздник. На защитах он держался подчеркнуто серьезно, задавал редкие, но очень точные вопросы по темам, казалось бы, далеким от его собственных научных интересов. Чаще всего они касались методологических и источниковедческих аспектов студенческих работ.

Использовал А.А. Кожанов и свои связи с РЦНИТ (Региональным центром новых информационных технологий ПетрГУ) и его директором Н.С. Рузановой. В этой общей команде, насколько я знаю, начался проект по оцифровке «Олонецких губернских ведомостей». Впоследствии его участники, аспиранты, ставшие преподавателями, А.В. Голубев и А.Ю. Осипов развернули работу с живыми свидетелями Великой Отечественной войны, финской оккупации Петрозаводска методами устной истории, издали эти документы.

Важно, что А.А. Кожанов не прекращал в эти годы и собственных исследований сложных этнодемографических процессов в Карелии, которые вел еще будучи научным сотрудником ИЯЛИ, вовлекая в них своих прямых учеников. Его личная репутация как ученого-этнолога, занимавшегося сложнейшими современными процессами национальной мобилизации и мобильности, была очень высока до последних лет. Помню, что по просьбе своей знакомой, петербургского режиссера-документалиста Нины Олеговны Серебряковой, автора картин о судьбе угро-финских народов, А.А. Кожанов встречался с ней и консультировал. Н.О. Серебрякова тогда снимала фильм о вепсах.

Кожанову-руководителю был присущ здоровый педантизм (категоричное «я — бюрократ» он употреблял довольно часто).

Суров он был в отношении чужой лени, расхлябанности, безответственности, иных нарушений профессиональной этики вузовского преподавателя или кодекса студента. Бумаги, проходившие через его руки (приказы, отчеты, протоколы, экспертные заключения разного рода), были всегда четко оформлены, несколько раз отредактированы. При этом он умел выслушать, был способен принять и поддержать чужую точку зрения. Заседания кафедры, которые он вел, были регулярными, дельными и продолжительными, нередко сопровождались острыми дискуссиями и столкновением мнений. Не припомню важных вопросов, которые бы решались на кафедре ИДР «кулуарно», без открытого обсуждения. В речи заведующего, обычно заключавшей обсуждение того или иного вопроса в заседании кафедры или творческой группы, звучал металл, присутствовала железная логика. Однажды принятое коллективное решение должно было быть неукоснительно выполнено, причем А.А. Кожанов помнил мельчайшие детали разделенной ответственности за то или иное дело. Отговорки в случае невыполнения или необоснованной пролонгации какого-либо задания не принимались. При этом А.А. Кожанов умел ценить своих сотрудников, поощрять их. И наоборот, на заседаниях кафедры я не помню с его стороны обидных или неуважительных замечаний в адрес кого-либо из коллег или аспирантов. Атмосферу этих заседаний, как и лекций А.А. Кожанова, разряжали саркастические шутки, ирония, позволявшая говорить о серьезных вещах без занудства, быстрее понимать их суть. С тех пор в моей академической карьере, пожалуй, не было ни столь заинтересованных и дотошных обсуждений научно-учебных дел, ни таких свободных дискуссий об «общем деле», в которые были вовлечены все члены коллектива.

В этой связи довольно странной мне представляется сейчас ситуация выборов декана исторического факультета в 1998 году. Выборы проходили на моих глазах, поскольку мы, молодые сотрудники кафедры ИДР, стали членами Ученого совета. Велико было наше удивление, когда после подсчета голосов серьезный перевес получил действующий декан С.Г. Веригин, а не А.А. Кожанов, который тогда уверенно представлял свою программу, имел сильных сторонников и, как нам казалось, был близок к деканству. Не знаю, что именно привело к такому итогу голосования: его избыточная для руководителя категоричность или реформаторская активность, на взгляд представителей других кафедр, небесспорная, или же просто консерватизм пожилых и средневозрастных коллег,

Преподаватели кафедры истории дореволюционной России.
А.М. Пашков, Т.В. Никулина, Л.Э. Семенова, А.А. Кожанов, С.Г. Веригин, А.И. Афанасьева, Г.Д. Корнилов

которые были в большинстве. Так или иначе, деканом исторического факультета остался еще на несколько каденций С.Г. Веригин, руководя факультетом фактически 30 лет с перерывами. Этот феномен административного долгожительства еще предстоит объяснить будущим историкам университета.

Вообще, А.А. Кожанов сейчас представляется мне идеалом университетского ученого-администратора. Он ставил во главу угла интересы дела, руководимого им подразделения, этому подчинялись личные отношения. Его стилю совершенно не были свойственны фаворитизм, непотизм, сведение счетов, коллекционирование сплетен и иные порочные практики, нередкие в академической среде, как в историческом прошлом, так и в настоящем. Ну, разве что неявно, и не при распределении благ, а в личном общении, Кожанов выделял ровесников-друзей, тех, с кем вместе учился в университете или работал в КарНЦ, а также своих прямых учеников, таких как С.Э. Яловицына и Т.В. Виноградова. В итоге очень продуманная кадровая политика в таком небольшом коллективе как кафедра сформировала ситуацию равновесия не только между научными школами и дисциплинами, но и между поколениями специалистов. Поясню, что

я имею в виду. На кафедре ИДР сосуществовали, дополняя друг друга, «птенцы» самого ПетрГУ и люди, получившие подготовку в других университетах, происходило «уравновешивание» пожилых и опытных преподавателей, какими в середине 1990-х гг. были Г.Д. Корнилов, А.И. Афанасьева, учеными среднего возраста и научной молодежью. Новая кафедра архивоведения образца 2006 г. стала самой «молодой» на факультете, ее руководитель не боялся возложить ответственность на вчерашних аспирантов и студентов.

С исторической дистанции видно, насколько научная молодежь 1990–начала 2000-х была образованной, способной и ответственной. Не карьерные успехи и материальное благополучие (невероятное для университетских людей в те годы) мотивировали ее, а удовольствие заниматься наукой и преподаванием. В том поколении студентов и аспирантов было много талантливых, увлеченных и очень разносторонних людей. Пели в академическом хоре, играли в студенческом театре, писали стихи. Историк Дмитрий Гальцин — автор нескольких поэтических сборников. Наш заочник Владимир Праслов, бывший в «гражданской» жизни составителем поездов на станции Сегежа, записал несколько альбомов авторских песен, где и стихи, и музыка являют образцы настоящего таланта, цепляют за душу[6]. Я храню его диски. Заочница Елена Калинина (по первому образованию преподаватель физкультуры, школьный учитель с огромным стажем) — стала доктором исторических наук, профессором ПетрГУ.

Представители этого поколения, прошедшие школу А.А. Кожанова в свои студенческие и аспирантские годы, составили костяк преподавательского корпуса исторического факультета, впоследствии Института истории, политических и социальных наук, работают в ИЯЛИ КарНЦ РАН, НАРК, других научных центрах. Среди учеников Александра Алексеевича — А.В. Собисевич, известный историк картографии и географических знаний, ныне ведущий научный сотрудник ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Его диссертация, защищенная в 2014 г., посвящалась изучению географии и картографированию Карелии в XVIII–XIX вв. и непосредственно продолжала дипломную работу, написанную под руководством Кожанова на кафедре архивоведения ПетрГУ. Можно привести еще с десяток имен студентов кафедр ИДР и архивоведения «кожановского призыва», которые стали успешными учеными, защитили

[6] О нем: Праслов Владимир Николаевич - Сегежский район - Персоналии - Литературная карта Карелии (karelia.ru)

диссертации, написали книги: Татьяна Феклова, научный сотрудник СПбИИЕТ, Константин Годунов, научный сотрудник ЕУ СПб и СПбИИ РАН, этнолог Юлия Литвин, ныне зам. директора ИЯЛИ КарНЦ РАН по научной работе, и многие другие.

Бывшие аспиранты и соискатели, связанные с кафедрой ИДР в рассматриваемое время, такие как И.В. Савицкий, С.Э. Яловицына, В.В. Волохова, С.А. Дюжилов, М.Е. Неелова, О.И. Кулагин, А.В. Голубев, А.И. Осипов, Е.В. Каменев, А.К. Егоров, Е.А. Калинина, К.С. Казакова и др., активны в науке и преподавании и через 20 лет. Студенты и дипломники Кожанова ныне разбросаны по научным учреждениям Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Москвы и дальней заграницы. Возможно, в «нулевые» годы не последнюю роль в подготовке и продвижении их первых научных публикаций сыграл поддержанный А.А. Кожановым ежегодный сборник студенческих и аспирантских работ «Ante annum»[7]. Он выдержал четыре выпуска и «угас» на пятом, но не потому что был исчерпан банк качественных дипломных работ и диссертаций, а по причине очередной реформации самой аспирантуры и корректировки ВАКом публикационных стратегий молодых ученых. Как известно, в конце 2007 г. в ПетрГУ прекратил действие диссертационный совет по отечественной истории, хотя аспиранты и соискатели остались…

Важнейшим фактором коллективных успехов обеих кафедр, работавших под руководством А.А. Кожанова, была присущая ему культура работы с людьми, доверие и требовательность, проявляемые в идеальной для начальника пропорции. При этом он никогда не перекладывал на других свою работу, в частности, бюрократическую, по написанию всевозможных отчетов. Служебные бумаги, составленные другими и, по его мнению, недостаточно ясные и лаконичные, подвергались многократной и жесткой правке. Когда он говорил о себе: «Я — бюрократ», это воспринималось только в хорошем смысле: как образец уважения к норме и букве положений, принятых как вышестоящими институциями, так и нами самими, как пример пунктуальности и точности.

Редакторский стиль А.А. Кожанова был высочайшего класса, это касалось как научных, так и бюрократических текстов: он сразу видел главное, усиливал его, отодвигал второстепенное. Добавлю

[7] Ante annum. Сборник научных работ студентов и аспирантов исторического факультета / под ред. А. А. Кожанова, Т. Н. Жуковской. Вып. 1. Петрозаводск, 2000; Вып. 2. Петрозаводск, 2004; Вып. 3. Петрозаводск, 2006; Вып. 4. Петрозаводск, 2008.

Встреча с гостями из ЕУ СПб. 2000 г. Т.В. Виноградова, В.Г. Вовина, Т.В. Никулина, Р.Ш. Ганелин, В.В. Лапин, О.В. Ефимов, С.В. Куликов, А.А. Кожанов, Т.Н. Жуковская

к этому, что в серьезных ситуациях Кожанов-руководитель был строг, категоричен, но оставался справедлив, внимателен, остро ироничен, а в свободную минуту — бывал весел и обаятелен. Что по окончании дела или иному коллективному поводу он был всегда готов организовать неформальные «посиделки» на кафедре или даже поход в ресторан. Хаживали мы коллективно в «Кивач» и в более отдаленные питательные заведения, отмечали юбилеи в университетском кафе.

А.А. Кожанов стремился радовать и наших гостей, которые уезжали из Петрозаводска после конференции или защиты в приподнятом настроении и охотно приезжали снова. Избранных гостей и коллег он приглашал в летнее время в Косалму, на дачу, доставшуюся ему от тестя, известного в Карелии писателя Д.М. Гусарова. Совершались короткие экскурсии по окрестностям, с визитом на могилу выдающегося лингвиста Ф.Ф. Фортунатова, с выходом на берег Кончезера, лодочными прогулками.

В связи с умением А.А. Кожанова повышать значение событий устройством объединяющего всех праздника вспоминаются заключительные мероприятия наших конференций. Финальный

аккорд упомянутой выше конференции 2001 года об исторической памяти (совпавшей с юбилеем университетского Академического хора) прозвучал в концертном зале Петрозаводской филармонии. Программа концерта, по договоренности А.А. Кожанова и славного хормейстера Георгия Ервандовича Терацуянца, состояла из произведений исторического содержания. В совместной статье А.А. Кожанова и А.В. Антощенко в газете «Петрозаводский университет» отмечалось: «Выступление хора стало эмоциональным апогеем конференции, продемонстрировав на практике возможности использования хорового пения для формирования исторического сознания. После завершения концерта ни у кого не было сомнения, что понимание прошлого базируется не только на его рациональном объяснении, но и на его эмоциональном переживании, рождающем "эффект присутствия" и "эффект участия" в событиях прошлого»[8]. Разумеется, как всегда, концерт Академического хора завершал «Марш энтузиастов». Этот шедевр, с одной стороны, вызывает вполне конкретные исторические ассоциации с эпохой «великих строек», а с другой — был и остается созвучен молодости, университетскому духу. И как бессмертный «Гаудеамус» мил студентам всех времен, так «Марш энтузиастов» стал неформальным гимном Петрозаводского университета. И когда он исполняется в родных стенах при полном зале, то зал встает и усиливает звучание хора. Такие моменты незабываемы…

Конечно, креативный team-building, моральная мотивация сотрудников, внимательное отношение А.А. Кожанова к их интересам, проблемам и даже домашним делам работали в нужном направлении. Кафедра была достаточно сплоченной даже в отсутствие заведующего. Помню командный выезд после жаркого дня дипломных защит на Лососинное озеро и соревновательный заплыв двух поколений сотрудников. Победила дружба и начинавшаяся гроза!

Деловые обсуждения и разговоры «по личным вопросам» в «кабинете» А.А. Кожанова, точнее, в закутке кафедры размером 2х2 метра, не отделенном даже дверью, запоминались, были какими-то значительными, что ли. При этом внимательно выслушивались и проговаривались любые вопросы, касались ли они учебно-методических новаций, общих дел или личных проблем данного сотрудника. А.А. Кожанов был сосредоточен, не помню случая, чтобы он не придумал решения в сложной

[8] *Кожанов А., Антощенко А.* Культура исторической памяти // Петрозаводский университет. 2001. 28 сентября. № 26 (1850). С. 4.

ситуации. Но если его предложение оспаривалось, не давил и не принуждал. Был требователен, но не авторитарен. Дипломатичен, но последователен и принципиален. Сносил подшучивания и критику и не держал зла. По крайней мере, к людям, отношения с которыми расстроились (бывало и такое), продолжал относиться ровно, не ущемлял, не игнорировал, что называется, давал работать.

А. А. Кожанову были присущи такие замечательные качества руководителя как умение держать дистанцию, «не давить», слушать и слышать. Этот стиль поведения был естественным, объяснялся исключительной воспитанностью, интеллигентностью. В то же время его отличала личная скромность и некоторая сухость в общении с людьми не очень близкими.

Свой статус начальника он не культивировал, его ирония легко переходила в самоиронию. Кстати сказать, на мое «новоселье», широко отмеченное в сентябре 1998 г. в общежитии на ул. Фрунзе, А. А. Кожановым был принесен целый набор подарков, характеризующих его как руководителя и как умного и внимательного человека: цветы, прямо в хрустальной вазе, чтобы не искать, куда их поставить, книга М. Восленского о советской номенклатуре (редкое эмигрантское издание), карикатура на толстого начальника, сидящего на шее у подчиненного (графика на листе картона), с подписью: «Не у всех есть друзья, но у всех есть начальники». Отношение Кожанова-начальника было противоположностью этой карикатуре: он не «использовал» даже своих прямых учеников, ставших подчиненными, в ущерб их интересам, не заставлял «работать на себя», как это нередко бывает в замкнутом вузовском сообществе. Работа под руководством А. А. Кожанова была со-трудничеством, общим делом, результаты которого, как и авторские лавры, распределялись между всеми участниками.

Еще одна черта отличала А. А. Кожанова как заведующего кафедрой — ответственность за своих сотрудников, готовность к деятельной помощи им, как молодым, так и пожилым, нуждавшимся в поддержке и бережном отношении (так было с болеющей в последние годы работы в университете А. И. Афанасьевой). Знаю, что он помогал многим студентам с трудоустройством, методистам кафедры, получающим за свой труд какие-то унизительные деньги. Внимательное отношение и заботу я чувствовала и на себе, особенно в начале петрозаводской карьеры. В первые же мои приезды с лекциями А. А. Кожанов добился комнаты

в общежитии, сначала на ул. Суоярвской, затем — на ул. Фрунзе. Встречался с комендантом, лично провожал в эту скромную обитель, желая убедиться, что состояние комнаты и мебели пригодно для жизни. Несколько раз мои пустые вечера в незнакомом городе скрашивались его приглашением на ужин на ул. Гоголя, 30. Время было несытое, приглашения с радостью принимались, и мы вместе с Олегом Ефимовым, или Е.В. Маркасовой, или А.В. Антощенко ужинали на небольшой кухне за разговорами, и если усиливали теплоту вечера небольшим количеством алкоголя — то исключительно ради свободного течения беседы. Трудно забыть эти вечера, обстановку кабинета Александра Алексеевича, приготовленные его женой Натальей Дмитриевной замечательные домашние котлеты с картошкой, что отваривалась тут же, под разговоры.

Внешний облик А.А. Кожанова был очень европейским, в нем читалась собранность и интеллигентность. Его манера себя вести, говорить, одеваться выделяла его из ряда преподавателей, студенты-первокурсники это чувствовали с первого дня. Можно сказать, он учил их серьезному отношению к делу даже внешним обликом. Строгий, идеально сшитый костюм, со вкусом подобранные сорочки и галстуки, академический стиль, никакой расхлябанности. Хотя в дачной обстановке А.А. Кожанов был вполне органичен в свитере, шортах, высоких рыбацких сапогах.

Есть еще темы, которые при разговоре о А.А. Кожанове можно было бы развернуть, но мне не хватит материала, т.к. не столь долго и не так близко я знала его, как другие. Его личная порядочность, отношение к жене, семье. Об этом, наверное, есть кому написать, я лишь издали и по слухам это представляю.

Вот еще нетронутая биографами тема: Кожанов и кошки. Я ведь была знакома с первой кошкой А.А. Кожанова, заведенной в начале семейной жизни, трехцветной Маней, которая прожила какие-то мафусаиловы веки, почти дотянув до серебряной свадьбы хозяев! Маня в старости болела, но ее продолжали любить и лечить. Потом была новая кошка, приносившая веселых котят, которые радовали своими проделками Александра Алексеевича и Наталью Дмитриевну. Кстати, рассказы А.А. Кожанова о котятах нормально монтировались в телефонном разговоре с обсуждением кафедральных забот.

В памяти всплывает картина. В один из моих первых приездов с лекциями в Петрозаводск Кожанов пригласил к себе домой. Но по пути от университета, с извинениями, повел меня вокруг

помоек, громко взывая: «Муся! Муся!». Выяснилось, что подобранная Натальей Дмитриевной вторая кошка так и не одомашнилась и накануне сбежала через окно. Были проверены все помойки на ул. Гоголя, но Муся не нашлась, она пропала безвозвратно. О потере Муси Кожанов вспоминал еще долго. Отношение к своим (да и чужим) кошкам характеризует Александра Алексеевича как добрейшей души человека. Это не противоречит тому, о чем говорилось выше.

Требовательность и даже жесткость Кожанова-руководителя, должно быть, не всегда и не всем были приятны. Вероятно, в определенных ситуациях они осложняли личные отношения с коллегами. Но из сегодняшнего дня, оценивая вектор эволюции университетского управления, а также траекторию исторического образования в ПетрГУ, могу утверждать, что стиль Кожанова-руководителя университетской кафедры, суть которого выражалась тремя понятиями — демократизм, профессионализм, требовательность к себе и другим,— был созвучен своему времени. Времени максимальной, как понятно теперь, свободы творчества и академических отношений. Это время успело принести свои плоды.

…Взявшись за этот очерк, сознаю, что многие важные детали забылись, иные фрагменты памяти кажутся сомнительными. С другой стороны, с дистанции в 20 лет открывается возможность исторического осмысления феномена Кожанова-администратора науки и преподавания в контексте новейшей истории Петрозаводского университета. Способность держать магистральную линию, руководя одновременно столь разными проектами и творческими группами, дипломатичность и принципиальность в нужном сочетании, репутация либерально мыслящего человека, чуть ли не «диссидента» в советском прошлом,— все это характеризует Александра Алексеевича как личность яркую и неординарную. Он был человеком неравнодушным, с твердой гражданской позицией, не случайно его остро волновали события, происходившие в стране, в республике, в родном городе.

В этом тексте я не претендую на развернутый исторический очерк, по жанру это, скорее, личные воспоминания, с экскурсами в хронику постперестроечных десятилетий, изменивших страну и нас самих. Восстановление некоторых подробностей университетской жизни оказалось возможным благодаря записным книжкам и известному правилу, что «интернет все помнит». Для

настоящего исторического очерка понадобился бы архив Петрозаводского университета и исторического факультета за рассматриваемые годы, который, я надеюсь, уже упорядочен и ждет своего исследователя. Не сомневаюсь, что на страницах будущей истории Петрозаводского университета за три постсоветских десятилетия, которая напишется когда-нибудь в более спокойные годы по архивным материалам, образ Александра Алексеевича Кожанова останется одним из центральных и обретет более рельефные черты.

Новожилова Светлана Викторовна

Библиотека историко-литературного клуба

В биографии историка Александра Алексеевича Кожанова был период, когда он сам участвовал в исторических событиях. Впоследствии они получили название перестройки. И хотя сам он не склонен был преувеличивать значение этого участия, однако нельзя не признать, что общественное объединение под названием Историко-литературный клуб, одним из создателей которого был А.А. Кожанов, было значительным явлением для Карелии. Его основателями, кроме А.А. Кожанова, стали бывший политзаключенный Э.М. Хямяляйнен и преподаватель спецшколы поэт А.Л. Иванов (псевдоним Алексей Ливанов). Нужно сказать, что Александр Алексеевич определял себя как «позже присоединившегося к ним». А объяснял этот шаг желанием хоть что-то сделать, чтобы помочь приближению желанных перемен. От общения с ним у меня осталось впечатление, что ему вообще была свойственна какая-то щепетильная скромность (прошу прощения за это банальное слово). Вот и эту страницу своей биографии он не афишировал даже во времена, когда ею вполне можно было гордиться. Рассказывая об Историко-литературном клубе студентам, я каждый раз убеждалась, что они понятия не имеют об участии их преподавателя в исторических событиях.

Источников для рассказа об истории клуба совсем немного: вышедшая по горячим следам книга А.М. Цыганкова[1], страницы печати того времени, прежде всего издаваемый клубом Информационный бюллетень, воспоминания участников — А.Л. Иванова[2] и Э.М. Хямяляйнена[3].

Общественная организация под названием Историко-литературный клуб заявила о себе в октябре 1988 г. Численность его в разное время колебалась от 30 до 70 членов. В отличие

---

[1] *Цыганков А. М.* К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»... Кто они? К чему стремятся? Петрозаводск: Карелия, 1991. 247 с.

[2] См. *Иванов А. Л.* Последний акт // Курьер Карелии. 2006. 29 марта.

[3] *Хямяляйнен Э. М.* Из жизни отщепенца: ретроспективные заметки. Хельсинки: Гйоль, 2020. 368 с.

от других неформальных организаций, появившихся в это время и сразу заявивших о своем желании участвовать в политической борьбе, члены клуба провозгласили неполитический характер своего объединения, поставив на первое место просветительские цели, что выражалось в девизе: «К гражданскому обществу — через демократическое просвещение». Этой цели должна была служить главным образом библиотека, где любой человек мог бы ознакомиться с ранее недоступной печатной продукцией. В первом номере Информационного бюллетеня, издаваемого клубом, подчеркивалось, что распространение художественной, общественно-политической и религиозной литературы, не издаваемой по идеологическим мотивам,— долг гражданина. Собственное печатное издание должно было служить второй цели, заявленной клубом,— поддержке движения за реабилитацию репрессированных инакомыслящих в 1950–1980-е гг.: именно в этот период, о котором тогда еще мало говорили, Э.М. Хямяляйнен отбывал срок в мордовских лагерях. Историко-литературный клуб устраивал тематические экспозиции, обзоры и лекции, диспуты, однако на первом месте была библиотека. Более того, по свидетельству А. Иванова, Э. Хямяляйнен, «человек неуемной энергии..., был одержим идеей создания независимой библиотеки задолго до перестройки»[4]. Однако датой ее рождения, как сказал А.А. Кожанов в интервью газете «Набат Северо-Запада», «надо считать февраль 1989 года, когда на заседании Историко-литературного клуба было принято соответствующее решение и члены Клуба получили для чтения первые экземпляры книг, журналов и газет».[5]

Независимые общественные библиотеки, к которым несомненно принадлежит и Библиотека Историко-литературного клуба (далее БИЛК), относятся к самым ярким приметам перестройки. На страницах печати того времени мы встретили упоминания по крайней мере двенадцати российских городов, где действовали независимые библиотеки, в том числе и Петрозаводск. Были такие и в других республиках СССР (первые и самые крупные — в Прибалтике) и, конечно, в Москве и Ленинграде. Особо значимым событием стало открытие в ноябре 1988 года Московской Независимой общественной библиотеки (МНОБ). Ее возникновение имело большое значение для появления и поддержки других независимых библиотек, в том числе и нашей. Надо сказать, что, в отличие от других библиотек, где в составе

[4] См. *Иванов А. Л.* Последний акт // Курьер Карелии. 2006. 29 марта.

[5] Набат Северо-Запада. 1990. 28 декабря.

В отделе редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ. Передача коллекции материалов Библиотеки историко-литературного клуба. С.В. Новожилова, М.П. Отливанчик, А.А. Кожанов

учредителей были политические партии, петрозаводская была обязана возникновением общественной инициативе, а по сути даже личной. Обязанности библиотекаря взял на себя А. А. Кожанов. Книги в читальном зале выдавались бесплатно, на дом можно было взять под небольшой залог. Наличие растущей библиотеки создавало для клуба дополнительные проблемы, которых у него и без того было немало. А. Л. Иванов пишет: «Тернист был путь клуба и его издания. Нет, не было разгонов и иных репрессивных мер, но едва успевали устроиться в одном помещении, как нас под различными предлогами просили прочь». Немало пришлось претерпеть клубу, переезжая с места на место, пока не появилось собственное помещение. Самым долговременным из временных пристанищ был Дом культуры строителей, он даже упомянут на книжном знаке библиотеки. Источником для приобретения книг стали взносы членов клуба и пожертвования, а начало было положено партией книг, закупленных Э. М. Хямяляйненом в Ленинграде на занятые у знакомого деньги. Посте-

пенно появились и другие возможности для пополнения фонда. Помогло, например, установление контактов с независимыми общественными библиотеками, Ленинградской и Московской, а позднее с редакцией журнала «Гласность». При МНОБ действовало издательство «Из глубин», где копировались книги, полученные из-за границы. Эти ксерокопии, достаточно узнаваемые по внешнему виду (листы в них согнуты пополам), рассылались в другие города. Впоследствии, когда у библиотеки появился ксерокс, копировать книги можно стало и самим, таким образом отпала необходимость искать машинисток, готовых идти на риск. Эти петрозаводские копии отличаются от упомянутых альбомным форматом. Комплектованию библиотеки способствовало также получение гранта от фонда «Культурная инициатива».

В 1990 г. клубом была поставлена задача целенаправленного сбора неформальной прессы, по возможности широко представляющей и географию, и общественно-политический спектр самиздата, вплоть до самых радикальных изданий. Для этого потребовалось расширить связи с другими городами и даже республиками. Большую помощь в комплектовании периодикой оказало Московское бюро информационного обмена (М-БИО). Неформальная пресса продавалась в киоске, которым клуб обзавелся к этому времени. Киоск был подарен хозрасчетным центром при Карельском фонде культуры, а располагался на перекрестке проспекта Ленина и улицы Антикайнена.

В послеперестроечные времена библиотека разделила судьбу других ей подобных. Сделав свое дело, она естественным образом прекратила существование. С 1994 г. фонд БИЛК был законсервирован. Однако, в отличие от многих других независимых библиотек, петрозаводская не сгинула бесследно. В 2004 году она была передана в сектор редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ на правах отдельной коллекции. Заслуга в этом полностью принадлежит А. А. Кожанову.

Прежде чем переходить к описанию библиотеки, мы должны заметить, что не весь фонд ее был передан единовременно. Он пополнялся позднее в несколько этапов. Часть была передана самим А. А. Кожановым, например, 190 экз. известной эмигрантской газеты «Русская мысль» за 1988–1995 гг. В 2021 г. было принято более 60 экз. книг и большое количество журналов и газет, находившихся в библиотеке кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, к тому времени расформированной. Все, что было помечено штампом БИЛК, пополнило коллекцию

книг и периодики. Самым объемным приобретением стали более 500 экз. издания «Ежедневная гласность».

Среди обнаруженного на кафедре архивоведения оказались материалы, касающиеся деятельности клуба и его контактов. Мы сочли уместным приобщить их к БИЛК, а список поместить в конце каталога периодики, размещенного на сайте НБ ПетрГУ.

Среди них документы, касающиеся образования Народных фронтов в Ленинграде, Ярославле, Эстонии и Латвии в 1989 г., материалы избирательных кампаний 26.03.1989 и 18.03.90: предвыборные листовки и плакаты, большая часть которых относится к Карелии. Среди них есть написанные от руки. Заслуживает внимания предвыборная информация для избирателей Народного фронта Карелии, где кандидаты разделены на две колонки: рекомендуемые и те, против кого предлагает голосовать НФ. Интересно, что среди рекомендованных В.В. Павлов, более известный как Архимандрит Мануил, в другой колонке — деятели ПетрГУ: проректоры В.Н. Васильев, И.А. Болотников, а также В.В. Шильников и В.Ш. Каганов. Есть кандидаты, мнение о которых не сложилось, а есть и такие, которых призывают бойкотировать.

Несколько папок содержат подборки листовых и газетных материалов: документы НТС (Народно-трудового союза солидаристов), материалы по делу Гдляна и Иванова, папка, посвященная путчу, она состоит в основном из газет.

Могут представлять интерес некоторые документы, касающиеся непосредственно ИЛК, такие как Устав Историко-литературного клуба, № 16 Информационного бюллетеня с цензурным разрешением Управления по охране гостайны в печати при СМ КАССР, просьба о предоставлении клубу помещения и постановление о его выделении (полдома на Федосовой, 43), договор с редакцией газеты «Набат Север-Запада» о предоставлении ей (редакции) оргтехники.

Библиотека Историко-литературного клуба в сегодняшнем ее виде — это около 300 книг и брошюр и 534 названия периодики (ок. 2800 экземпляров). Все книги и журналы изначально были помечены ярлыком с аббревиатурой БИЛК и (или) круглым штемпелем: «Дом культуры строителей. Историко-литературный клуб г. Петрозаводска».

На страницах изданий широко представлены политика, история, художественная литература, право, экология, религия, экономика, национальные проблемы и многое другое. По месту и способу издания можно выделить следующие группы: произведенное

в СССР типичными способами самиздата (условно: «самиздат»); изданное за рубежом («тамиздат»); «альтернативная пресса» (термин предложен И.Н. Струковой, автором единственного известного нам серьезного исследования периодики времен перестройки [6]) — независимые издания, выпущенные после принятия в 1990 г. закона о печати, «полулегитимные», уже не являющиеся самиздатом в традиционном понимании.

Большую часть книжной коллекции составляет тамиздат (ок.70%), остальное — самиздат и альтернативная литература. Самиздат представлен в своем типичном виде: машинопись, фотокопии, копии, сделанные при помощи различной множительной техники (ксерокс, ротапринт и др.). Около 20% данного фонда — малотиражные брошюры. По составу книг в библиотеке можно судить о темах, которые волновали ее читателей. Прежде всего, это история России: революция, гражданская война, сталинские репрессии. Наряду с историческими исследованиями судеб России, такими как «Русское прошлое и советское настоящее» А. Безансона (London, 1984), «Красный террор в России» С.П. Мельгунова (Нью-Йорк, 1989), «Россия в концлагере» И.Л. Солоневича (Washington, [19...?][7]), заметное место занимают воспоминания. Неприкрытую правду о жизни в Советской России рисуют О.А. Хрептович-Бутенева (Перелом. Париж, 1984), Г.М. Александров («Я увожу к отверженным селениям...». Париж, 1978), А.Э. Краснов-Левитин (Лихие годы: 1925–1941. Париж, 1977), М.З. Никонов-Смородин (Красная каторга. Б. м., [199...?]) и др. В коллекции находится и первое исследование о лагерях в СССР — книга Б.А. Яковлева «Концентрационные лагери СССР» (Лондон; Онтарио, 1983). Это ксерокопия, сделанная со второго издания книги. Первое вышло в 1955 г. и вызвало настоящий шок на Западе, где долго отказывались верить ужасам об СССР. По предположению автора предисловия А.Г. Авторханова, первое издание было полностью изъято из магазинов. Материалом для этого первого исследования ГУЛАГа стали показания немецких военнопленных, вернувшихся из советских лагерей. Большое место в коллекции занимают книги политического и экономического содержания, религиозная литература, а также все, что связано с судебной системой и правозащитным движением. Две книги воспоминаний адвокатов

[6] *Струкова Е. Н.* Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987—1996) / под ред. В. И. Тропина. М.: ГПИБ России, 2005. 309 с.

[7] Знак вопроса указывает на отсутствие даты в ксерокопии.

содержат уникальный опыт противостояния судебным порядкам. Книга Д.И. Каминской «Записки адвоката» (ксерокопия зарубежного издания, напечатанного в Вермонте в 1984 г.) рассказывает о судебных процессах над диссидентами 1960–1970-х гг., в которых автор участвовала в качестве адвоката. Уникальные факты из истории 1920–1930-х гг. содержат «Записки советского адвоката» Н.В. Палибина (Париж, 1988). Художественная литература представлена большей частью русскими писателями — эмигрантами в основном второй волны. Это А.И. Солженицын, А.А. Зиновьев, В.Н. Войнович, Э.В. Лимонов, А. Терц. В коллекции БИЛК имеются также книги по экономике, праву, философии, библиографические издания того времени.

Уже при первой сверке книг из коллекции БИЛК с каталогом нашей библиотеки выяснилось, что большей их части в НБ ПетрГУ нет или они представлены только журнальными, часто сокращенными вариантами. Некоторых изданий мы не обнаружили и в доступных нам каталогах библиотек — Российской государственной (РГБ) и Российской национальной (РНБ).[8] В основном это брошюры, изданные различными партиями и общественными группами, а также самиздатовские машинописные материалы: «Документы встречи бывших политзаключенных послесталинского периода» (Ленинград, 1990), «Документы второй международной конференции по правам человека» (Вильнюс; Ленинград, 1990), копии приговоров по политическим делам и др.

Общее число наименований периодических изданий — 534 (ок. 2400 экз.). Нужно отметить, что 369 из них — это независимые издания, отмеченные в каталогах независимой прессы, в то время как, по свидетельству Е.Н. Струковой, общее число выходивших в 1987–1991 гг. на территории СССР периодических изданий на русском языке — более 1000.

Фонд периодики условно можно разделить на журналы и газеты, хотя независимые издания подчас поддаются такому разделению с трудом. В журнальный фонд вошло 90 наименований (290 экз.). Подавляющее большинство их — альтернативная пресса разного характера. Наиболее востребованными были издания политические, содержащие критику действующей власти, и прежде

[8] Сверка книг производилась с электронными каталогами РГБ и РНБ, сканированным карточным каталогом РНБ, а тамиздата, кроме того, с печатным каталогом: Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918-1991: библиографический указатель: в 3 т. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997—2002. Т. 3.

всего «Гласность» — первый неподцензурный общественно-политический журнал эпохи перестройки. Представлены в журнальной коллекции издания политических партий и направлений, такие как «Левый поворот», «Эсдек» и др., а среди изданий неполитических особенно интересны литературно-художественные журналы «Сумерки», «Третья модернизация», «Митин журнал». Около 30% журнальной коллекции составляет продукция тамиздата, начиная с самого известного из имевших хождение в СССР журнала «Посев» — органа НТС[9], а также «Голос Зарубежья», «Новый журнал», «Страна и мир», «Вестник РХД»[10] и т.д.

В коллекции газет около 400 наименований (2 230 экз.), и она представляет, возможно, самую ценную часть библиотеки как в отношении библиографическом, так и историческом. Именно к этим изданиям больше всего подходит цитата из А. Суетнова, известного библиографа самиздата: «Из-под тоталитарного пресса вылезло живое, хотя и нестерпимо вульгарное и тенденциозное слово. С одной стороны, это голос интеллектуалов-аутсайдеров, с другой, хамский агрессивный «глас народа», а где-то рядом ерничают авангард и рок-культура».[11]

Все это как нельзя лучше характеризует и нашу коллекцию. Большую группу газет составляют издания общедемократической направленности и печатные органы различных политических партий: Демократический союз (самая популярная газета «Экспресс–хроника»), конституционные демократы («Гражданское достоинство»), коммунисты (вплоть до сталинистов), анархисты, христианские демократы, социал-демократы, национал-патриотические объединения. Не так многочисленна группа газет неполитического характера. Здесь представители различных религиозных конфессий, женское движение, «афганцы», защитники природы и животных, профсоюзы, эсперантисты, художественный андеграунд. Обширна также и география публикаций. Больше всего изданий выпущено в Москве и Ленинграде, далее идут Прибалтика (25 наименований), Украина (8), Белоруссия и Армения (по 7), а также — Грузия, Азербайджан, Молдавия. Издавалась альтернативная пресса и в российских регионах, и не только в крупных городах, таких как Архангельск,

---

[9] НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов) – политическая националистическая организация русской эмиграции.

[10] РХД – Русское христианское движение.

[11] Цит. по: *Андрюшина С.В.* Критерии отбора в фонд нетрадиционных изданий// Библиотековедение. 1996. № 3. С. 83.

Саратов, Тобольск, Ярославль, Краснодар, Воронеж, Воркута, но и в совсем небольших: Апатиты (Мурманская обл.), Вельск (Архангельская обл.). В отличие от остальной части коллекции, газетный фонд достаточно однороден по происхождению: это альтернативная периодическая печать времени своего расцвета (1988–1991). Тамиздат представлен подшивкой «Русской мысли» за 1990–1995 гг. (140 экз.), выходившей в Лондоне, и еще несколькими зарубежными изданиями.

Особого внимания заслуживает местная пресса. Основным источником для ее описания послужила все та же книга А.М. Цыганкова[12].

«Информационный бюллетень»[13] — орган Историко-литературного клуба г. Петрозаводска. Издавался с ноября 1989 г. тиражом от 40 до 70 экз. Это самое внушительное из карельских изданий по объему (до 20 машинописных листов), редактор А.Л. Иванов, в редакционную группу входили Э.М. Хямяляйнен, О.Н. Шамонаев, М.Ю. Шилов. Вышло 16 номеров, последний — в январе 1990 г. (все они есть в нашей библиотеке). «Информационный бюллетень» был лидером среди карельских независимых изданий, насчитывал до тысячи постоянных читателей (на страницах журнала нам встретилось упоминание о полутора тысячах). А.М. Цыганков отмечает неплохой профессиональный уровень публикаций. Не являясь, по утверждению редактора, политическим изданием, «Информационный бюллетень» много места уделял политике; да это и не могло быть иначе, так как все острые и больные темы воспринимались как политические. Наиболее значимые рубрики издания: «Из истории правозащитного движения» (перепечатки Л.М. Алексеевой, А.И. Солженицына и др.), «Демократия в Карелии: прошлое и настоящее». Результатом обратной связи с читателями стала «рубрика читателя». Нужно сказать, что редакция всегда подчеркивала свою приверженность плюрализму: иногда страницы предоставлялись для высказывания самых разных политических взглядов, отнюдь не всегда ею разделяемых.[14] На страницах бюллетеня нашли также пристанище тексты, отвергнутые официальной прессой: статьи, обращения, стихи, переписка с цензорами и другими разрешающими органами. Литературно-

[12] *Цыганков А.М.* К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»... Кто они? К чему стремятся? Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 196–204.

[13] Там же. С. 196 –199.

[14] Тот же принцип соблюдался и при комплектования текущей периодики.

Передача библиотеки историка А.В. Предтеченского в Научную библиотеку ПетрГУ. А.В. Антощенко, Н.С. Рузанова, А.А. Кожанов, С.В. Новожилова, М.П. Отливанчик, Б.Г. Шальопа , Т.Н. Жуковская

художественная часть невелика и представлена в основном стихами (все-таки редактор — поэт).

«Зеленый квадрат»[15] — рукописный журнал, издавался Свободной студенческой зеленой лигой (редакторы — студент В. Поташов и журналистка Ю. Утышева), тираж 6 экземпляров, объем до 20 страниц. Первый номер вышел 23 октября 1989 г. В коллекции БИЛК имеются № 1–5 (последний номер за май–июнь 1990 г.). Тематика журнала отнюдь не исчерпывается экологией, на его страницах публиковались стихи, пьесы, рассказы начинающих авторов; впрочем, и экология рассматривается в широком смысле, включая и человека с его проблемами.

«Пробуждение»[16] (1988. № 1–3; 1989. № 6; 1990. № 7) — машинописное «независимое политическое издание» Дмитрия Билибина, тираж 10–20 экземпляров, объем 25–30 страниц. Идейная направленность, по словам издателя, антикоммунистическая, сам он подчеркивал свою принадлежность к Народно-трудовому союзу и называл себя не иначе как «наиболее опасным политическим

[15] *Цыганков А. М.* К гражданскому обществу… С. 200–201.
[16] Там же. С. 199–200.

противником советской власти».[17] «Пробуждение» не имело широкого хождения.

«Вестник»[18] — непериодическое издание пресс-центра Дворца пионеров и школьников Петрозаводска, тираж 200–250 экземпляров, выходило с конца февраля 1990 г. Газета предназначалась для школьников и, что особенно ценно, издавалась с их участием (редактор — школьница Аня Базегская). В БИЛК имеются № 2–8 (последний номер за 8 мая 1990 г.). «Samarano»[19] («Одноклубник») — газета на языке эсперанто и русском, издавалась с марта 1987 по 1990 г., всего вышло 57 номеров (в наличии — 16). Тираж от 7 до 20 экземпляров. Ответственный за выпуск — Б. Романов; газета распространялась среди членов петрозаводского клуба эсперантистов и рассылалась по адресам родственных клубов. Основное направление издания — призыв к объединению человечества в мировое государство и поддержка идеи международного языка.

«Набат Северо-Запада»: народная газета, издавалась в 1990–1991 гг., редактор А. Соколов.[20] Пятьдесят пять номеров газеты за 1991 год были принесены с кафедры архивоведения. По-видимому, А.А. Кожанов считал, что эта газета, самая массовая из независимых изданий Карелии, не является такой уж редкостью. Действительно, подшивки «Набата» имеются в Национальной библиотеке Республики Карелия.

Перечислим еще несколько изданий, которые можно отнести скорее к государственным или коммерческим, по крайней мере, в каталогах самиздата они не числятся.

«Республика/Tasavalta» — издание Социал-демократической партии России (1991. № 1; 1992. № 10), 4 номера «Команды» (экс-«Комсомолец») за 1991 год попали, вероятно, за то, что здесь материалы о путче. «Благовест» — издание Петрозаводской епархии и общества охраны памятников (1991. № 1. Июль).

Два неполитических издания — «Левашовский бульвар» и «Тайна» — представлены единственными экземплярами. Обе газеты платные. Сведения о них почерпнуты нами из самих изданий. Первая (№ 2 за 1991 год) учреждена кооперативом «Торос», тираж ее 999 экз. Редакторы, обозначенные как В.П. и В.Ш., подчерки-

---

17 Там же. С. 199.

18 Там же. С. 202–204.

19 Там же. С. 204.

20 *Хямяляйнен Э. М.* Из жизни отщепенца: ретроспективные заметки. Хельсинки: Гйоль, 2020. С. 286-287.

вают «бульварный» характер газеты. «Тайна» — газета объемом в один лист, представлена № 1 за 1990 г. Сообщается, что это независимое коммерческое издание, тираж 2000, издатель и редактор — В.Г. Опарин, газета отпечатана в Пряжинской типографии. Это сборник рассказов о различных тайнах (Джоконды, клада Наполеона, травоядных гуманоидов и т.д.), среди которых некая «тайна Косалмы». Эти первые ласточки развлекательной прессы, несмотря на заявленные тиражи, никаких следов в истории карельской журналистики не оставили, во всяком случае, мы их не обнаружили.

Возвращаясь к местному самиздату, хочется отметить, что только 4 издания занесены в соответствующие каталоги, что повышает краеведческую ценность коллекции.

Если же говорить об исторической ценности БИЛК, то впервые я услышала о ней от Е.Н. Струковой[21] еще в 2009 году, когда она приезжала по приглашению А.А. Кожанова для чтения лекций по истории самиздата для студентов. По ее свидетельству, это единственная провинциальная независимая библиотека, оказавшаяся в государственном хранилище.

Для университета БИЛК — прекрасная источниковедческая база для проведения практических занятий с историками, политологами и филологами-журналистами, и она использовалась в этом качестве на протяжении всех этих лет. Однако случаев привлечения содержимого библиотеки для написания каких-либо работ было совсем немного, история же общественного движения в Карелии в период перестройки так никого и не заинтересовала. До сих пор основным источником остается книга А.М. Цыганкова, ценная тем, что написана по горячим следам[22]. Дальнейшего исторического осмысления эта тема не получила.

Со времени поступления БИЛК в фонды НБ ПетрГУ прошло 19 лет. За это время мы не единожды возвращались к работе над коллекцией, результатом каждый раз бывали доклады и публикации, начиная с заметки в университетской газете[23] и заканчивая статьей в сборнике «Книжные коллекции Научной библиотеки

---

[21] Е. Н. Струкова возглавляет Центр социально-политической истории (ранее – отдел нетрадиционной литературы) Государственной исторической публичной библиотеки – главного центра по собиранию, хранению и изучению самиздата разного времени, вплоть до сегодняшнего дня.

[22] *Цыганков А. М.* К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»… Кто они? К чему стремятся? Петрозаводск: Карелия, 1991. 247 с.

[23] Газета «Петрозаводский университет». 2006. 17 марта. № 9.

Петрозаводского государственного университета»[24]. Этот последний, наиболее полный на тот момент вариант, послужил основой для данной статьи, которая дополнена сведениями о новых поступлениях. Последней большой работой над коллекцией БИЛК стало создание каталога периодики, позволившее исправить и дополнить данные, приведенные в предыдущих статьях. Сейчас этот каталог представлен на странице сектора редкой книги библиотечного сайта [25], и хотя самого сектора уже нет, будем надеяться, что результаты наших трудов останутся, а сама библиотека Историко-литературного клуба — детище А.А. Кожанова — будет сохранена для будущих историков.

[24] *Новожилова С. В.* Книжные коллекции Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета / С. В. Новожилова, А. В. Пигин ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т языка, лит. и истории. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 134-150.

[25] URL: https://library.petrsu.ru/files/rarebook/koll.html

Волохова Валентина Владимировна

Кафедра единомышленников

Александр Алексеевич Кожанов как-то отметил, что все ругают 1990-е гг., а вот он, несмотря на все материальные трудности, вспоминает это время как время новых возможностей. В новых условиях нужно было выживать и вузам, и преподавателям. В то же время государство временно ослабило контроль над образованием. Все это давало простор для инициативы и самостоятельности. А. А. Кожанов точно уловил веяния времени, когда в условиях рыночных отношений, при постоянно возрастающих объемах информации, для организации информационно-документационного обслуживания требовалось все больше профессионально подготовленных кадров. Он стремился расширить сферу деятельности выпускников истфака, дать им возможность получить комплекс теоретических и практических знаний по архивоведению, документоведению и делопроизводству, достаточный для организационно-управленческой и информационной работы в учреждениях и на предприятиях разного профиля. Как он сам отмечал, историк — это не профессия, а мировоззрение[1], ему хотелось, чтобы человек с широким историческим кругозором нашел свое место в современной жизни, вышел из башни из слоновой кости и включился в практическую работу. Так в 1996 г. на кафедре истории дореволюционной России была открыта новая специализация «История. Делопроизводство и ведомственные архивы» с ежегодным приемом 12–15 студентов на бюджетной основе.

Позже А. А. Кожанов признавался, что это было в определенном смысле авантюрой: не было опыта, преподавательских кадров, учебников, сам предмет обучения не вполне был ясен. Здесь понадобился и его талант организатора, и человеческая харизма, позволившая объединить единомышленников.

Открытие специализации потребовало значительных усилий по организации учебного процесса. Был составлен учебный план, изданы необходимые для учебного процесса методические материалы, осуществлялась подготовка кадров, обеспечивающих чтение учебных курсов по специализации. В центре всей этой работы

[1] Простые истины: газета студентов исторического факультета. 2009. № 6.

был А. А. Кожанов. Он сумел сплотить вокруг себя историков, готовых включиться в изучение проблем делопроизводства, архивного дела, истории государственных учреждений.

К сотрудничеству были привлечены специалисты Национального архива Республики Карелия. С его легкой руки с самого начала подготовки в ПетрГУ специалистов для архивов и сферы делопроизводства в этой работе активное участие приняли преподаватели Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. При этом как человек глубоко знающий историю и ценящий историческое знание, А. А. Кожанов сделал ставку на сочетание фундаментального исторического образования с глубокой подготовкой в области прикладного документационного обеспечения управления.

Неоценимую помощь — организационную, интеллектуальную, моральную — в создании новой специализации оказали ныне покойная заведующая кафедрой документоведения Историко-архивного института РГГУ проф. Т. В. Кузнецова и заведующая кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций этого же вуза проф. Т. Г. Архипова. Благодаря им в 1996 г. был заключен договор, который предусматривал помощь со стороны РГГУ в организации учебного процесса по специализации «Делопроизводство и ведомственные архивы» в ПетрГУ. Через несколько лет они оказали всестороннюю помощь при лицензировании специальности «Историко-архивоведение». Т. В. Кузнецова стала и научным руководителем кандидатской диссертации по специальности «Документалистика, документоведение и архивоведение» выпускницы исторического факультета ПетрГУ Т. В. Виноградовой. В итоге именно Т. В. Виноградова вместе с имеющей богатый практический опыт в области делопроизводства А. Е. Мельяченко взяли на себя чтения для будущих документоведов-архивоведов дисциплин документоведческого цикла.

В 2001/2002 уч. г. на базе специализации «Делопроизводство и ведомственные архивы» была открыта новая специальность «Историко-архивоведение». Со временем стало очевидно, что специальность «Историко-архивоведение» по своему предметному полю, специальным прикладным целям и задачам кардинально отличалась от предметного поля, целей и задач кафедры истории дореволюционной России. Если последняя была создана в 1991 г. для обеспечения преподавания отечественной истории с древнейших времен до 1917 г., то для «историко-архивоведения»

базовыми дисциплинами являлись «Архивное право», «Государственные и ведомственные архивы», «Управление и экономика архивов», «Организация хранения, реставрация и консервация документов архивов», «Документоведение», «Технология и организация делопроизводства» и др. Кроме того, требовались производственные и учебные практики, отличные по технологии и содержанию от тех, которые были традиционными для кафедры истории дореволюционной России. Важно отметить и тот факт, что с 2001/2002 уч.г. кафедра вела набор еще и на специализацию «Музееведение и музейная педагогика». Таким образом, назрел вопрос о реконструкции кафедры истории дореволюционной России и выделении из ее состава новой кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин. Создание новой кафедры было рекомендовано и по результатам Государственной аттестации ПетрГУ, прошедшей в 2003 г.

После прохождения всех необходимых согласований 19 февраля 2004 г. ректором ПетрГУ В.Н. Васильевым был подписан приказ об образовании кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин. А.А. Кожанов возглавил новую кафедру. Ядро кафедры составили Т.В. Виноградова, И.В. Савицкий, Н.Е. Грибушина, А.Е. Мельяченко, Т.Н. Жуковская, С.Э. Яловицына, В.В. Волохова, Е.В. Каменев, позже в состав кафедры вошли А.М. Спиридонов, А.М. Жульников и О.Е. Ермолаева. Позднее кафедра приняла в свой состав выпускников — Я.В. Полякову, И.С. Штыкову. Верной помощницей А.А. Кожанова в организации работы кафедры стала методист Т.Н. Блинова.

Кафедра просуществовала всего десять лет, но это оказались десять лет напряженной и плодотворной работы. Главные силы были направлены на развитие специальности «Историко-архивоведение». Уже в 2004 г. состоялся первый выпуск (заочное отделение, ускоренная форма обучения). В 2006 г. впервые вручались дипломы выпускникам дневного отделения. Тогда в целом на пяти курсах по специальности «Историко-архивоведение» обучалось 118 человек.

Достаточно молодой и очень пестрый по своим интересам коллектив кафедры сплачивали общая заинтересованность в развитии новой специальности и личность руководителя кафедры. Разнообразие научных интересов сотрудников должно было, по мнению А.А. Кожанова, только усилить качество подготовки будущих специалистов. Особенно важными из исторических дисциплин (наряду с собственно историей) А.А. Кожанов

Встреча со студентами. За преподавательским столом: Я.В. Полякова, В.В. Волохова, А.А. Кожанов, Т.Н. Блинова

считал дисциплины, связанные с источниковедением. Это привело к появлению в учебном плане будущих архивистов курса «Вспомогательных исторических дисциплин», который и по сей день (теперь уже только студентам-историкам) читает И.В. Савицкий, курса «Анализ визуальных источников» (В.В. Волохова). Привлекая на кафедру молодых педагогов, вынужденных погружаться в не всегда привычную для них в силу классического исторического образования архивоведческую тематику, А.А. Кожанов давал им возможность передать студентам собственный исследовательский опыт. Так появился в учебном плане спецкурс «Методика исследования мировоззрения человека прошлого» Е.В. Каменева.

Для развития новой специальности пришлось объединить усилия разных преподавателей. Ведь кроме базовых исторических курсов студенты изучали дисциплины по архивоведению и документоведению, большое внимание уделялось технологии современного делопроизводства, правовым и специальным историческим дисциплинам (таким как геральдика, генеалогия, палеография и др.), деловому английскому языку, современным компьютерным технологиям. Так, успешными с точки зрения развития новой специальности были результаты совместной работы

с кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов. Старшим преподавателем кафедры Т. М. Татариной в декабре 2009 г. была защищена кандидатская диссертация, написанная на основе опыта преподавания английского языка у историков-архивоведов и подготовлен практикум «Professional English in Office».

Несомненно, одним из ключевых факторов успеха кафедры оказалось сотрудничество ученых ПетрГУ и специалистов ведущих архивных учреждений республики. С самого начала существования кафедры в состав ее методической комиссии входили специалисты-практики: зам. начальника Архивного управления Республики Карелия Н. Е. Грибушина, зам. директора Национального архива Республики Карелия И. Г. Петухова и заведующая отделом Администрации г. Петрозаводска Т. В. Виноградова. Они входили в состав Государственной аттестационной комиссии, оценивавшей качество подготовки выпускников, вошли и в состав кафедры в качестве преподавателей.

Неоценимую помощь в подготовке новых курсов по архивоведению оказал Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). В 2006 г. у кафедры появилось новое структурное подразделение — филиал в Карельском государственном архиве новейшей истории (далее — КГАНИ). После объединения НА РК и КГАНИ в 2007 г. был заключен новый договор о сотрудничестве с Национальным архивом Республики Карелия, и филиал продолжил свою работу уже в составе головного архивного учреждения республики. В разные годы филиал возглавляли заместитель директора НА РК И. Г. Петухова, заведующая организационно-методическим отделом НА РК Е. П. Тарасова. Примером результативного сотрудничества кафедры и ее филиала стала разработка специализированных программ стажировок в НА РК преподавателей кафедры. Незаменимым вкладом в развитие специальности стало чтение сотрудниками архива учебных курсов по архивоведческим дисциплинам. Было немало и совместных научно-исследовательских, научно-практических и образовательных проектов. Например, в 2008 г. состоялась конференция «Роль архивов в патриотическом воспитании» и летняя школа «Семейный архив».

Впрочем, повышение квалификации преподавателей не ограничивалось лишь стажировками в НА РК. В 2010 г. три преподавателя кафедры (А. А. Кожанов, А. Е. Мельяченко и Я. В Полякова) прошли курс заочного годичного обучения в учебном центре Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Следует добавить, что

обучение на этих курсах значительно пополнило кафедральную библиотеку новейшей методической литературой.

Успешно и плодотворно развивались связи кафедры с Историко-архивным институтом РГГУ, что, в частности, нашло отражение в плане подготовки и переподготовки кадров для кафедры (аспирантура, месячные стажировки). ИАИ РГГУ оказывал кафедре необходимую помощь в обеспечении учебно-методической документацией, рецензировании программ лекционных курсов. На протяжении всего периода существования кафедры председателем ГАК по направлению «Историко-архивоведение» была доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета Т. Г. Архипова.

Ведя подготовку по специальности «Историко-архивоведение», кафедра столкнулась с тем, что некоторые дисциплины были недостаточно обеспечены учебной литературой. Это отражало общее положение дел в российских вузах, где развивалась данная специальность. По ряду дисциплин учебники отсутствовали вообще, в других случаях использовались учебники, вышедшие 40–50 лет назад. В результате кафедра приложила немало усилий для приобретения необходимой учебно-методической литературы, часто выпускавшейся небольшими тиражами. Кафедральная библиотека по архивоведению и документоведению начала формироваться еще в рамках кафедры истории дореволюционной России. Тогда большую работу по учету и выдаче книг вела методист кафедры В. В. Батаговская. В составе кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин библиотека продолжила расти. В ход были пущены все средства. Членство в Учебно-методическом объединении по специальности давало возможность получать новейшие учебно-методические разработки. Александр Алексеевич стремился из внебюджетных средств кафедры, средств грантов выделять максимально возможные суммы на формирование кафедральной библиотеки: каждый преподаватель кафедры из командировки в Москву или Санкт-Петербург вез новые книги и учебники. Использовалась кафедральная копировальная и множительная техника, учебные материалы размещались на сайте ПетрГУ. В результате через несколько лет существования кафедры кафедральная библиотека полностью обеспечивала студентов учебниками по вспомогательным историческим дисциплинам и делопроизводству. Кроме учебной, справочной и научной литературы в библиотеке

имелись годовые комплекты журналов «Вопросы истории», «Отечественная история», «Этнографическое обозрение», «Гербовед», «Генеалогический вестник», «Вестник архивиста», «Отечественные архивы», «Делопроизводство», «Секретарское дело», «Делопроизводство и документооборот на предприятии», «Кадровое делопроизводство». К 2010 г. книжный фонд кафедры составлял более 800 томов, среди которых были и малотиражные и малодоступные издания.

А.А. Кожанов всячески поддерживал преподавателей кафедры в создании собственных учебных пособий. Среди них следует выделить хрестоматию по истории государственных учреждений России первой половины XIX в., подготовленную вместе с сотрудниками СПбИИ РАН[2], учебное пособие по русской мемуаристике XIX века[3], истории делопроизводства[4], хрестоматию «Архивное дело»[5].

Студенческая наука всегда была предметом пристального внимания А.А. Кожанова. И ему важно было, чтобы участие в научной деятельности не было формальным, развивало интерес к истории, формировало того самого историка не по специальности, но по мировоззрению. С 2003 г. в рамках студенческой конференции ПетрГУ работала секция архивоведения и специальных исторических дисциплин. А.А. Кожанов был готов поддержать любые предложения по изменению устоявшегося формата конференции, если они способствовали выходу из рутины и привлечению внимания студентов к науке. Например, в 2006 г. по инициативе преподавателей кафедры с докладами и сообщениями на заседании секции выступили проф. А.В. Антощенко, ст. преподаватель В.В. Волохова, аспирант кафедры Д.В. Четвертной, соискатель Е.А. Калинина. Так научные доклады начинающих исследователей оказались рядом с результатами работы их преподавателей. В этот раз заседание секции длилось 2 дня, второе заседание проводилось в помещении Карельского государственного архива новейшей истории. Сотрудниками архива для студентов была подготовлена выставка и проведена экскурсия по фондам. Особый

---

[2] Государственные учреждения России первой половины XIX века: хрестоматия / сост. Е. А. Агафонова, Т. В. Виноградова, О. В. Ефимов. СПб, 2003.

[3] *Жуковская Т.Н.* Русская мемуаристика первой трети XIX века: учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.

[4] *Виноградова Т.В.* Делопроизводство губернских административных учреждений в первой половине XIX в.: учебное пособие: в 3 ч. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014.

[5] Архивное дело: хрестоматия для студентов / сост. Н. Е. Грибушина, В. В. Волохова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010.

интерес к секции со стороны студентов вызвало то, что руководил заседаниями старший научный сотрудник СПбИИ РАН В. В. Лапин. В 2007 г. перед участниками конференции с сообщением, посвященным истории архивного дела в Карелии, выступила старший научный сотрудник НА РК М. Е. Неелова. Заседание секции прошло в Национальном архиве Республики Карелия, где для участников конференции также была подготовлена выставка документов, посвященных истории архивных учреждений республики. Практика проведения заседаний секции в читальном зале архива, привлечения к руководству секцией ведущих ученых продолжилась и в дальнейшем.

С 2003 г. по инициативе доцента кафедры Т. Н. Жуковской стал издаваться сборник студенческих и аспирантских работ «Ante Annum», который вскоре стал общефакультетским. Статьи в сборник готовились на основе курсовых и дипломных работ, выступлений на конференциях. Всего в свет вышло четыре выпуска сборника.

Получению практических навыков работы с документами А. А. Кожанов придавал особое значение. И, несмотря на то, что большинство выпускников кафедры устраивались на работу, связанную с документационным обеспечением современного управления, он был убежден, что именно хорошая источниковедческая подготовка, умение анализировать исторические документы даст будущему специалисту тот бесценный опыт работы с информацией, который позволит ему успешно самореализоваться в современном мире. Именно поэтому он поддержал предложение доцента кафедры всеобщей истории, являвшейся по совместительству и доцентом кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, зам. декана по научной работе исторического факультета И. А. Черняковой о создании «Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии» (далее — ИЛЛМИК). Лаборатория была открыта в 2004 г. для обеспечения дополнительного образования студентов, выбравших специализацию «Историко-архивоведение». Данная лаборатория под руководством И. А. Черняковой в рамках четырехстороннего международного Образовательно-издательско-исследовательского проекта (TERP) вела активную работу по опубликованию источников раннего нового времени. Особый протокол, подписанный между двумя участниками проекта — ПетрГУ и Санкт-Петербургским институтом истории РАН (далее — СПбИИ РАН) — позволил привлечь сотрудников инсти-

Профессор ЕУ СПб, доктор исторических наук Владимир Викентьевич Лапин на конференции студентов кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин.

тута к подготовке историков-архивистов. Студенты ПетрГУ включились в работу по переводу в электронный формат документов коллекции «Олонецкая воеводская изба», хранящейся в Научном архиве СПбИИ РАН. К тому моменту 12,5 тыс. исторических документов коллекции, отражающих жизнь Карелии XVII века, систему управления, действия властей, не были даже каталогизированы, а потому — не были доступны для большинства исследователей. С начала реализации проекта ежегодно группа студентов специальности «Историко-архивоведение» в количестве 7–10 человек выезжала на недельную палеографическую практику в Санкт-Петербург для работы с документами коллекции. Отбор в группу производился по итогам спецсеминара по палеографии, который вела руководитель проекта TERP И.А. Чернякова. Работники архива в своих отзывах отмечали высокий уровень теоретической подготовки и практических навыков студентов. Эта практика вызывала неизменный интерес студентов, о чем свидетельствовали их коллективные отчеты, публиковавшиеся в газете «Петрозаводский университет». Практика студентов

на базе Научно-исследовательского архива СПбИИ РАН продолжилась и после завершения проекта TERP. Но вопросы финансирования не всегда решались легко. Однако это не останавливало ни А.А. Кожанова, ни И.А. Чернякову. В ежегодном отчете о поездке в Петербург в 2005 г. студенты отмечали: «Мы признательны администрации университета и студенческому профкому за выделение требуемого аванса. Однако не можем не упомянуть о том, что деньги по каким-то причинам не были выданы бухгалтерией вовремя, и если бы не самоотверженная готовность координаторов практики доц. И.А. Черняковой (руководитель ИЛЛМИК) и доц. А.А. Кожанова (зав. кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин) занять немалую сумму у друзей, наш долгожданный визит в Санкт-Петербург отложился бы на неопределенное время, а, может быть, и сорвался. Огромное спасибо за организационные хлопоты им обоим!»[6].

Участие кафедры в TERP также имело большое значение для углубления и расширения образовательной подготовки историков-архивоведов. Для студентов были организованы спецкурсы, прочитанные деканом факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге М.М. Кромом, преподавателями Университета Йоэнсуу С. Холмом и профессором Ю. Корпелой, профессором Университета Рейкьявика М. Кормак. Студентам, проходившим в Санкт-Петербурге палеографическую практику, читался спецкурс по истории русского летописания.

Впрочем, чтение лекций для студентов-архивоведов ведущими специалистами из разных вузов страны организовывалось далеко не только в рамках TERP. Бывшие выпускники до сих пор вспоминают, какой интерес у них вызывала возможность встретиться в аудитории с учеными, по чьим учебникам и монографиям они учились. Не всегда было просто найти финансирование для приглашения в Петрозаводск преподавателей Москвы и Санкт-Петербурга, но А.А. Кожанов не мыслил себе подготовку высококлассного специалиста в замкнутом пространстве одного университета. Так, в 2005/2006 уч.г. для студентов исторического факультета кафедрой было организовано чтение спецкурсов по архивной эвристике старшим научным сотрудником СПбИИ РАН канд. ист. наук В.В. Лапиным, по источниковедению — заместителем директора Института всеобщей истории РАН, д-ром ист. наук И.Н. Данилевским. В 2008/2009 уч.г.

[6] Петрозаводский университет. 2005. 22 апреля.

И. Н. Данилевский вновь прочитал курс лекций в ПетрГУ, на сей раз речь шла об истории русского летописания. Курс «Анализ визуальных источников» провела преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге О. Ю. Бойцова, а курс «История самиздата и альтернативной печати в СССР» — заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России канд. ист. наук Е. Н. Струкова. В 2009/2010 уч. г. доцентом ИАИ РГГУ В. И. Тихоновым был прочитан курс «Электронный документооборот и электронные архивы».

Особое место в подготовке будущих архивистов и документоведов занимали практики, в ходе которых студенты получали достаточно серьезную подготовку к будущей профессиональной деятельности. Они включались в самые разные виды работ: организацию и ведение общего делопроизводства, кадрового делопроизводства, делопроизводства по обращениям граждан, проведение экспертизы ценности документов, работу по запросам граждан и сотрудников, участвовали в создании системы НСА архива и в работе по учету и сохранности дел в архивах предприятий и учреждений. Обязательным элементом практики являлось изучение организационно-распорядительной и нормативно-методической документации организаций, учреждений и предприятий.

Оптимизация условий обучения в немалой степени была связана с совершенствованием технической базы учебного процесса на основе IT-технологий. В 2009/2010 уч. г. по заявке кафедры университет приобрел у кампании «Электронные офисные системы» программы «ЭОС Дело» и «ЭОС Архивное дело». На их основе доцент С. Э. Яловицына создала виртуальный архив предприятия как учебный ресурс для практической подготовки историков-архивистов. В 2013/2014 уч. г. впервые использовался в программе обучения программный комплекс «1 С-Документооборот».

Общим мнением преподавателей кафедры являлось понимание необходимости привлекать к постановке и решению учебно-образовательных задач самих студентов. Очень перспективной казалась в 2009/2010 уч. г. инициатива группы студентов 5-го курса по созданию веб-сайта «Лаборатория документов», целью которого было оказание студентами информационной и интеллектуальной поддержки своим младшим коллегам, для формирования у них профессиональной мотивации, активизации их учебной и исследовательской деятельности. К сожалению, и этот, и ряд иных проектов (например, создание аудиовизуального архива

Выпуск кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин и комиссия государственного экзамена. 2016 г.

кафедры) не были завершены. Переход на двухуровневую подготовку студентов высших учебных заведений, сокращение финансирования привели к тому, что в 2010-е гг. усилия преподавателей кафедры были сосредоточены не на развитии, а на сохранении подготовки архивоведов и документоведов в ПетрГУ.

Пристальное внимание к развитию специальности «Историко-архивоведение» не позволило кафедре остаться в стороне от разработки нового образовательного стандарта по направлению «Документоведение и архивоведение», вызванного к жизни реформой системы высшего образования и переходом на двухуровневую систему обучения в высшей школе. В 2007 г. А.А. Кожанов и В.В. Волохова приняли участие в заседаниях Учебно-методического объединения, посвященных проекту госстандарта. Кафедра подготовила ряд рекомендаций, которые были высланы в адрес УМО. А.А. Кожанов был включен в состав группы по разработке госстандарта.

Однако успех учебной деятельности не мог быть связан только с лекциями и практиками. Важно было сформировать особое сообщество историков-архивистов, воспитать у студентов чувство общности и гордости за принадлежность к особой профессиональной группе. Не случайно, что с появлением в ПетрГУ в 2009 г. новой должности — куратор студенческой группы 1 курса, обязанности куратора историков-архивоведов А.А. Кожанов

взял на себя. Но особую роль в сплочении историков-архивистов ПетрГУ сыграл День архивов. Свой профессиональный праздник архивисты России празднуют 10 марта. В 2007 г. С. Э. Яловицына разработала первую программу проведения в ПетрГУ Дня архивов для студентов специальности «Историко-архивоведение». После этого мероприятие стало ежегодным. Доброй традицией стало участие в Дне архивов сотрудников Национального архива Республики Карелия. Обязательными гостями праздника были выпускники. Если первый День архивов готовили преподаватели кафедры, то в дальнейшем всю подготовку взяли на себя студенты.

Свидетельством успеха работы кафедры стало успешное трудоустройство ее выпускников. Начиная с 2005 г. сотрудники кафедры ежегодно собирали сведения о местах работы бывших студентов. Несмотря на неполноту этих данных, можно утверждать, что 75–80 % выпускников устраивались на работу по специальности. Некоторые совмещали работу с получением второго образования, в основном юридического и экономического. Абсолютное большинство выпускников трудоустраивались самостоятельно, для многих из них местами работы стали места их учебных и производственных практик. О востребованности специальности говорили и факты обращения на кафедру различных учреждений и организаций с просьбой обеспечить их специалистами, а также высокий конкурс на вступительных экзаменах, относительно стабильная и высокая по меркам того времени численность студентов на заочном отделении.

Годы совершенствования учебного процесса в конце концов позволили кафедре выйти за пределы студенческой аудитории и принять участие в повышении квалификации специалистов-практиков. Важным результатом взаимодействия кафедры, ее филиала в НА РК и факультета повышения квалификации ПетрГУ стала организация на базе университета в 2009–2014 гг. курсов повышения квалификации архивистов «Теория и методика архивного дела, вопросы управления архивной отраслью». Преподаватели кафедры приняли участие в разработке программы курсов и проводили занятия со слушателями (В. В. Волохова, Н. Е. Грибушина, А. А. Кожанов, Я. В. Полякова). В 2010 г. преподаватели кафедры приняли участие в заседании Научно-методического Совета архивных учреждений Северо-Западного федерального округа на тему «Внедрение информационных технологий в практику работы архивных учреждений». В рамках заседания проводился информационно-методический

День архивов в ПетрГУ. 2014 г. На первом ряду сотрудники Национального архива РК: И.Г. Петухова, Е.В. Усачева, преподаватель кафедры С.Э. Яловицына

семинар для работников муниципальных архивов, на котором с лекцией выступила С. Э. Яловицына. Зимой 2013 г. была реализована программы повышения квалификации «Современные информационные технологии для управления и развития деятельности малых предприятий». Слушателями программы стали индивидуальные предприниматели, учредители, руководители, сотрудники и специалисты малых и средних предприятий. Преподаватели кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин С. Э. Яловицина и Т. В. Виноградова познакомили слушателей с делопроизводством в малом и среднем бизнесе (с использованием информационных систем «1С: документооборот» и «Дело»). В марте 2013 г. в рамках сотрудничества кафедры с НА РК и при содействии РЦ НИТ и математического факультета был проведен рабочий семинар, на котором впервые в Карелии обсуждались проблемы электронного документооборота и электронных архивов. Весной 2013 г. в Студенческом бизнес-инкубаторе ПетрГУ прошла обучающая программа «Документационное обеспечение управления и основы архивного дела: традиционные и современные технологии», участниками которой стали студенты старших курсов, аспиранты и сотрудники ПетрГУ.

Занятия вели преподаватели кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин Т.В. Виноградова, Н.Е. Грибушина, А.Е. Мельяченко и С.Э. Яловицына.

Сотрудники кафедры стремились популяризовать архивное дело, показать важное место архивов в жизни общества и отдельного человека. Так, в 2012 г. доценты И.В. Савицкий и С.Э. Яловицына и начальник отдела использования публикации документов НА РК Е.В. Усачева в рамках «Открытого университета ПетрГУ» провели лекции-консультации «Моя родословная: изучение истории семьи, исследования в архивах, составление генеалогических схем и росписей, компьютерные программы».

Важным направлением работы по привлечению внимания к архивам, знакомству выпускников школ с профессией архивиста стала организация республиканского конкурса «Юный архивист». Конкурс стал результатом сотрудничества кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин и Национального архива Республики Карелия. Впервые проведенный в 2009 г. конкурс существует до сих пор.

Конечно, учебная работа была не единственным направлением деятельности кафедры. Трудно перечислить все научные проекты (коллективные и индивидуальные), в которых приняли участие сотрудники за 10 лет ее существования. Здесь упомянем лишь те, в организации которых А.А. Кожанов принял личное участие. В 2001 г. состоялась первая конференция «Культура исторической памяти», рассмотрение проблематики которой было продолжено через год уже с уточнением: «Невостребованный опыт». В конференции участвовали коллеги из Москвы, Петербурга, Казани и Омска. Тогда российские ученые лишь осваивали новое поле исследований — изучение процессов формирования коллективных представлений о прошлом, и кафедра стала одним из первопроходцев в этом направлении[7].

Новые возможности, открываемые для историков благодаря применению цифровых технологий, были предметом особого интереса А.А. Кожанова. Это отразилось и в ряде совместных проектов кафедры архивоведения и специальных исторических

[7] Материалы конференций были опубликованы (см.: Культура исторической памяти: материалы науч. конф. (19-22 сент. 2001 г.) / отв. ред. А. В. Антощенко и др. Петрозаводск : Изд. ПетрГУ, 2002; Культура исторической памяти: невостребованный опыт: материалы Всерос. науч. конф. (Петрозаводск, 25-28 апр. 2003 г.) / отв. ред. А. В. Антощенко и др. Петрозаводск, Изд. ПетрГУ, 2003 г.) и неоднократно цитировались коллегами.

Преподаватели кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин. Стоят: Д.В. Четвертной, А.К. Егоров, Е.В. Каменев, А.А. Кожанов, А.М. Спиридонов. Сидят: С.П. Богачева, Т.Н. Блинова, Я.В. Полякова, А.Е. Мельяченко, В.В. Волохова, Т.В. Виноградова, С.Э. Яловицына

дисциплин с Региональным центром новых информационных технологий ПетрГУ (РЦНИТ, руководитель — Н.С. Рузанова). Одним из направлений совместной работы была историческая география — учебный предмет, который вел А.А. Кожанов, и связанный с ним отдел геоинформационных технологий РЦНИТ (руководитель — А.М. Шредерс). Прозаическая проблема износа бумажных карт была решена путем их оцифровки. Кроме того, ко времени создания кафедры локальная сеть университета уже почти десяток лет была присоединена к интернету, что помогало первым опытам создания сайтов, чему Александр Алексеевич всячески способствовал. На стыке этих направлений появился сайт «Этнодемографический атлас Республики Карелия», созданный при сотрудничестве с Лабораторией по проблемам Скандинавских стран и Финляндии (руководитель — Л.В. Суни).

В 2006–2009 гг. под руководством А.А. Кожанова шла работа по созданию информационно-поисковой интернет-системы «Олонецкие губернские ведомости». Реализация проекта обеспечила

широкий доступ к собранным воедино номерам одного из самых востребованных источников по истории дореволюционной Карелии — газеты «Олонецкие губернские ведомости» — за все годы ее издания, включая номера газеты за 1917 г., отсутствующие в книго- и архивохранилищах Карелии[8].

Особым направлением научной работы кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин должно было стать изучение документа в разных его ипостасях. Имеющийся потенциал продемонстрировала организованная при активном участии кафедры в сентябре 2014 г. Международная научно-практическая конференция «Документ как явление культуры». Инновационные формы использования документов, проблемы сохранения, актуализации и интерпретации историко-документального наследия, опыт организации и проведения межархивных документальных выставок — эти и другие темы были в центре внимания российских (Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург, Выборг, Красноярск, Екатеринбург, Чебоксары, Мурманск, Кировск) и зарубежных (Финляндия, Венгрия) специалистов архивного дела, представителей науки, образования и культуры, общественных организаций. Свои доклады на конференции представили преподаватели и сотрудники Петрозаводского государственного университета: «Архивная педагогика: к методике проведения архивных исследований школьниками» (И.В. Савицкий), «Проблемы подготовки современных архивоведов и документоведов» (Т.В. Виноградова и А.А. Кожанов), «Использование архивного документа в эпоху электронного архива» (С.Э. Яловицына). Однако к этому времени в результате оптимизации кафедра архивоведения и специальных исторических дисциплин прекратила свое существование. Ее преподаватели были включены в состав кафедры отечественной истории. В 2015 г. состоялся последний набор студентов на направление бакалавриата «Документоведение и архивоведение». Преподаватели, специализировавшиеся в области делопроизводства и архивного дела, покинули университет. В 2018 г. ушел на пенсию основатель кафедры А.А. Кожанов.

Кафедра прекратила свое существование, но сегодня ее выпускники работают в Национальном архиве Республики Карелия, архивах различных ведомств, в администрации города Петрозаводска и других органах муниципального управления, в кадровой службе крупнейших предприятий города и республики, в различных

[8] Олонецкие губернские ведомости: информационно-поисковая система. URL: https://ogv.karelia.ru/ (дата обращения: 17.04.2024)

фирмах. Все они с благодарностью вспоминают Александра Алексеевича Кожанова.

В заключение необходимо отметить, что эта статья была написана благодаря трепетному отношению А.А. Кожанова к документам. В своем архиве он на протяжении всех лет собирал документы по истории кафедры. Им были аккуратно разложены по электронным папкам копии кафедральных отчетов и протоколов, собственноручно подшиты бумажные копии документов по истории создания кафедры. Все это, уходя на пенсию, он передал коллегам. Поэтому сегодня кафедра живет не только в памяти преподавателей, партнеров, студентов, но и в документах, что для кафедры архивоведения более чем естественно.

Савицкий Иван Владимирович

Записки о «времени А. А. Кожанова»

Задуманный составителями этого сборника проект по-своему уникален. Об Александре Алексеевиче Кожанове трудно вспоминать. Не потому, что «не отболело», а из-за закрытости и скромности этого человека. В университете его знали все, о нем говорили почти все, но встретить его имя в мемуарах коллег можно редко[1]. Исключением являются воспоминания и другие записи его старшего коллеги Е. И. Клементьева (1938–2017)[2], ставшие источником для публикаций других авторов[3]. Малочисленны и сохранившиеся материалы СМИ. В архиве автора сохранились публикации о работе кафедры истории дореволюционной России в мегапроекте «Программа поддержки кафедр», создании А. А. Кожановым кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, о его участии в съемках кинофильма «А зори здесь тихие…», в работе петрозаводского историко-литературного клуба[4], а также юбилейные панегирики и некрологи[5], имеющие мемуарный оттенок. Интервью самого Александра Алексеевича попа-

---

[1] Петрозаводскому государственному университету – 50 лет / Под ред. М. И. Шумилова, И. П. Покровской. Петрозаводск: Карелия, 1990. 304 с.

[2] *Клементьев Е. И.* Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2015. 206 с.

[3] *Винокурова И. Ю.* Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 282–300; *Литвин Ю. В.* Евгений Иванович Клементьев и становление этносоциологии в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 251–262.

[4] *Новожилова С. В.* Библиотека Историко-литературного клуба в фонде Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета // Краеведческие чтения: материалы III научной конференции (20 февраля 2009 г.). Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2010. С. 140–145; *Филимончик С. Н.* А. А. Кожанов как хранитель общественной библиотеки Историко-литературного клуба Петрозаводска // Румянцевские чтения–2023: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18–20 апреля 2023 года. Москва: Пашков дом, 2023. С. 194–198.

[5] *Антощенко А. В.* Памяти А. А. Кожанова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 115; *Яловицына С. Э.* «Самое интересное — это создавать!» Памяти Александра Алексеевича Кожанова (1.09.1949–29.05.2021) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2021. № 6. С. 494–496.

Выступление А.А. Кожанова на праздновании 10-летия кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин. 2014 г.

лись лишь дважды[6]. Объектом краткого историографического анализа его работы стали также как минимум дважды[7]. При этом специальность «Историко-архивоведение» активно себя пиарила, но без упоминания своего создателя (в этой ситуации самостоятельное значение приобретают публикуемые фотографии). Александр Алексеевич мудро давал возможность людям почувствовать их вклад в развитие общего дела, создавая видимость, что они все делают сами.

Впервые я увидел А.А. Кожанова в составе комиссии на вступительных экзаменах в университет летом 1989 г. Билет оказался простым — политика Павла I и что-то революционное. Не помню, записывал ли что-то вообще, но моя уверенность передалась окружающим. Девушка справа стала отвлекать вопросами по своему билету, пришлось подсказать, за что строгий экзаменатор пообещал выгнать меня из аудитории. Я уже начал прокручивать сценарий своего ответа перед каменным взглядом недоброжелателя, но тут произошла смена экзаменаторов, и свою «пятерку» я получил от Александра Михайловича Пашкова — как потом оказалось, однокурсника моей школьной учительницы истории Татьяны Ивановны Каштановой. Через месяц во время уборки картошки в совхозе «Салми» «девушка справа» представилась Ирочкой Субботиной, а еще через несколько десятилетий — кандидатом философских наук, доцентом РАНХиГС,

[6] Мой университет: очарование прошлого и размышления о будущем: сборник интервью / Отв. ред. С. Э. Яловицына. Ч. 1. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. С. 36–38, 193–194, 245.

[7] *Винокурова И. Ю.* Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии // Вестник антропологии. 2020. № 4(52). С. 282–300; Историческое краеведение в Карелии / Отв. ред. Л. Н. Юсупова. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 168.

членом Общественного совета Постоянного представительства Республики Карелия при Президенте РФ Ириной Владимировной Гориной.

В данных записках хотелось бы остановиться на нескольких вопросах: как А. А. Кожанов воспринимал самого себя и презентовал этот образ окружающим, как относился к людям и как теперь, спустя десятилетие, воспринимается «время Кожанова» автором этих строк.

Манера презентации А. А. Кожановым собственного образа окружающим обращала на себя внимание сразу. Более немедийного человека к началу нашего знакомства я не видел. Он не знал, что делать перед объективом фотоаппарата. Фотографии с серьезным видом ему не нравились, веселых он стеснялся, а «среднее арифметическое» получалось редко. По снимкам было видно, как менялось выражение его лица в зависимости от окружавших людей: при ровесниках и младших сотрудниках он мог слегка театрально изобразить «среднее арифметическое», но едва в кадре оказывались представители более старшего поколения, лицо Александра Алексеевича приобретало мальчишеские черты, будто он возвращался в свое студенческое прошлое.

Насчет лица А. А. Кожанова ходили различные пересуды. Однажды доцент нашей кафедры Татьяна Владленовна Никулина поведала о страхе, который навевает Александр Алексеевич на студентов. Мы не удивились. Но вопреки ожиданиям, причина оказалась в другом — «боксерский нос» Кожанова, что даже для него оказалось неожиданностью. Высоченный рост, длинные руки с соответствующей шириной ладоней и легкая горбинка на носу слились в сознании понимавших в этом вопросе парней в единый образ заправского боксера. И хотя, по мнению Татьяны Владленовны, «более неспортивного человека она не встречала», такой поворот в восприятии его внешности Александру Алексеевичу понравился.

Уже позднее, после выхода мемуаров Е. И. Клементьева, я узнал о достаточно глубоком изучении Александром Алексеевичем фотографий как этнографических визуальных источников. За свое новаторство он даже получил шутливое определение «основатель отечественной этнофотографии»[8]. Это отразилось на его критическом отношении и к бытовым съемкам, в том числе собственным изображениям.

[8] *Клементьев Е. И.* Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2015. С. 44–45.

Несмотря на подозрительное отношение к фотоаппарату, несколько раз начальник все же попросил его «зафиксировать». Один раз — когда вспомнил о коробке сигар в своем столе и решил поделиться ими прямо на кафедре (да, в 1990-х мы курили в кабинетах и на лестничных площадках открыто, а отдельные преподаватели позволяли себе это и на лекции — в окно). Помнится, это фото с двумя залихватски затянувшимися парнями разного возраста я ему так и не показал. А второй раз — когда А.А. Кожанов повесил к себе на стену плакат с агрессивным бульдогом и надписью «Simplicissimus». Картинка совершенно не соответствовала его сдержанной манере поведения и должна была, видимо, компенсировать недостающие качества. Пикантность ситуации заключалась в том, что развернуться в его крохотном кабинете фотографу было очень сложно, и мне пришлось расположиться в кресле заведующего кафедрой. На снимке сохранилось приценивающееся, критичное выражение лица, будто задумавшего произнести едкую фразу. Эта фотография будет сопровождать его в последний путь, но на роль «простейшего бульдога» я не подошел.

Нужно признать, что студенческий страх перед А.А. Кожановым был сильно преувеличен и передавался от курса к курсу как традиция. Да, он мог делать «каменное» лицо и выразительный взгляд на экзамене, но этого опасались только те, кто в своем ответе ориентировался на эмоции экзаменатора. С остальными беседа шла по существу вопросов, и Александр Алексеевич лишь прощупывал «дно» знаний студента. У нашей «скандинавской» группы он преподавал математические методы в исторических исследованиях, и финальным вопросом ко мне было использование оных методов при изучении движения декабристов. Кроме цифр сосланных и повешенных я ничего не помнил. До сих пор не знаю, получил ли я зачет по этому предмету, однако, когда спустя тридцать лет я задал такой же вопрос своим молодым коллегам — «декабристоведам», ответа тоже не было. Возможно, эстафета будет передаваться и дальше.

В отношении к студентам А.А. Кожанов в некоторой степени солидаризировался с чемпионкой по студенческим страхам — антиковедом Г.С. Самохиной. Галина Степановна не скрывала своего отношения к людям ни в коридорах, ни на экзамене. Но как только студенту угрожала реальная опасность (например, выселение из общежития), она вставала на его защиту во всю свою мощь. Оба преподавателя четко разделяли учебные и личные вопросы, очень спокойно и рационально консультируя по второй сфере. И если

Александр Алексеевич сторонился студенческих толп, то Галину Степановну они совершенно не смущали. Как-то, сидя на тесной лавочке во время проветривания читального зала, она внезапно заметила мне, студенту,— «мужчина должен быть причесан и приятно пахнуть». Со временем у меня решился вопрос хотя бы с прической…

На протяжении многих лет своим ближайшим коллегой Александр Алексеевич считал А.В. Антощенко. Александр Васильевич начал работать в университете чуть раньше А.А. Кожанова и до сих пор преподает курс, выбивающийся из общей колеи,— отечественную историографию. В период студенческой сессии, суетясь между зачетами, экзаменами и исследовательской деятельностью (я писал курсовые работы по истории Финляндии начала XX в. у Л.В. Суни) было очень сложно приподняться над зазубриванием событийных рядов и как бы «сверху» взглянуть на позиции изучавшихся в курсе А.В. Антощенко историков, понять «концепции» и «тенденции». Не помню, что мне попалось на зачете, но различий между историками я не видел в упор — изучавшийся ими материал был один и тот же. «Как Вы вообще читаете?» — поинтересовался Александр Васильевич. Я хотел для примера раскрыть ближайшую книгу и поводить в ней пальчиком, но вовремя остановился. Зачет я получил, и с годами пришло понимание того, что человек учится читать не в первом классе; пробиваясь сквозь смысловые слои текста, он учится этому всю жизнь. Ну, кто учится, конечно.

Мне иногда казалась немного странным манера подбора людей А.А. Кожановым. Она имела ярко выраженные гендерные особенности. Среди мужчин Александра Алексеевича привлекали люди, не ощущавшие рамок возможного, способные вести за собой. Трудолюбие приветствовалось, но они должны были проявить себя еще в чем-то — в самодеятельном театре, академическом хоре, умении фотографировать (поколение постарше развлекалось гораздо круче). Ему нужны были открытые люди, не переживавшие за свои неудачи и чем-то напоминавшие его увлечение самодеятельностью в юности. Я не раз наблюдал, с каким терпением Александр Алексеевич молча выслушивал мужскую болтовню, сводимую по смыслу к паре рациональных фраз. Иногда казалось, что он ошибается в людях — был период, когда его покинули все, избранные по «веселому» принципу. Тем не менее серьезность его настораживала; как-то застав меня на кафедре с непривычно задумчивым выражением лица, он поинтересовался проблемой.

«Думаю, о чем читать лекцию», — признался я. «Знаете, и я тоже», — ответил Кожанов. Зато от женщин требовалась полная противоположность — сдержанность, логика, понимание ситуации. Смех и шутки приветствовались и здесь, но они были не более чем светским маневром, и их продолжительность можно было засекать по секундомеру.

Из спокойного образа Александр Алексеевич выходил редко и в основном по положительным поводам. А поводы были значимые — например, создание новой кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин в 2004 г. Приказ ректора был подписан 19 февраля — в день отмены крепостного права! Лицо Кожанова сияло. Он чувствовал себя словно освобожденным от чего-то, готов был прыгать, делиться планами по развитию созданной им учебной специальности, не скрывал радости от оставленного нам от кафедры истории дореволюционной России кабинета с тремя подсобными помещениями. Я понимал, что эти комнатушки граничат с актовым залом, помнящим все поколения студенческой самодеятельности. С чем они ассоциировались у Кожанова? Не хранился ли здесь реквизит к спектаклям с его участием, не служили ли они тесными раздевалками для актеров, не курили ли они тут в юности на снесенном ныне балконе… Потом. Думал, что спрошу потом. Все потом.

Наличие на факультете когорты талантливых весельчаков наводило на мысль о целенаправленном подборе людей такого типа более мощной фигурой, контролировавшей кадровые вопросы и выбиравшей сотрудников по своему образу и подобию. Сначала казалось, что наше поколение уже не застало этого персонажа, но позднее моя версия свелась к человеку, закончившему наш вуз за два месяца до рождения А.А. Кожанова — бывшему ректору университета, пожилому, невысокому, прихрамывавшему профессору М.И. Шумилову, чьи лекции в начале 1990-х годов мы слушали скорее из уважения. Михаил Ильич читал их сбивчиво, но без конспектов, с неизменной, будто приклеенной улыбкой, бойкими прищуренными глазами намекая на новизну тихо проговариваемого материала и его отсутствие в печати. Свою кандидатскую диссертацию я защищал в руководимом им диссертационном совете (кстати, А.А. Кожанов оказался единственным из ближайшего начальства, кто не пришел на это мероприятие, о чем я ему периодически напоминал). Спустя полтора десятка лет, вернувшись в университет после госслужбы, мне было интересно узнать мнение М.И. Шумилова как тогдашнего заведующего

кафедрой отечественной истории новейшего периода об утвержденной в Петербурге теме моей докторской диссертации. Словно студент, я дождался окончания его консультации, развернул документы. Михаил Ильич был озадачен, но виду не показал, спокойно перечислив возможные сложности в дальнейшей научной работе. И лишь на выходе я услышал за спиной: «А Вы сильно изменились, Иван Владимирович». Его неожиданно внятный голос заступорил меня так, будто Штирлица попросили остаться. Видимо, я напоминал захватившую крючок рыбу, и сидевший в дальнем углу профессор явно скучал по удочке. Не все было так просто с этими искрящимися прищуренными глазами.

Мне пришлось долго размышлять об отношении А. А. Кожанова к предательству — что он под этим понимал и как с этим считался. Большинство людей мыслят себя в этом отношении непогрешимыми, хотя вокруг них наверняка найдутся желающие высказать иную точку зрения. Уходя в 2005 г. на высокооплачиваемую госдолжность, я попытался подробно обосновать перед Александром Алексеевичем свое решение. В необорудованной курилке у парадного входа в университет я говорил о рождении второго ребенка, низкой зарплате вузовского преподавателя, воображаемых новых перспективах,— мне показалось, это его убедило. Отдельной строкой шла уже созданная кафедра архивоведения и специальных исторических дисциплин — заведующий согласился, что мой уход чуть раньше сильно осложнил бы создание кафедры, поэтому из двух зол выбирают меньшее. Меня удивило, как легко он отпускал молодых сотрудников. Потом понял, что не отпускал — проверял. Оставшись в ПетрГУ на полставки, я ежедневно пользовался расположением университета на полпути от основной работы до дома. Продолжал издавать методички, пополнил библиотеку кафедры десятками учебников и монографий, втихаря убирал кабинет и пересаживал цветы. «Вы стали бывать в университете чаще, чем раньше»,— ехидно заметил завкафедрой. Ну что поделать, если ПетрГУ для историка всегда был центром научной коммуникации. Через пять лет я перестал играть в чужие игры и был принят обратно прямо посреди лета.

Темпоральное восприятие событий рубежа XX–XXI вв. никогда не будет одинаковым. На историческую память влияет современная человеку ситуация, способная при своей изменчивости изменять и восприятие прошлого. Поэтому данная часть воспоминаний самая субъективная и даже конъюнктурная. Если сейчас попытаться выразить мое впечатление о «времени Кожанова»

А.А. Кожанов на концерте Хора студентов ПетрГУ
под руководством Г.Э. Терацуянца

одним словом, то это слово будет — «мобильность», причем в чисто физическом смысле. Интернет еще не превратил ряд сфер человеческой деятельности в симулякры, не заменил живое общение, и кафедра истории дореволюционной России под руководством А.А. Кожанова при поддержке Фонда Сороса[9] активно включилась во всероссийский научный кипеж.

Кафедра (в неполном составе) немного, но выезжала в Санкт-Петербург на совместные семинары с Европейским университетом, попутно получая индивидуальные гранты на поездки и научные исследования, стажировки и публикации. Неожиданно встретить коллегу по кафедре или факультету в вагоне поезда, питерской библиотеке или в архиве было в порядке вещей. А ведь «Ласточка» тогда в Питер не ходила, научную информацию искали в карточных каталогах и книги в Петрозаводск привозили баулами из нужных киосков — уж в них-то Александр Алексеевич толк знал. Трудозатраты на поиск и распространение научной информации были огромны и визуально ощутимы, словно студенческая очередь от кафедры выдачи книг в читальном зале до выхода из библиотеки (турникета тогда не было) в период сессии. Чего стоила

[9] Институт Открытое общество (фонд Сороса) в 2015 г. признан Генеральной прокуратурой нежелательной организацией в России.

перевозка толстенных учебников по специальным историческим дисциплинам под редакцией М.М. Крома, а ведь в руководимую М.П. Отливанчик научную библиотеку ПетрГУ перевозились целые библиотеки почивших ученых.

Да, молодость позволяла использовать физические силы по полной. Но вопрос был и в целях поездок — куда, к кому и зачем. Если в начале 2000-х гг. я не выдерживал без Петербурга и трех месяцев, то затем перерыв в 9 лет прошел незамеченным. Но если сейчас бы появилась информация о том, что на перекрестке Невского проспекта и Большой Морской хотя бы на сутки вернутся все четыре (!) книжных магазина, а в подвальных закоулках Литейного проспекта всплывут из небытия букинистические лавки с ящиками документов из личных архивов (вплоть до пачек военных «треугольников»), то часть сотрудников нашей кафедры бодро побежала б на вокзал. Нам бы в голову не пришло решать, кто завтра будет развлекать обучающихся, ведь девизом А.А. Кожанова было: «Эффективность работы преподавателя измеряется количеством отчисленных после его экзаменов студентов». И это тоже темпоральное восприятие того периода.

Удивительно, но самое «мобильное» сознание было у самого Александра Алексеевича. Для человека, родившегося на военно-морской базе в Финляндии, проведшего детство в Эстонии, получившего аспирантское образование в Москве и тесно связанного с Петербургом, Петрозаводск был очень важной, но не единственной точкой на карте. Наблюдая за вояжами своих сотрудников по конференциям и семинарам, он помогал прокладывать маршруты, советовал по срокам и так далее — естественно, университет все это оплачивал.

В последние годы, уволившись из университета в ходе уничтожения практически всего им сделанного, А.А. Кожанов резко сократил свой круг общения. Но в палитре человеческих отношений есть одна странная и малоприятная зависимость. Люди могут не встречаться годами, жить и работать почти не вспоминая друг о друге, но весть о кончине человека воспринимается как обрушение чего-то личного, будто на весах нарушается баланс и ты теряешь равновесие в этом мире. Ходишь по двору его «сталинского» дома, реагируешь на его портреты, замечаешь его влияние в своих новых работах. Может, это и есть продолжение жизни одного человека в других. И беря в руки эту книгу, ты понимаешь, что он где-то здесь.

Петухова Ирина Геннадьевна

И это все о нем

Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.
В. А. Жуковский, 1821 г.

Имя Александра Алексеевича Кожанова связано как с исторической наукой, так и с архивным делом Карелии. О первом многое могут рассказать его коллеги по науке, а нам хотелось бы рассказать о его вкладе в развитие архивного дела Карелии и Национального архива Республики Карелия в частности, который высоко ценится архивистами.

Заведующий кафедрой истории дореволюционной России А. А. Кожанов стоял у истоков становления специализации «История. Делопроизводство и ведомственные архивы», открытой на кафедре в 1996 году, когда к подготовке специалистов-документоведов на основе соглашения между ПетрГУ и Российским государственным гуманитарным университетом привлекались преподаватели Историко-архивного института РГГУ. Тогда же начиналось и сотрудничество с Национальным архивом Республики Карелия, в первую очередь по архивной практике студентов.

С момента создания в феврале 2004 года на историческом факультете ПетрГУ кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, которую А. А. Кожанов возглавлял вплоть до ее расформирования, открывается новый этап подготовки архивных кадров. За эти годы А. А. Кожанову удалось сформировать прекрасный коллектив кафедры, и несмотря на то, что происходили кадровые изменения, костяк ее был неизменным и творчески работоспособным. Кожанов и кафедра дали путевку в жизнь многим студентам, обучавшимся по специальности 020800 «Историко-архивоведение» по очной (5 лет), заочной (6 лет) и ускоренной (3,5 года) формам обучения. Выпускники кафедры работают сейчас в самых разных сферах. И хоть не все стали архивистами и документоведами (среди выпускников кафедры — управленцы, работники банков, сотрудники силовых структур и разных организаций), но широкие знания и универсальный опыт, полученные ими в студенческие годы, несомненно, пригодились им, где бы они не работали.

Особенностью деятельности кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета Петрозаводского государственного университета стало широкое привлечение А.А. Кожановым к ее работе архивистов, которые не только преподавали, но и сами выступали в качестве разработчиков учебных программ курсов: Организация хранения, реставрации и консервации документов архивов (С.А. Носкова), История архивов (М.Е. Неёлова), Археография и археографическая практика, Научно-технические архивы (Е.Ю. Матвеева), Автоматизированные архивные технологии (Т.А. Варухина), Историческая эвристика (Е.С. Намятова), Методика генеалогического исследования (Е.В. Усачева), Архивное право, Управление и экономика архивов (И.Г. Петухова). И это был по-настоящему уникальный опыт прямой передачи студентам знаний, опыта и даже навыков практиками архивного дела. Филиал кафедры первоначально был создан на базе Карельского государственного архива новейшей истории, а с 2007 года — на базе Национального архива Республики Карелия. И это сотрудничество являлось взаимообогащающим и плодотворным. Специалисты архива, помимо чтения учебных курсов и проведения практик, являлись руководителями, оппонентами курсовых и дипломных сочинений, входили в состав Государственной аттестационной комиссии (ГАК).

На торжественном мероприятии, посвященном Дню архива.
На сцене: С.Г. Веригин, Н.С. Рузанова, А.А. Кожанов, Т.М. Анохова

Рабочая встреча в Национальном архиве РК.
С.А. Носкова, В.В. Волохова, Т.М. Анохова, И.Г. Петухова, А.А. Кожанов

По инициативе Александра Алексеевича сотрудники университета — преподаватели кафедры, включая самого Кожанова, проходили стажировку по индивидуальным программам в Национальном архиве РК, знакомились с деятельностью государственного архива на практике.

Востребованность подготовки кадров данного направления подтверждалась на встречах с выпускниками, которые обычно были приурочены к профессиональному празднику — Дню архивов, отмечаемому 10 марта. В сценарных задумках студентов часто использовались особенно запомнившиеся им моменты из лекций, вводивших в профессию архивиста. Так, на одной из таких встреч Александр Алексеевич и преподаватели-архивисты веселились, участвуя в выполнении предложенных студентами заданий по обеспыливанию архивных документов и борьбе с жуками-притворяшками.

Сотрудничество Александра Алексеевича Кожанова с Национальным архивом Республики Карелия не ограничивалось только учебным процессом. Когда в 2005 году архив, вошедший после ликвидации Архивного управления Республики Карелия в сферу культуры, разрабатывал Концепцию развития архивной отрасли Республики Карелия на период до 2010 года, в состав рабочей

Рабочая встреча в ПетрГУ.
А.А. Кожанов, В.В. Волохова, И.Г. Петухова, С.А. Носкова, И.В. Савицкий

группы вошел и А.А. Кожанов. Именно с его подачи в предпосылках развития архивного дела было названо наличие базы для подготовки архивных кадров в Петрозаводском государственном университете. Он присутствовал также и на защите Концепции, которая состоялась 1 июля 2005 года на заседании коллегии Министерства культуры и по связям с общественностью Республики Карелия.

Еще одно направление, которому дал старт А.А. Кожанов,— проведение кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета совместно с факультетом повышения квалификации ПетрГУ и Национальным архивом Республики Карелия курсов повышения квалификации по программе «Теория и методика архивного дела, вопросы управления архивной отраслью». Среди обучающихся по программе курсов (группы свыше 20 чел.) — работники архивных и делопроизводственных служб Республики Карелия.

Сотрудники архива вспоминают, как Александр Алексеевич с гордостью знакомил с Национальным архивом Республики Карелия известного российского историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории и организации архивного дела факультета архивного дела

Историко-архивного института РГГУ, специалиста по зарубежным архивам и зарубежной россике Евгения Васильевича Старостина; как поддерживал тесные контакты с заведующей кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, доктором исторических наук, профессором Историко-архивного института РГГУ Татьяной Григорьевной Архиповой, которая долгие годы возглавляла ГАК.

Ну и, конечно, невозможно не вспомнить личностные качества Александра Алексеевича Кожанова: требовательность по отношению к студентам, принципиальность в работе, авторитетность и мудрость, ироничность и тонкий юмор, огромное человеческое обаяние. Иногда казалось, что высоченный Александр Алексеевич для трепетавших перед ним студентов, в первую очередь первокурсников, был киплинговским мудрым Каа перед бандерлогами. Но Александр Алексеевич своих студентов хорошо знал, любил и понимал, интересовался их судьбами после окончания университета.

С ним было и сложно, и легко, но всегда невероятно интересно. Его не стало 29 мая 2021 года. В тот день СМИ опубликовали разные новости: в Москве выпало около 40% месячной нормы осадков, а в некоторых районах Москвы даже возникли подтопления; в России коронавирус за сутки обнаружили у 9289 человек, а во Вьетнаме нашли новый штамм коронавируса — гибрид индийского и британского штаммов. Но самой оглушительной для знавших Александра Алексеевича новостью стала в тот день весть о его уходе.

Раздел 2

Учитель

Каюмова Мадина Расуловна

Интервью с Александром Алексеевичем Кожановым. 2015 г.

Интервьюер — студентка специальности «Документоведение и архивоведение» Мадина Расуловна Каюмова. Ныне сотрудник Национального архива РК. Интервью проводилось в период подготовки сборника к юбилею университета.

Каюмова М.Р.: Дорогой Александр Алексеевич, давайте начнем с Вашего поступления в университет. Когда Вы поступили в университет и почему Вы решили избрать именно историческую специальность?

Кожанов А.А.: Поступил я в наш университет в 1968 году. Почему я решил пойти на специальность история? Тут, наверное, обстоятельствами моей жизни всё определилось. Мои детство и юность прошли в городе Таллине, в Эстонии. Таллин — это такой город, который переполнен историей, т.е., жить в Таллине и не думать о том, как жили здесь люди раньше, просто невозможно. Помню, когда не поступил в вуз, то работал в типографии, очень любил ночную смену. В половину седьмого заканчивалась смена, и я шел через старый город, где никого еще нет, люди все дома, только кое-где горят огоньки, пахнет кофе, кисловатым запахом торфяных брикетов… Как будто на машине времени куда-то переместился, на несколько веков назад. Т. е. интерес к истории, мне кажется, был запрограммирован. И конечно, детские всякие впечатления от рассказов дедушки и бабушки, которые рассказывали о жизни при старом царском режиме. И про довоенную жизнь. Книжки, которые читал. Всё так сложилось, сформировалось. Всё было определено. Очень большое влияние оказал учитель истории, который у нас преподавал в 7–8 классе. Это был, конечно, прекрасный учитель, от Бога, что называется. Мы его очень уважали, к его урокам серьезно готовились, даже самые двоечники. Хотелось вот быть таким же как он.

Каюмова М.Р.: Как Вы поступили в университет? Были ли какие-то сложности?

Кожанов А.А.: Сложности у меня были следующие — я окончил школу в 1966 году. Нынешнее поколение этого уже не знает, но это было время реформ среднего образования, в 1966 году сошлись воедино выпуски 11 класса и 10 класса. Я оканчивал 10 классов, хотя

начинал учиться в одиннадцатилетке. Наше обучение сократили. Естественно, везде были страшные конкурсы. Я поступал в Ленинградский университет: 25 человек на одно место, это непроходимо было. В Тартуский университет в тот год не было набора на обучение на русском языке. В следующем году ситуация несколько улучшилась, я набрал нужное количество баллов, но не брали иногородних, поскольку не было мест в общежитии. Уже в 1968 году я решил не испытывать судьбу и приехал сюда поступать, и здесь никаких сложностей не было.

Каюмова М.Р.: Помните ли Вы Ваши вступительные экзамены?

Кожанов А.А.: Ну, помню, конечно, да, я помню, вот по истории у меня принимала экзамен Лариса Эммануиловна Семенова, с которой в последующем мы работали на кафедре истории дореволюционной России. Хорошо помню своих преподавателей. Лев Вальтерович Суни. Так получилось, что самый первый курс, с которого началась наша учеба в университете, был курс по истории Скандинавии. Лев Вальтерович для многих из нас стал образцом университетского преподавателя. Ирина Николаевна Матвеева, античник и наш куратор. Александр Григорьевич Гидони и его феерические, захватывающие лекции, даже не лекции, а драматические выступления. Наум Фаддеевич Славин и Борис Семенович Попков. Им, наоборот, был свойствен академизм и неизбежная при этом некоторая сухость изложения лекционного материала. Но зато их семинарские занятия многому нас научили. Огромную роль играют актерские качества (*смеется*). Вот, например, А.Г. Гидони, он был отличный оратор, актер. Наум Фадеевич — нет, он читал лекции, ну, скучновато, но надо было слушать его — и ты получал то, что нужно. Лев Вальтерович — он как-то совмещал и то, и другое. Евгений Павлович Еленевский. Его лекции по исторической географии помню до сих пор. Некоторые из его приемов и методов использую сейчас в своих занятиях по этой дисциплине. Рудольф Васильевич Филиппов. Он уже не работал в нашем университете к тому времени, но приезжал читать интереснейший спецкурс по истории народничества. Владимир Гаврилович Гаврилов, наш любимый и уважаемый преподаватель английского языка. Борис Александрович Юргенс. Мы, конечно же, меж собой называли его Юнкерсом. Как замдекана, он относился ко всем нашим проблемам с большим пониманием. Мы платили ему тем же.

Каюмова М.Р.: Как прошла Ваша первая сессия?

Кожанов А.А.: А Вы знаете, я не помню первой сессии, вот я помню вторую сессию — летнюю. И запомнился только один экзамен —

по истории КПСС. Мы тогда изучали историю КПСС, причем неважно, что мы были историки, мы должны были все равно с первого курса, как студенты всех остальных факультетов, изучать вот эту историю КПСС. И я получил четверку. Почему? Потому что неодобрительно, так скажем, отозвался о постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград». Преподаватель придерживался другой точки зрения. Это сказалось на оценке, вероятно. Я вовсе не пытаюсь, так сказать, выставить себя борцом за справедливость, нет, наверное, не очень у меня и корректно все было выражено. Когда я стал говорить о том, что многие говорят про несправедливость постановления, то преподаватель сказал: «Но оно официально не отменено… и все». Он был прав, конечно. Мало ли что там пишут в этих самых журналах, мало ли что говорят, но оно не отменено.

Каюмова М. Р.: Чем Вы еще занимались помимо учебы?

Кожанов А. А.: Помимо учебы, у нас было два традиционных вида занятости: выпуск стенной газеты — факультетской, и участие в художественной самодеятельности. У нас были весенние фестивали, смотр, так сказать, самодеятельности всех факультетов, соревнования и т. д.

Каюмова М. Р.: А в каком из видов самодеятельности Вы принимали участие?

Кожанов А. А.: Мы, значит, там ставили какие-то пьесы. На пятом курсе мы поставили пьесу «Оковцы на взлетной полосе». Автор американский какой-то известный тогда был, такой левый журналист. Его пьеса была у нас опубликована, о марионетках в юго-восточной Азии. И вот мы там чего-то изображали: американский империализм, ЦРУ, прогрессивная общественность, фрондирующая молодежь, ну, конечно, марионетки в виде принца Го, какого-то полковника Нуно (*смеется*).

…

Каюмова М. Р.: Как вы газету верстали?

Кожанов А. А.: Декан нам давал ключ от деканата, в нашем распоряжении была машинка печатная. Все было на полном серьезе, вполне официально, и на следующий день нас освобождали от занятий. Ну, потому что ночью трудились — заслужили. Точно так же, как и после фестиваля: репетиции освобождали от занятий, после того, как мы выступили — тоже можно было пропустить. Это не то, что вот сачковать, понимаете? Это когда пропускаешь занятия с чувством выполненного долга, что ты заслужил это.

Каюмова М. Р.: Был ли у вас редактор в этой газете? Или вы все делали коллективно?

Кожанов А.А.: Да, Юра Шлейкин. Это сейчас очень известный журналист, он учился на курс старше нас. С ним было замечательно работать. Он уже сотрудничал с нашей молодежной прессой, газета "Комсомолец" тогда. У него был опыт, и он хороший был редактор. Потом редактором была Ира Черняева, она была филологом. А на первом курсе Ирина Николаевна Матвеева (преподаватель) выполняла функции редактора, поскольку из студентов никого, наверное, не было.

Каюмова М.Р.: Не могли бы Вы рассказать о Вашей деятельности в культурном клубе города Петрозаводска?

Кожанов А.А.: Прежде всего надо сказать, что уже сложилась определенная историография эпохи перестройки Карелии. Высказывается много поверхностных, поспешных оценок, каких-то клише, что вот, мол, там на волне борьбы с тоталитаризмом создаются какие-то клубные подразделения, которые ставят задачу свергнуть КПСС и т.п. Никакие такие задачи не ставились. Я не помню, чтобы в нашем клубе такого рода разговоры были. Клуб был, прежде всего, межпартийный, надпартийный и информационный. Выражаясь современным языком, это был информационно-просветительский холдинг. Мы связались в результате нашей деятельности со многими неформальными издательствами и с формальными издательствами в разных районах. Было т.н. Московское бюро, которое тоже вот занималось тем, что собирало со всех краев какие-то издания, а потом распространяло среди них же и так далее. Ну, вот мы были подписчиками этого агентства. Наша задача была какая — дать максимально широкое представление о различных точках зрения на ситуацию в стране, на выход из сложившейся ситуации. Нам хотелось дать возможность петрозаводчанам прочитать, познакомиться с разными политическими программами. Мы хотели свободы слова. Пожалуйста, читайте все, что хотите. Была, естественно, и религиозная литература. Там было на любой вкус.

Каюмова М.Р.: Возвращаясь к Вашим студенческим годам, скажите, пожалуйста, Вы участвовали в движении стройотрядов?

Кожанов А.А.: Нет, не участвовал, мне это не нравилось, а во-вторых, некогда было. После первого курса я был в экспедиции, в этносоциологической, после второго я был в этнографической экспедиции, после третьего курса я был на съемках, после четвертого курса я был опять в этносоциологической экспедиции, а эти экспедиции, они порой захватывали месяц, полтора, а то и два.

Каюмова М.Р.: Пользовались ли Вы когда-нибудь шпаргалками?

Кожанов А.А.: Тут вопрос можно разделить на несколько частей: делал ли я шпаргалки? Делал, конечно. После неприятного для меня случая во время летней сессии на первом курсе я писал шпаргалки, но не брал их с собой, я делал как бы конспект такой… Дело было следующим образом: я все правильно ответил, но шпаргалка как будто зудела в кармане, понимаете, я хотел проверить, правильно ли я написал дату, что-то там из истории Рима, и я достал эту шпаргалку и посмотрел, что, действительно, я все правильно вспомнил, и попался, значит, это заметила преподаватель Ирина Николаевна Матвеева. Ужас-то всего происходившего был в том, что у нас сложились с этой преподавательницей прекрасные отношения, и у нас, я имею в виду целую группу ребят, и она-то расценила использование шпаргалки как некое предательство по отношению к ней. После этого случая я уже шпаргалками не пользовался, за исключением военной кафедры. Тут мы шпаргалками пользовались, потому что, знаете, невозможно запомнить тактико-технические данные всех этих танков, всех этих пулеметов, минометов, гранатометов — это невозможно. Если Устав еще можно, то, знаете, запас хода там, скорострельность — это нет, а там требовали, чтоб мы это все знали назубок. Ну, вот мы так и делали на ручке, на шариковой, на одной грани танк, на другой там иголочкой что-то нацарапано, вот так вот списывали (*смеется*).

Каюмова М.Р.: С какого времени Вы начали работать в университете? Какая была Ваша первая должность?

Кожанов А.А.: В университете с 1989 г. старшим преподавателем. Я пришел из Карельского филиала Академии наук СССР, я работал там в секторе этнографии, этносоциологии Института языка, литературы, истории. Там с Евгением Ивановичем Клементьевым познакомились и сдружились, и в 1990-е гг. вместе собирали и публиковали документальные сборники по национальному движению в Карелии. С одной стороны, вроде бы ничего особенного, но это же документы эпохи. Из них складываются представления о той психологической атмосфере, которая была характерна для того времени. Например, стенограмма обсуждения в Законодательном собрании вопроса о придании государственных функций карельскому языку. Мы тоже ее опубликовали там. Где теперь эта стенограмма, я не знаю. В архиве во всяком случае ее нету. Целый ряд документов хранился в домашних архивах, ну, скажем

Зинаиды Ивановны Строгальщиковой,— это известный лидер вепсского движения. Мы дали этим документам вторую жизнь.

Каюмова М.Р.: Какие еще проекты Вам запомнились?

Кожанов А.А.: Например, «Этнодемографический атлас прибалтийско-финских народов Карелии» в Интернете. Вот это вот мы тогда тоже с большим энтузиазмом и интересом делали, ну еще отчасти связанный с этим проектом — проект, тоже посвященный финскому населению Карелии, мы проводили совместно, вот там и Светлана Эрккиевна Яловицина участвовала, и Илья Мотелевич Соломещ, Евгений Иванович Клементьев и я, мы участвовали в этом проекте, 94–95 год — провели массовый опрос остатков финского населения, не успевшего к этому времени еще уехать в Финляндию. Материалы опубликованы только частично, они, так сказать, ждут своего исследователя. Точно так же обстоят дела и с материалами исследования «Образ жизни сельского населения», которое мы проводили с Клементьевым, когда я еще работал в институте в 1979 году. Теперь этот материал может получить новую жизнь, если провести такое же исследование сейчас и сравнить условия жизни и ценностные ориентации. Это было бы прекрасное исследование.

Каюмова М.Р.: Каким Вам представился университет после перехода из академического учреждения?

Кожанов А.А.: Меня поразила, конечно, кипучая, бурная атмосфера в университете вообще и на факультете в том числе. Демократия развивалась тогда рывками, стали вводить студентов в состав ученого совета, в общем, жизнь кипела. В 1990-е гг. стали создавать, конструировать новые специальности, направления, читать новые курсы, менять методику какую-то, привлекать какие-то новые технологии. С IT-технологиями было очень бедно тогда, это потом, уже где-то в нулевые началось. Речь идет о чисто педагогических технологиях. Это было время поиска. Я, например, вспоминаю это время с большой симпатией. Хотя было тяжело, хотя денег часто не платили, все эти девальвации, что-то какими-то тысячами получали, потом миллионы стали получать. Вот видите, я уже не могу сейчас это вспомнить. Помню, что один год нам отпускные выдали только в конце августа, то есть мне уже на работу через неделю идти, а я только отпускные получил. Все было, но, тем не менее, нет какой-то досады у меня на это время. И знаете, тогда мы все понимали, хотя, может, я идеалист, что выжить-то можно не поодиночке, а все-таки вместе держась. Чувство солидарности было более выражено, нежели сегодня. Может

быть, играет роль то, что сменились поколения, коллективистские, солидаристские ценности не так принимаются новым поколением. Но это было время хорошее, очень продуктивное, многие факультеты тогда стали что-то открывать, какие-то новые специальности, вот, кстати, в рамках истории, мы тогда открыли специализацию «делопроизводство и ведомственные архивы», 1996 год, за два года до кризиса, или дефолта (1998 год). Нашу кафедру выбрали тогда для участия в программе поддержки кафедр. Мы имели возможность ездить в командировки, работать в библиотеках, архивах, покупать литературу. Было два года, когда университет вообще, кажется, не получал никакого финансирования на библиотеки, не было финансирования на подписку, на журналы. Тогда мы купили на деньги гранта библиотеку Предтеченского, ленинградского историка. Отличная библиотека.

Каюмова М.Р.: Имея опыт заведования двумя кафедрами, скажите, пожалуйста, какие наиболее интересные или сложные задачи Вам приходилось решать на этом посту?

Кожанов А.А.: Ну, понимаете, самое интересное было — создавать, создавать специализацию, создавать специальность, создавать кафедру, образовывать коллектив. На кафедре архивоведения у нас сложился коллектив. Мы были единомышленниками, хотя и разными людьми. Я, может быть, немножко идеализирую ситуацию. Все прониклись рано или поздно, в той или иной мере, едиными задачами. Кафедра была относительно небольшая, както мы не вполне укладывались в основное русло исторического образования, немножко мы были «на отшибе», немножко наособицу, и это нам позволяло решать с большой легкостью или с меньшими затруднениями какие-то вопросы. Самое интересное, повторяю, это было делать вот учебный план, разрабатывать дисциплину, когда мы думали: а вот такие дисциплины, нужны ли они, не нужны, и самое главное: кого мы готовим?

Каюмова М.Р.: И как Вы отвечали себе на этот вопрос?

Кожанов А.А.: Мы представляли, что мы должны подготовить специалиста архивиста-документоведа с широким образованием, не просто прикладника такого. Бакалавриат, даже не прикладной, значительно сужает потенциальный такой общекультурный горизонт выпускника. Историк-архивовед, мы считали, он должен был быть очень образован, и образованнее, чем даже историк, потому что он должен совмещать в себе, так сказать, фундаментальные знания, да, и плюс специальные знания по архивоведению.

Мешков Михаил Александрович

Непростые истины: как создавалась и развивалась газета исторического факультета

Первый тираж в 200 экземпляров газеты студентов исторического факультета «Простые истины» увидел свет в марте 2008 года под редакцией Екатерины Рыбкиной. Авторами и создателями газеты стали сами студенты истфака. Газета печаталась в черно-белом исполнении в типографии на четырех полосах. Идея проекта вызрела у активистов студенческого профсоюзного комитета, ее организатором стала студентка факультета Евгения Матасова. Однако далее все пошло не так, как задумывали ее организаторы. Вышедший в октябре 2008 года второй выпуск газеты под руководством нового редактора Вероники Иштонковой, студентки 3-го курса истфака, оказался более дискуссионным. Студенты делились впечатлениями о прошедшем лете, Ирина Островская на основе соцопроса составила портрет студента факультета, а Александр Симуков продолжил свою политическую колонку, выразив опасения о возвращении культа личности. Колонка вызвала негативную реакцию представителей профкома, настаивавших на снижении «оппозиционного тона». Тогда же была создана группа газеты «ВКонтакте» (https://vk.com/proist), где продолжались начатые в газете дискуссии.

И если предыдущие два выпуска были делом внутрифакультетским, то третий выпуск в ноябре 2008 года стал настолько резонансным, что ксерокопии газеты делали и на других факультетах. Причина оказалась в двух материалах. В первом студенты высказывали мнение о деятельности профкома, а проведенный соцопрос показал отрицательное отношение к организации, особенно у старших курсов. Для представителей студенческого профсоюза последствия «лопнувшего информационного пузыря» оказались столь болезненными, что дошло до «вызова на ковер» верстальщика Михаила Мешкова и студентки Анны Никоновой. Заместителем председателя профкома высказывались угрозы физической расправы, было выдвинуто требование, что все дальнейшие выпуски газеты должны одобряться руководством профкома.

Другой материал, вызвавший напряжение уже в руководстве исторического факультета, касался продолжения темы культа личности и мнения студентки о политике руководства России. На дальнейший выпуск газеты профком отказался давать бумагу, если материалы не будут согласовываться с ним, что редакцией воспринималось как попытка цензуры. В результате последовавшей очной дискуссии между представителями газеты, факультета и профкома, было решено, что редакция остается прежней. При этом были обозначены, как сейчас говорят, «красные линии»: не писать на политические темы в остром ключе.

Наскочивший на суровую реальность студенческий максимализм привел к редакционному кризису. Четвертый выпуск газеты в декабре 2008 года выпускался с меньшим энтузиазмом. Центральную тему — жизнь в общежитии — раскрыли авторы газеты Евгения Трофимова, Алина Котович, Инна Варламова, а Наталья Кузнецова взяла интервью об опыте жизни в советском общежитии у Александра Пашкова, зав. кафедрой дореволюционной России.

Выпуск газеты остановился. Однако в группе газеты «ВКонтакте» и лично создателям газеты студенты и преподаватели факультета постоянно говорили о важности возобновления издания. Руководство исторического факультета также высказывалось за продолжение выпусков и выделило средства на бумагу и печать газеты. Издание больше не зависело от студенческого профсоюза. Сама газета стала печататься на домашнем цветном принтере у верстальщика всех выпусков газеты Михаила Мешкова, тиражом 100–170 экземпляров, на мелованной бумаге. Костяк редакции остался прежним, во главе с редактором Вероникой Иштонковой, однако часть авторов сменилась.

Распространением газеты занимались авторы и друзья газеты, разносившие ее по другим группам и на кафедры. Возобновили выпуск в октябре 2009 года, далее газета выходила раз в 1–2 месяца, где поднимались темы «Трудоустройство после выпуска», «Легко ли быть историком?», «Что такое Болонская система» и др.

Политическая повестка, хоть и в более сдержанном тоне, продолжала затрагиваться: студент 5-го курса Александр Кривоноженко выражал профессиональные опасения относительно законопроекта об искажении истории, Александр Симуков продолжил размышления о сворачивании демократических процессов в России.

№9 ПРОстые 6 ИСТины апрель 2010

Тема апреля:
– никому не веря!
:)

ИСТ ные ПРО стины

Шпаргалки и задор

Светлана Галунова, выпускница нашего факультета, прислала нам вот такой рассказ:

Я очень часто рисовала карикатуры и шаржи! Преподаватели, читавшие лекции, для меня были прелюбопыт-

нейшими образами - всех рисовала: во мне тогда сидел художник и требовал своего! Вместо тетради с записями у меня был блокнот с набросками. Хотя рисунки порой были сердитыми, преподаватели от-

носились к этому философски и не обижались, за что им благодарна. Они не помешали будущему художнику (нынешнему члену Союза художников России) закончить истфак!

P.S. При публикации шаржей редакция надеялась на чувство юмора преподавателей :)

hi-hi-story от студентов

Накануне 1 апреля у нашего корреспондента **Полины Спиридоновой** появилась замечательная возможность представить на суд публики все услышанное и записанное за нашими любимыми преподавателями. И разговор идет не об их лекциях, вернее, не совсем о них. Намеренно или нет, но в монотонных исторических повествованиях нет-нет, да и появляются смешинки, делающие пару более яркой.

Ю.В. Суворов
Здравствуй, Галя Дорогая! (Об отношении к политике Николая I в Европе)

Д.В. Четвертной
Буржуазная шушера. (Об отношении марксистских историков к иным)

А.Ф. Юсупов
Ну и как ты в таком случае отбояришься от троцкизма? (О невозможности выбелить свое честное имя после общения с Троцким - во время сталинских репрессий)

И.Н. Ружинская
Вот выстрелю в Александра II, спрячусь за лопухом, и никто меня не найдет. (Стратегии безуспешной организации покушения на царя)

С.Н. Филимончик
Запомните, мы все шунгит! (О восприятии историком всех жизненных реалий)

hi-hi-story от преподавателей

Но вы не думайте, что только студенты записывают «фразочки» за преподавателями. Например, у **Александра Алексеевича Кожанова** есть прекрасная коллекция студенческих «перлов» из ответа на экзамене по истории первобытного общества. Представляем некоторые из них.

В Африке были обнаружены кости австралопитеков. Ученые установили, что кожа у австралопитеков была темного цвета, а все тело было покрыто шерстью.

Можно предположить, что у питекантропов мозг не играл большой роли, так как основным занятием у них был труд, а для этого особого ума не требовалось.

Примитивные грубящие орудия.

При экзогамии род делился на две группы, в одну входили девушки, в другую юноши.
- И как заключались браки?
- Браки заключались внутри каждой из групп.
- А как же дети?
- А дети были общие.

Одомашнивание животных происходило путем скрещивания.
- Например?
- Ну, например, корову можно получить, скрестив лося с козлом.

У неандертальцев появляется символика, т.е. найдено множество плит и камней, на которых они пытались изобразить пейзажи из окружающей среды.

Затем неандертальцы стали изготовлять скребла или скребки, которые использовались для обработки шерсти. Также они изготовляли острые предметы из костей для того, чтобы прокалывать шерстяную ткань.

Для неандертальца характерны признаки агрессии и каннибализма, т.е. поедания своих сородичей: были найдены искусанные и обглоданные кости.

- Австралопитеки охотились на мамонтов.
- ?
- Они кидались в них камнями.
- ???
- Да, рядом с камнями были найдены рога.
- Чьи рога?
- Мамонта.

Оттиск студенческой газеты «Простые истины»

К оформлению газеты подключались талантливые студенты: логотип придумала Маргарита Иванчикова, шаржи рисовала Елена Шейко, фотографировала Екатерина Сергеева. Тема профкома и отношения к нему студентов также не исчезла. На страницах издания студенты задавали интересующие вопросы, а представители организации — Валерия Самойлова, Евгения Матасова, Илья Косенков — на них отвечали. Особой популярностью пользовались интервью с преподавателями факультета: деканом Сергеем Геннадьевичем Веригиным, «доброй феей» деканата Лилией Павловной Тепловой, профессором Михаилом Ильичом Шумиловым, Андреем Изыдоровичем Бутвило, Александром Алексеевичем Кожановым. Брали интервью и у студентов: лауреата Потанинской стипендии Мадины Каюмовой, будущего четырехкратного чемпиона России по тхэквондо Антона Коткова.

Взять интервью у Александра Алексеевича Кожанова автора этих строк просили сами студенты исторического факультета. Им нравился строгий научный подход в изложении материала вместе с невероятным личным обаянием Александра Алексеевича, по-доброму иронично относящемуся к посмеиванию студентов-первокурсников над промискуитетом и другими особенностями первобытного общества, историю которого он преподавал. Наше интервью проходило в кабинете кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, где у Александра Алексеевича был свой крохотный кабинет. Уютная обстановка с чаем и печеньем располагала к интервью, в ходе которого он поделился теплыми воспоминаниями о своем учителе истории, а также опасениями о возврате современной России к старым догмам. После интервью Александр Алексеевич в деликатной форме спросил у интервьюера, почему он не спросил про его отношение к профкому? Но этот вопрос уже потерял былую актуальность.

С выпуском редакционного костяка из стен родного исторического факультета заканчивается и история газеты. В декабре 2010 года вышел последний, 13-й выпуск газеты «Простые истины», ощутившей на себе особенности нового витка истории страны.

Хочется отметить всех 43 авторов газеты и работавших над ее выпусками в разное время. Это Вероника Иштонова, Ирина Островская, Евгения Трофимова, Михаил Мешков, Евгения Матасова, Анжела Атаян, Александра Дмитрова, Александр Симуков, Анна Никонова, Екатерина Сергеева, Дмитрий Блышко, Инна

Варламова, Наталья Кузнецова, Полина Спиридонова, Александр Че-Гук-Хан, Екатерина Рыбкина, Ольга Лейко, Ольга Аникина, Ольга Юматова, Мила Бузова, Алина Котович, Иван Милютин, Елизавета Владимирова, Дарья Арефьева, Светлана Веселкова, Анастасия Гросман, Андрей Господарёв, Мария Тишина, Екатерина Палкина, Анастасия Залазаева, Алена Москаленко, Дарья Дерусова, Александр Кривоноженко, Юлия Нилова, Алексей Голубев, Юлия Семенова, Олег Иваньо, Наталия Фёдорова, Павел Куликов, Валерия Самойлова, Елена Кочеткова, Юлия Фомкина.

Вспоминая А.А. Кожанова

Я не могу считать себя учеником А.А. Кожанова: он не был моим научным руководителем, его интеллектуальное воздействие было сильным, но скорее опосредованным — я прослушал короткий курс по истории первобытного общества, читал его работы по этносоциологии. Но без его влияния моя жизнь сложилась бы совершенно по-другому.

Помню день, когда отец познакомил меня — школьника из Мурманска — со своим другом университетских лет, ждавшим нас на крыльце Петрозаводского университета. «Не нужно краснеть, молодой человек»,— сказал элегантно одетый высокий мужчина таким тоном, что бояться не хотелось.

Несколько лет спустя, когда я решил поступать на исторический факультет Петрозаводского университета, отец предложил посоветоваться с Александром Алексеевичем. Я интуитивно понимал, что получу от него не протекцию, а честный ответ, готов ли я стать студентом истфака. Он подробно «допросил» меня о круге чтения, задал много вопросов на общее знание истории. Результат его, кажется, удовлетворил, и совершенно неожиданно для меня он предложил специализироваться на «его» кафедре архивоведения и специальных исторических дисциплин. Я согласился, и это был один из первых выборов, которые определили мою дальнейшую жизнь.

Думаю, учебная программа отражала стремление Александра Алексеевича обучить нас специальным прикладным навыкам, сохранив при этом значение общеисторической подготовки. Полностью избежать противоречий между этими линиями было невозможно, профессиональные дороги историков и архивистов расходились все дальше. Но я думаю, что в решении этой очень сложной задачи Александр Алексеевич сделал все что возможно. Сокращение общих лекций по истории от каменного века до современности казалось мне непривычным, но компенсировалось спецкурсами и ранней архивной специализацией. То, что уже на ранних курсах нас учили работать с архивными материалами, показали работу архива «изнутри», не только способствовало приростанию профессиональных навыков, но заставляло по-новому посмотреть на историю. Перелистывая архивное дело

(в особенности — ранее никем не прочитанное), можно было мысленно перенестись в другой мир, прежде закрытый. Чувство от соприкосновения с архивными документами, которое известный американский историк Роберт Дарнтон описал словами «я пропитался прошлым», мы испытали довольно рано. Подозреваю, что таков и был замысел основателя кафедры.

Впрочем, «подлинность истории — не в бумажной каше… подлинность истории — смех и слезы наши», их не передадут самые лучшие исторические книги и самые интересные архивные документы. Думаю, Александр Алексеевич понимал это очень хорошо, и он был одним из тех преподавателей, кто пытался не только повысить «уровень компетенций» студентов, но и воспитывать их. Богатый жизненный опыт социолога, уже в юности увидевшего жизнь сельской Карелии «изнутри», позволял это делать без дидактики и снобизма. Вводное занятие с нами, только что поступившими в университет первокурсниками, заведующий кафедрой начал с того, что вовсе не считает нас студентами — это покажет первая сессия. Это был сильный педагогический ход, который на некоторое время погрузил в задумчивость даже некоторых студентов, совсем не склонных к рефлексии (в терминологии Александра Алексеевича — «сачков»). Нет навсегда признанных заслуг,

Александр Алексеевич Кожанов и Константин Годунов
на регистрации конференции в архиве

нужно вновь и вновь доказывать, чего ты стоишь — это чувство до сих пор остается со мной.

Мой «синдром отличника» приводил к тому, что на кафедре я имел репутацию «зубрилы», которых Александр Алексеевич справедливо недолюбливал. На меня это отношение почему-то не распространялось, и в его часто задаваемом мне, казалось бы, формальном вопросе «Как дела?» всегда была слышна искренняя заинтересованность.

На втором курсе Александр Алексеевич попросил меня стать старостой группы. Эта «должность» довольно много мне дала, в частности — внушила глубокое отвращение ко всякой административной работе. Это был важный жизненный урок. Впрочем, участие в организации некоторых коллективных мероприятий вызывало и интерес. В 2010 году наша группа, по кафедральной «изобретенной традиции», организовала празднование Дня архивиста. Когда мы готовили этот праздник, мне хотелось, чтобы именно Александр Алексеевич оценил наши старания (в моем случае это вылилось в несколько бессонных ночей). Кажется, отчасти это удалось, по крайней мере, в беседах со мной Александр Алексеевич вспоминал этот день и спустя несколько лет после выпуска нашей группы.

В конце второго курса я стал серьезно думать о специализации, искать тематику и проблематику дипломной работы. Александр Алексеевич посоветовал поговорить с В.В. Волоховой. Помню интонацию, с которой он произнес: «Только к Валентине Владимировне!». С этим советом я не мог не согласиться: на первой же лекции курса Валентины Владимировны по источниковедению я не только понял, что наши научные взгляды совпадают, но и удивился редкому соединению обаяния, такта и доброжелательности. И было в этих лекциях еще нечто неуловимое, но очень важное, что можно было бы назвать «чувством истории». И по коротким фразам, которые обронил в нашем разговоре Александр Алексеевич, было видно, насколько высоко он ценит Валентину Владимировну.

Совет Александра Алексеевича стал решающим в моем выборе научного руководителя. Думаю, что этот выбор был не просто правилен, но единственно возможен, принес мне не только пользу, но и радость: ничто во время учебы не доставляло мне такого удовольствия, как консультации Валентины Владимировны. Дипломная работа о советских праздниках (эту тему сдержанно, но решительно поддержал Александр Алексеевич)

выросла в кандидатскую диссертацию, а затем в книгу. При этом я чувствую, что далеко не до конца воплотил в жизнь ожидания Валентины Владимировны, которая всегда была чересчур добра ко мне, этот «долг» пока остается за мной.

По приглашению Александра Алексеевича на кафедре читали лекции московские и петербургские историки. Одна из таких лекций изменила мою «профессиональную траекторию». Когда я учился на четвертом курсе, в ПетрГУ с рассказом о Кавказской войне приехал В.В. Лапин, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Александр Алексеевич посоветовал не только прийти на лекцию, но и подумать о поступлении в Европейский. Вновь проявилась особая способность Александра Алексеевича давать советы, в этом виден был его педагогический «метод»: он не ломал человека в соответствии со своими представлениями, а скорее ориентировал и направлял идти по тому пути, который уже подсознательно был этим человеком выбран.

После этого напутствия я стал целенаправленно читать книги исследователей ЕУ, и к концу обучения на кафедре уже был уверен, что хочу работать с Б.И. Колоницким — замечательным исследователем 1917 года, который сделал из истории революции своеобразную лабораторию по развитию «новой политической истории». Интересно, что Борис Иванович — ученик Г.Л. Соболева, ученика С.Н. Валка, который, в свою очередь, был учеником А.С. Лаппо-Данилевского — одного из главных героев многих лекционных курсов, которые читались у нас на кафедре. Кажется, круг замкнулся. Так или иначе, вовремя поданный совет Александра Алексеевича привел к тому, что мне во второй раз повезло с научным руководителем, а в моей жизни открылась новая (по большей части — счастливая) страница.

«По несчастью или к счастью, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места», — когда поезд подъезжает к петрозаводскому вокзалу, я вспоминаю эти строки, которые Александр Алексеевич процитировал когда-то моему отцу. В прошлое вернуться нельзя, и пытаться не стоит. Однако чувство благодарности человеку, сделавшему для меня очень много, останется со мной навсегда. Для меня совсем не будет преувеличением сказать, что именно с А.А. Кожановым был связан «золотой век» петрозаводского истфака. Светлая ему память.

Кто такие «мингрелы»?

Мое знакомство с Александром Алексеевичем состоялось в 2001 г., когда я поступал на исторический факультет (ныне — Институт истории, политических и социальных наук) Петрозаводского государственного университета. Вступительные экзамены у меня принимал А.А. Кожанов и еще один молодой преподаватель. Один из вытянутых вопросов касался борьбы в СССР с космополитизмом. Тогда с моим знанием школьной программы истории было очень сложно объяснить сущность этого явления. Помню, что Александр Алексеевич задавал мне вопросы, которые заставили бы меня отойти от изложения заученного содержания учебника и начать наконец-то думать. Отвечая на второй вопрос, я коснулся темы, которую стоило избегать, если бы я раньше знал, что А.А. Кожанов — этнограф. Начал рассказывать про суть «мингрельского дела», но так и не смог ответить на вопрос, а кто такие «мингрелы»? Мой ответ, что это народность, которая проживает в Грузии, оказался очень примитивным. Такие упущения в ответах не стали причиной драматически понизить мне оценку. Александр Алексеевич скорее показал, что мне еще многому предстоит научиться.

Думаю, что во многом такое внимательное отношение во время экзамена и стремление объективно оценить мои знания стали причиной того, что для учебы из нескольких вариантов я выбрал исторический факультет ПетрГУ. Одним из первых предметов на историческом факультете была «история первобытного общества», которую вел Александр Алексеевич. Очень хорошо помню первый урок, который он преподал первокурсникам. Студенты-парни, когда открылся кабинет, попытались зайти в него первыми, не уступив проход девушкам. А.А. Кожанов попросил парней выйти из кабинета и пропустить первыми девушек, а потом кратко сказал нам, что мы ведем себя как невоспитанные люди. Во время урока я пытался как-то себя проявить и даже догадался, что когда речь шла о «собакоголовых» приматах, то имелись в виду павианы и бабуины.

Выбор А.А. Кожанова в качестве руководителя для курсового исследования произошел спонтанно. Он искал среди студентов тех, у кого дома были тогда еще редкие компьютеры. Для меня же

важно было писать курсовую работу у человека, которого я уже знал. Пять добровольцев, найденных А.А. Кожановым на лекции «история первобытного общества», были отправлены в отдел геоинформационных систем (отдел ГИС) Регионального центра новых информационных технологий ПетрГУ, который возглавлял известный карельский картограф Анатолий Михайлович Шредерс.

А.М. Шредерс вместе с А.А. Кожановым решили, что студентам потребуется подготовка перед тем как выполнять исследования, связанные с использованием геоинформационных систем. Из пяти студентов в отделе ГИС остались только двое — я и Вениамин Дроздов. Мне Александр Алексеевич поручил подготовить курсовую работу, посвященную развитию геодезического образования, а В. Дроздов начал свою работу, посвященную изучению геральдики. Очень скоро его научным руководителем стал И.В. Савицкий.

Во время написания курсовых работ Александр Алексеевич предоставлял мне очень много свободы. Очень много работал в Национальной библиотеке, пытаясь найти книги по истории картографии, которые затем обсуждал с научным руководителем. В это время я ознакомился с классическими работами по истории картографии — трудами А.В. Постникова, В.С. Кусова, К.А. Салищева, Л.А. Гольденберга. Александр Алексеевич часто спрашивал меня о том, какие идеи появились после прочтения этих работ по истории картографии, как они могут быть применены в курсовом исследовании.

По прошествии почти 20 лет мне сложно вспомнить в деталях, как проходили консультации у Александра Алексеевича. Помню его кабинет — маленькую каморку при библиотеке кафедры архивоведения и исторических дисциплин. В кабинете было одно маленькое окно, которое Александр Алексеевич открывал, чтобы покурить. Причем каждый раз он спрашивал: не возражаю ли я против дыма сигареты. Помню плакат на его стене с еврейской девушкой и подписью «Холокост… никогда больше». Думаю, что именно этот плакат, который я видел за спиной Александра Алексеевича, привил мне интерес к истории еврейского народа.

Работа над курсовыми сочинениями продолжалась, и вскоре мы с Александром Алексеевичем пришли к идее, что дипломный проект следует развивать применительно к созданию системы каталогизации карт. Руководитель отдела ГИС А.М. Шредерс предложил разрабатывать систему каталогизации применительно к хранящимся в его отделе электронным картам, чтобы

созданный итоговый продукт включал базу данных с образцами карт. С этого времени я стал часто бывать в отделе ГИС, где со мною занимались сотрудники отдела ГИС — В.В. Непряхин и Е.В. Лялля. Обсудить какие-то моменты с подготовкой базы данных приходил А.А. Кожанов.

С работой в отделе ГИС был связан один курьезный момент: однажды мне сказали, что я неучтиво повел себя в отношении руководителя Регионального центра новых информационных технологий Н.С. Рузановой, не пропустив ее во время открывания двери перед вахтой. Так как этот момент я не помнил и полагал, что это мог быть какой-то другой студент, то извиняться отказался. Об этом узнал А.А. Кожанов, и когда я объяснил ему ситуацию, он сказал, что верит мне и через какое-то время все забудется. Он оказался прав, но с этого времени я стал очень внимательно заходить в Центр новых технологий.

В 2006 г. я защитил дипломную работу по теме «Банк ретроспективной картографической информации (опыт разработки и использования)». К дипломной работе прилагался CD-диск с электронной коллекцией карт из отдела ГИС с базой данных, систематизирующей эти карты по определенным мною критериям. Перед защитой дипломной работы обсуждал с А.А. Кожановым свои планы на будущее. Мне очень хотелось продолжить научную работу: была мечта поступить в аспирантуру к А.В. Постникову, научные работы которого я использовал во время написания курсовых работ. А.А. Кожанов меня поддерживал в намерении поступать в аспирантуру в системе Академии наук, так как в советское время сам учится в аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

В конце 2005 г. я попытался воплотить этот план и написал письмо в отдел аспирантуры Института истории естествознания и техники, в котором работал А.В. Постников. На письмо ответила заведующая отделом аспирантуры И.В. Лапина, и мы обсуждали с ней мое возможное поступление. Все же я решил остаться в Петрозаводске и попытаться там написать свое диссертационное исследование. К сожалению, я не мог это делать под руководством А.А. Кожанова, так как он не брал себе аспирантов. Впоследствии я узнал, что это разрешалось только преподавателям, имеющих степень доктора наук или изъявивших желание защищать докторскую диссертацию.

Пока в Петрозаводском государственном университете я пытался подготовить диссертацию, я виделся с Александром

Алексеевичем. Нельзя сказать, что это получалось у меня часто, но было приятно его видеть. В 2009 г. я осуществил свою мечту и поступил в аспирантуру Института истории естествознания и техники, а в 2013 г. под руководством А. В. Постникова защитил свою кандидатскую работу. В это время мне не удавалось часто бывать в Петрозаводском университете, несколько раз во время новогодних каникул я заходил на кафедру архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, но Александра Алексеевича там не было.

В последний раз я с ним созванивался, когда он уже оставил руководство кафедрой и вышел на пенсию. Помню, что он был рад узнать, что я стал старшим научным сотрудником и рассказывал, что у него во время работы в системе Академии наук СССР была такая же должность, и что он долго к ней шел, начиная работать младшим научным сотрудником. Наш разговор неожиданно прервался, и у меня не получилось повторно с ним созвониться.

Если бы я не встретил Александра Алексеевича на своем жизненном пути, то, наверное, моя жизнь могла сложиться совсем по-другому. Мне сложно сказать, был бы я тогда счастлив, гордился бы тем, что делаю, ведь я бы тогда не знал другого пути. Важнее, наверное, то, что я понимаю, что благодаря Александру Алексеевичу и другим людям, вложившим в меня свои усилия, я достиг того, что у меня сейчас есть, а это немало.

Россия — страна патриархальная?

Говоря о ПетрГУ и преподавателях истфака, вспоминаются не какие-то исторические события, а, скажем так, атмосфера. Лекции и особенно семинары А. А. Кожанова, который преподавал у меня историю первобытного общества, были интересными, сам Александр Алексеевич запомнился как человек нестандартный, светлый, увлеченный, интеллигентный и добрый.

Хотя у кого-то из студентов могло сложиться иное впечатление, кому-то он мог казаться авторитарным и совсем недобрым. Помнится, в самом начале своего курса лекций по истории первобытного общества (а это был первый семестр первого курса, самое начало студенческой жизни) Александр Алексеевич, взглянув на полную аудиторию студентов, сказал: «Что-то вас многовато, надо бы половину отчислить...». Кто-то из первокурсников этой реплики испугался, но потом более старшие студенты — члены студенческого профкома, нас успокоили, сообщив, что у Кожанова юмор такой.

Юмор, как и многим преподавателям истфака, Кожанову был присущ. Помнится мне, что шутил он чаще на семинарах, чем на лекциях. Вот пример. Для одного из семинаров он задал прочитать две научные статьи разных авторов. У одного автора фамилия была Файнберг, а у другого — какая-то славянская. Учился в нашей группе студент Володя Богданов. Его Кожанов опрашивал и вычислил, что Файнберга Богданов прочитал, а второго автора — даже не открывал. Александр Алексеевич спросил: «Почему?» На что студент ответил: «А я на Файнберга понадеялся». И Кожанов, переделав известное выражение, пошутил: «На Файнберга надейся, но и сам не плошай».

Как и следует историку, Александр Алексеевич не только изучал прошлое, но и внимательно отслеживал настоящее: события в мире, в стране, в городе. И переживал происходящее, будучи глубоко неравнодушным человеком. Однажды, не помню в каком контексте, Кожанов заметил: «Студенты, если вы живете в квартире многоквартирного дома, то, скорее всего, вы примерно половину жителей подъезда не знаете». Мне врезалась в память эта фраза, поскольку меня тоже огорчало некоторое безразличие, с которым соседи относились друг к другу.

Его внимательное отношение к нам, первокурсникам, проявлялось в том, что он, нередко делая отступления из древности в современность, хотел знать и наше мнение. Как это было? В курсе «История первобытного общества» студентов знакомят с понятиями «матриархат» и «патриархат». И вот, сравнивая очень далекое прошлое с настоящим, мы обсуждали современную Россию (это был 2006 год), и я высказал мысль о том, что Россия в 2006 году (как и сегодня, в 2024-м) — страна патриархальная. Александр Алексеевич эту мысль не то чтобы поддержал, но и не возразил, из чего я понял, что так вполне можно считать. За прошедшие годы у меня добавились аргументы в защиту этого тезиса, но это была бы тема совсем для другого текста.

Как университетский преподаватель, Кожанов отличался от историков следующего поколения большей терпимостью к марксизму. Например, преподаватель М.Г. Лобачкова, упоминая об одной московской коллеге, выразилась: «Женщина умная, хоть и марксистка». От Кожанова такого точно нельзя было услышать. Однажды один из моих одногруппников на семинаре, отвечая на заданный ему конкретный вопрос, сказал: «У меня подготовлена точка зрения, но она — марксистская». Александр Алексеевич, обращаясь уже не только к этому студенту, но и ко всей группе, прокомментировал: «Вы должны понимать, что если точка зрения — марксистская, это не значит, что она плохая».

В отношении Александра Алексеевича Кожанова у студентов-историков было одно суеверие: если случайно встретишь Кожанова в коридоре перед зачетом и экзаменом — то обязательно сдашь. Звучит, конечно, смешно, но в моих случаях срабатывало. (Хотя я не все зачеты и экзамены сдал с первой попытки).

Вспоминаю еще один эпизод, показывающий глубину мысли Александра Алексеевича и его увлеченность предметом. Однажды он задал уточняющий вопрос студенту, типа: «Откуда Вы это взяли?». На что студент ответил: «Это писал Фридрих Энгельс». Кожанов на это отреагировал так: «Вам следует знать не только то, ЧТО писал Фридрих Энгельс, но и ПОЧЕМУ он так писал, исходя из того, где и когда он жил, чем занимался и т.д.».

Во время чтения лекций за Александром Алексеевичем замечалась одна странность. Он стоял за кафедрой у окна, смотрел в окно и увлеченно рассказывал. Это меня несколько веселило, поскольку складывалось впечатление, что в окне он видит не проспект Ленина, а обезьяну, мамонта, синантропа, презинджантропа и прочих персонажей доисторической эпохи.

Экзамен по «первобытке», как мы называли этот предмет, я сдал на «отлично». Хотя, наверное, главная заслуга в этом не моя, а преподавателя, да и с билетом повезло. По прошествии времени учеба на историческом факультете ПетрГУ, где я провел целых 12 лет, пройдя 4 курса, к сожалению, с большими перерывами из-за восьми академических отпусков (интересно, это рекорд?), остается приятным воспоминанием. Выходит, что я много лет слушал интересные лекции, семинары, участвовал в конференциях,— и все это совершенно бесплатно! Я так и не получил диплом об окончании университета, но мне выдали документ об образовании, в котором указаны все изученные мной дисциплины, начиная с «первобытного общества».

«Фигура в сером плаще»

Когда вспоминаю А.А. Кожанова, то в первую очередь перед глазами встает огромная, как мне казалось на первом курсе исторического факультета, фигура в сером плаще, неспешно идущая по коридору главного корпуса ПетрГУ к нашей кафедре архивоведения, и короткое «здравствуйте».

Мне он всегда казался каким-то мистическим, возможно, поэтому свои первые курсовые работы я пошла писать именно к Александру Алексеевичу. Писала я их от руки, и долгими вечерами, каждый четверг, на кафедре, где давно уже был завершен рабочий день, мы разбирали наши труды по истории советской карикатуры.

Помню, как Александр Алексеевич дал задание написать эссе, но не подписывать работы, а придумать псевдоним для абсолютного объективизма оценки, и я тогда единственная получила высший балл! Кажется, что мы оба с ним были очень удивлены, но я до сих пор горжусь этой работой, потому что как преподаватель А.А. Кожанов был достаточно строгий и зачеты сдавать ему было очень страшно!

При этом у него было отличное чувство юмора, огромное трудолюбие и невероятная любовь к своему делу и кафедре. Это то, за что я очень уважала и буду уважать всегда! За ту работу и такую уникальную кафедру на историческом факультете, которую он создал и дал возможность студентам получить одно из самых сильных, интересных и уникальных образований!

Раздел 3

Вдохновитель

Бывают в жизни встречи, которые невозможно забыть. В моей жизни таким стало знакомство с Александром Алексеевичем Кожановым. Мы, к сожалению, очень редко виделись, но каждый раз наше общение оставляло самые теплые воспоминания. Всегда говорили обо всем сразу: о жизни, об истории и, конечно, о вспомогательных исторических дисциплинах. И это всегда было интересно и порой неожиданно.

Так, например, Александр Алексеевич как-то удивил меня по дороге к нему на дачу. Вдруг он посреди какой-то деревни остановил машину, попросил меня выйти и перейти на другую сторону дороги. Мы подошли к невысокой каменной ограде, за которой была, казалось, сплошная высокая трава. Александр Алексеевич снял полуистлевшую доску, закрывавшую вход, и предложил пройти. Только тут я понял, что мы на заросшем деревенском кладбище. Через минуту мы стояли перед ухоженной могилой, на которой лежали цветы. На стеле над ней было написано: «Выдающийся русский языковед академик Филипп Федорович Фортунатов 1848–1914». Кто бы мог подумать! И А.А. рассказал мне о том, как провел последние годы Фортунатов, кто ухаживал сначала за ним, а потом — за его могилой… Я спрашивал у наших филологов в Отделении историко-филологических наук РАН, где похоронен академик Фортунатов. Никто не смог назвать деревню Косалма…

Одной их тем наших с А.А. бесед было обсуждение условий, которые позволяют говорить о степени научности построений в исторической науке. Одним из результатов таких разговоров и стала статья, которая публикуется в этом сборнике, посвященном светлой памяти коллеги и друга — Александра Алексеевича Кожанова.

Зачем московский князь Юрий Данилович в 1304 году ездил в Орду

Существует мнение, будто стремление воссоздавать события прошлого на основании информации, почерпнутой из исторических источников, — пережиток прошлого исторической науки. По словам М.Ф. Румянцевой, оно, «ориентированное

на классический тип рациональности», изжило себя еще к концу XIX в.[1] Тем не менее историки и сегодня продолжают накапливать «позитивные знания». Без этого невозможно «понять человека прошлого и через него окружающий его мир»[2]: сам этот человек, его природное и социальное окружение сегодня уже не существуют и могут лишь гипотетически воссоздаваться на основе ретроспективной информации, сохранившейся в источниках. Другое дело, что процедура научных исторических реконструкций за последние десятилетия существенно изменилась.

Источник уже не рассматривается как своеобразный склад «объективной» исторической информации, которую надо просто транслировать, переводя на современный историку язык. Для вычленения этой информации необходимо понимать автора источника — а он воспринимает мир и все происходящее в нем совсем не так, как наш современник. Его «понятийно-категориальный аппарат» и образы, которыми он оперирует, порой радикально расходятся с представлениями современного человека о том, что́ и, главное, ка́к надо описывать. В свою очередь, это не могло не сказаться и на конкретно-исторических построениях — научных реконструкциях прошлого, которые изучаются на следующем этапе исторического исследования — уже в качестве своеобразного «объекта».

В источниках сохранились лишь образы прошлого, впечатления участников и свидетелей произошедшего. Непосредственного отражения событий мы в них не найдем. Даже актовые и делопроизводственные материалы, которые многие историки (И. Г. Дройзен[3], Э. Бернгейм[4], Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос[5], Н. И. Кареев[6] и др.) предлагали отнести к непосредственным результатам событий, их остаткам, неизбежно включают именно образы реально происходившего, а не его непосредственное отражение. Поэтому научные реконструкции прошлого должны опираться прежде всего на верифицируемую информацию — сведения, которые сохранились

---

1 *Румянцева М. Ф.* Источниковедение // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 202.

2 *Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Методология истории. М., 1997. С. 20.

3 *Дройзен И. Г.* Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004. С. 468.

4 *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. 2-е изд. М., 2011. С. 34–35.

5 *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. 2-е изд. М., 2004. С. 87.

6 *Кареев Н. И.* Историка: Теория исторического знания. Из лекций по общей теории истории. 2-е изд. Пг., 1916. С. 41–43.

минимум в двух независимых друг от друга источниках, не имеющих общего происхождения.

В то же время вполне понятно стремление историков привлекать для своих построений как можно больше уникальных свидетельств. Именно благодаря лишь однажды упомянутым в одном-единственном источнике деталям историку удается уйти от схематизма в своих реконструкциях прошлого, «оживить» их. Однако увлечение уникальными подробностями может легко ввести в заблуждение. Неосмотрительное их использование скрывает в себе серьезную опасность, снижая степень научности основанных на них реконструкциях. В профессиональных научных построениях подобную информацию можно использовать только в тех случаях, когда она прошла самую серьезную проверку[7]. И только если не удалось доказать, что данное сведение ложно и/или представляет собой некий посторонний (заимствованный) образ, по той или иной причине использованный автором изучаемого текста, его можно привлекать для научной реконструкции исторического события или процесса. При этом, однако, обязательно необходимо сделать оговорку, что такое только могло быть (но неизвестно, было ли на самом деле), и непременно сослаться на источник, сохранивший уникальное свидетельство.

* * *

Сведения о первом серьезном конфликте между Тверью и Москвой в связи с вопросом о том, кто займет великое княжение Владимирское после смерти князя Андрея Александровича 27 июля 1304 г., чрезвычайно скудны. Наиболее раннее известие об этих событиях содержит Новгородская первая летопись:

«В лето 6812 [1304]. Преставися великыи князь Андрѣи Александрович, внукъ великого Ярослава, мѣсяца июля 27, на память святого Пантелѣимона, постригъся въ скиму, и положенъ бысть на Городци; а бояре его ѣхаша во Тфѣрь. И сопростася два князя о великое княжение: Михаило Ярославич Тфѣрьскыи и Юрьи Данилович Московьскыи, и поидоша въ Орду оба, и много бысть замятни Суждальскои земли во всехъ градехъ. А в Новъгород ослаша тферичи наместникы Михаиловы силою, и не прияша ихъ,

[7] Ср.: «никакое суждение не может приниматься как достаточно обоснованное, пока не приведены веские аргументы, опровергающие суждение противоположное» (*Кистерев С.Н.* «Ортодоксальная текстология» и «зародившаяся тенденция» в изучении древнерусской книжности»//Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2014. № 5. С. 119).

но идоша новгородци в Торжекъ блюстъ Торжку, и совкупиша всю землю противу, и съсылаючеся послы, розъехашася, докончавше до приезда князии»[8].

Из этого сообщения следует, что на освободившийся великокняжеский стол претендовали два князя: тверской Михаил и московский Юрий. Чтобы разрешить свой спор, претенденты отправились в Орду, где и должно было быть принято соответствующее решение.

Более подробное сообщение находится в Симеоновской летописи (совпадающей, судя по всему, с утраченной Троицкой):

«Въ лѣто 6813 мѣсяца Іюля въ 27 преставися князь великіи Андрѣи Александровичь [...] Того же лѣта нязь Михаило Тѳерскыи въ орду пошелъ, а по убіеніи Акинѳовѣ вышелъ изъ орды на княженіе великое [...] Того же лѣта князя Юрья Московскаго въ Суждалѣ переимали[9] да не изнимали[10]. Тогды князь Юрьи съ своею братьею въ орду пошел... И тое же осени князь Михаило Ярославичь Тѳерскыи вышелъ изъ орды на княженіу великое»[11].

Здесь уточняется, что Юрия Даниловича московского, последовавшего за Михаилом Тверским в Орду, безуспешно пытались перехватить в Суздале, но тому удалось уйти. Тем не менее ярлык на великое княжение Владимирское получил не он, а тверской князь.

О том, как разворачивались события в Орде, летописи умалчивают. Зато некоторые сведения об этом имеются в Повести о Михаиле Тверском, созданной, по мнению В.А. Кучкина, на рубеже 1319/1320 гг. духовником тверского князя, игуменом Тверского Отроча монастыря Александром, который сопровождал Михаила во время его поездки в Орду[12]:

«Князящу же ему [Михаилу.— И.Д.] в вотчинѣ своей въ Тфери,

---

[8] Новгородская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000 [3-е изд.; репр. изд.: М., 1950]. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 92; ср.: «И сопростася два князя о великое княжение: Михаилъ Ярославич Тфѣрьскыи, Юрьи Даниловиць Московъскыи, поидоша въ Орду въ споръ, и много бысть замятни Суздальскои земли въ всѣхъ градех» (Новгородская первая летопись младшего извода // Там же. С. 332).

[9] «ПЕРЕИМАТИ[1] и ПЕРЕНИМАТИ. 1. *Перехватывать, задерживать*. ... 2. *Преграждать, перекрывать (путь)*» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14: (*Отрава — Персоня*). С. 244).

[10] «ИЗНИМАТИ[1]. *Взять в плен, схватить, захватить*» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6: (*ЗИПУНЪ — ИЯНУАРИЙ*). С. 188).

[11] Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2007 [2-е изд.; репр. изд.: СПб., 1913]. Т. 18: Симеоновская летопись. С. 86.

[12] *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

преставися великий князь Андрѣй въ Тфери, благослови его на свой стол, на великое княжение, сего христолюбиваго великого князя Михаила, ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степени великого княжения. И поиде въ Орду къ царю, якоже преже бывши его князи имѣаху обычай тамо взимати княжение великое. В то же время сыновецъ его князь Юрий поиде въ Орду же. Бывшу ему в Володимере, блаженный и приснопамятный митрополит Максимъ всея Руси со многою молбою браняше ему итти въ Орду, глаголя: “Азъ имаюся[13] тебѣ съ княгинею, с материю князя Михаила, чего восхочешъ изъ отчины вашея, то ти дасть”. Он же обещася[14], рекъ: “Хотя, отче, поиду, но не ищу княжения великого”. И бывшу ему во Ордѣ, не хотяше добра роду крестьяньскому дияволъ вложи в сердце князем татарьским свадиша братию, рекоша князю Юрию: “Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ великое княжение”. Тако превратиша сердце его, нача искати великого княжения. Обычай бѣ поганых, и до сего дни — вмещущи вражду между братьею, князи русскими, себѣ многия дары взимаютъ. И бывши прѣ велицѣ между има, и бысть тягота велика в Руси за наша беззакония и съгрѣшения… Но милостию Пречистыя Богородица и всѣх святых прииде благовѣрный великий князь Михайло и посаженъ бысть на столѣ дѣда и отца своего у святѣй Богородици в Володимере блаженым и преподобным Максимом, митрополитомъ всея Руси»[15].

Житийная повесть, судя по всему, дает возможность уточнить летописное упоминание о том, что происходило «въ Суждалѣ», когда Юрия Даниловича «переимали да не изнимали». По свидетельству ее автора, митрополит Максим уговаривал Юрия не ходить в Орду. За это от имени матери Михаила Тверского московскому князю была гарантирована передача любых земель общей «отчины», которые только он пожелает. Юрий якобы согласился и пообещал «не искати великого княжения», хотя в Орду все равно отправился. Там, однако, «князи татарские» предложили ему ярлык на великое княжение в обмен на обязательство давать бóльшую дань в Орду — и планы его изменились. Из-за этого и началась «пря великая» между тверским и московским князьями.

---

[13] «ИМАТИСЯ. … 2. … *брать на себя обязательство что-л. сделать*» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. С. 226).

[14] «ОБЕЩАТИСЯ. *Обещать исполнить что-л.; обязаться*» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12: (*О – Опарный*). С. 44).

[15] Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 72.

Из этого рассказа, правда, непонятно, зачем Юрий Московский поехал в Орду, если он не собирался претендовать на великое княжение? Причина, очевидно, должна была быть весьма серьезной, поскольку визит к ордынскому хану всегда был сопряжен с определенным риском. Во всяком случае, если следовать логике автора житийной повести, инициатором конфликта в Орде явно оказывается Юрий Московский, которого соблазнили «князи татарские».

Скудость ретроспективной информации, почерпнутой из исторических источников, заставляет историков крайне лаконично описывать события 1304–1305 гг.

Так, Н.М. Карамзин ограничился пересказом летописного сообщения: «Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастием для России. Два Князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и Георгий Даниилович Московский; но первый с большим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следственно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым… Добрый Митрополит Максим тщетно уговаривал Георгия не искать Великого Княжения, обещая ему именем Ксении, матери Михаиловой, и своим собственным любые города в прибавок к его Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к Хану, оставив Россию в несогласии и в мятеже. …Чрез несколько месяцев решилась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с Ханскою грамотою в Владимир, где Митрополит возвел его на престол Великого Княжения»[16].

Л.В. Черепнин, по существу, также воспроизводит летописный текст: «Михаил направился в Орду, куда двинулся и его политический соперник — князь Юрий Данилович московский. Оба князя надеялись получить от ордынского хана ярлык на право занятия великокняжеского стола. “И сопростося два князя о великое княжение, … поидоша в Орду в споре”. Княжеская распря явилась началом большой “замятни” (или “смятения”) в Северо-Восточной Руси (“в Суздальской земли”). …Ярлык на великое владимирское княжение достался в Орде Михаилу Ярославичу тверскому. В 1305 г. он вернулся на Русь из Орды. Очевидно, Юрий Данилович не хотел помириться со своим политическим поражением»[17].

---

[16] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1819. С. 169–171.

[17] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 461–462.

Восстанавливая события, развернувшиеся на Северо-Востоке и Северо-Западе Руси после смерти великого князя Андрея Александровича, Э. Клюг отмечает: «Бояре покойного великого князя стояли за тверского князя; тем самым они выступали за традиционный порядок престолонаследия. Сторонником права Михаила был и митрополит Максим, имеющий свою резиденцию во Владимире, где он и попытался склонить Юрия не ездить к хану. Но его старания оказались напрасными». Однако «подлинное решение принималось в Орде. Невозможно определить с полной ясностью, почему в конце концов там преуспел именно тверской князь. В его пользу говорил традиционный порядок престолонаследия, а с учетом того, что "татарские князья" сулили великое княжение Юрию, если он пообещает платить дань большую, чем Михаил, тверской князь мог потягаться с московским и в этом отношении. Во всяком случае, осенью или зимой 1305 г. тверской князь вернулся "изо Орды отъ царя на великое княжение, и сяде на великомъ княжении въ Володимери..."»[18].

А.А. Горский, в полном соответствии со свидетельствами источников, отметил лишь, что «Юрий нарушил традицию, предъявив претензии на великокняжеский стол. Михаил в том же 1304 г. отправился в Орду, и следом за ним двинулся Юрий с братьями. Оба соперника при этом активно противодействовали друг другу. Юрия по пути в Орду пытались "переимать" в Суздале, но безуспешно... Хан Тохта решил вопрос о великом княжении в пользу Михаила. Осенью 1305 г. тверской князь вернулся на Русь»[19].

Между тем погоня за новыми деталями, дополняющими скупую верифицируемую информацию источников, порой заставляет исследователя не только прибегать к текстам, происхождение которых спорно или неизвестно, но и без достаточных оснований приводить яркие подробности, которые «вписываются» в его концепцию происходившего когда-то. При этом он, как правило, ссылается на то, что такое «могло быть» — т.е. не противоречит «здравому смыслу» и логике историка. Однако, как писал Я.С. Лурье, «возможность не есть еще реальная действительность»[20]. Кроме того, сама подобная возможность должна соответствовать «здравому смыслу» и логике человека прошлого, а они нам, как правило, не известны, либо известны лишь предположительно.

---

[18] *Клюг Э.* Княжество Тверское: (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 100.

[19] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2016. С. 39–40.

[20] *Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // Труды Отдела древнерусской литературы [далее – ТОДРЛ]. Л., 1981. Т. 36. С. 13.

* * *

На фоне только что приведенных сухих и лаконичных строго научных реконструкций своеобразным прорывом может показаться воссоздание Н. С. Борисовым неизвестных ранее подробностей пребывания тверского и московского князей в Орде. Их источником послужили «некоторые уникальные известия», которые автор обнаружил в исторических сочинениях XVIII в. Особое внимание он обратил на сообщения «Истории Российской» В. Н. Татищева и «Записок касательно российской истории» императрицы Екатерины II. Основанием для привлечения столь поздних текстов послужило мнение, будто «большинство исследователей признали, что Татищев не выдумывал свои уникальные известия, а черпал их из тех источников, которые находились в его руках, но не сохранились до наших дней»[21]. Между тем, такое признание основывается на допущении, что в распоряжении Татищева имелись некие источники, не дошедшие до нашего времени. По вполне справедливому замечанию Е. М. Добрушкина, «этой цепи допущений продолжает противостоять с той же логической вероятностью тезис о принадлежности указанных дополнений [...] самому историку»[22]. К тому же, возможность использования каких-то неизвестных текстов, из которых в «Историю Российскую» могли быть включены детали, дополняющие и развивающие летописные сообщения, при проверке конкретных случаев опровергается текстологическими доказательствами: «избыточные» сведения оказываются принадлежащими «исключительно перу Татищева, а не исчезнувшим источникам»[23]. Поэтому большинство историков, начиная с Ка-

[21] *Борисов С. Н.* Политика московских князей: Конец XIII – первая половина XIV века. М., 1999. С. 28. «См.: Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1; Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981. С. 337–339» [примечание Н. С. Борисова; этими именами перечень «большинства исследователей», видимо, оказался исчерпан].

[22] *Добрушкин Е. М.* К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // Исторические записки. М., 1976. Т. 97. С. 205.

[23] Там же; ср.: *Пештич С. Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. 327–335; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1. С. 222–262; Л., 1965. Ч. 2. С. 124–163; *Валк С. Н.* Татищевские списки «Русской Правды» // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 622–626; *Валк С. Н.* «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси. С. 349–352; *Сазонова Л. И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. С. 29–46; *Добрушкин Е. М.* О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 280–290, и др.

рамзина, с большим сомнением относится к уникальным «свидетельствам» Татищева[24]. После монографии А. П. Толочко сомнения переросли в уверенность: никаких дополнительных источников по истории XIV в., помимо тех, что известны нам сегодня, у Татищева, судя по всему, не было[25].Тем не менее посмотрим, какую новую информацию о пребывании Михаила Тверского и Юрия Московского в Орде в 1305 г. мог почерпнуть Борисов из рассказа Татищева. Для этого сравним его рассказ с летописным сообщением и житийной повестью о Михаиле Тверском.

[24] «В современной науке преобладает взгляд на "татищевскую" "Иоакимовскую летопись" как на произведение позднейшего времени, относящееся либо к XVII – началу XVIII в., либо даже к творчеству самого Василия Никитича Татищева… Древность "Иоакимовской летописи" – якобы несохранившегося до наших дней источника сведений В. Н. Татищева, содержащего уникальные сведения о ранней истории Новгорода, по меньшей мере, сомнительна [*Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; К., 2005. С. 196–245; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 76–93. – *ссылка А. Г. Боброва*]» (*Бобров А. Г.* А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 243).

[25] *Толочко А. П.* Указ. соч. С. 196–245.

Татищев	Симеоновская летопись	Повесть о Михаиле Тверском
		«Князящу же ему [Михаилу] в вотчинѣ своей въ Тфери, преставися великий князь Андрѣй въ Тфери, благослови его на свой стол, на великое княжение, сего христолюбиваго великого князя Михаила, емуже по старѣйшинству дошелъ бяше степени великого княжения.
«И ропташа два Князя о великом княжении, Князь Михайло Ярославичь Тверский и Князь Юрий Даниловичь Московский,		И поиде въ Орду къ царю, якоже преже бывши его князи имѣаху обычай тамо взимати княжение великое.
и пойдоша во орду ко царю	«Того же лѣта князь Михаило Тѳерскыи въ орду пошелъ…	
в споре и бране велице…		
И пойде Князь Юрий Даниловичь Московский с братиею своею во орду, а Князя Бориса Даниловича брата своего посла на Кострому, и поймаша его бояря Князя Михайла Ярославича Тверскаго, и ведоша его во Тверь,	Тогды князь Юрьи съ своею братьею въ орду пошел, а князя Бориса, брата своего, послалъ на Кострому, инѣ его изнимавъ да повели на Тѳерь…	В то же время сыновецъ его князь Юрий поиде въ Орду же.

а стрегоша тогда *на Костроме* Князя Юрья Даниловича Московскаго. *И он иным путем шел к Хану во орду…*

Того же лѣта князя Юрья Московскаго въ Суждалѣ переимали да не изнимали.

Бывшу ему в Володимере, блаженный и приснопамятный митрополит Максимъ всея Руси со многою молбою браняше ему итти въ Орду, глаголя: “Азъ имаюся тебѣ съ княгинею, с материю князя Михаила, чего восхочешъ изъ отчины вашея, то ти дасть”. Он же обещася, рекъ: “Хотя, отче, поиду, но не ищу княжения великого”…

Егда Князь Михайло Ярославичь Тверский и Князь Юрий Даниловичь Московский спершися о великом Княжении, пойдоша к Хану во орду, и бысть им о том брань велика…

Князем же бывшим во орде и яко кийждо хотяше великое княжение улучити, дающе дары многи Хану и Ханшам и Князем Ординским; тий елико емлюще толико более другаго желаху.

Обычай бѣ поганых, и до сего дни — вмещущи вражду между братьею, князи русскими, себѣ многия дары взимаютъ.
[ср.: «безаконнии Измаилтяне несытии сущи мьздоимьства, его же жалааше, и вземше много серебра, и даша великое княжение великому князю Юрью Даниловичю»[26]]

[26] Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 378.

Юрий же слыша яко Михаил хощет Хану дань большую обещати, шед к нему рече: отче и брате, аз слышу яко хощеши большую дань поступити и землю Рускую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Руская нас ради, и шедше ко Хану объявиша ему о сем. Тогда даде Хан ерлык Михайлу на великое княжение и отпусти я.

Князь же Михайло Ярославичь Тверский прииде из орды от Царя и сяде на великом княжении в Володимере»[27].

И тое же осени князь Михаило Ярославичь Тѳерскыи вышелъ изъ орды на княженіу великое»[28].

И бывшу ему во Ордѣ, не хотяше добра роду крестьяньскому дияволъ вложи в сердце князем татарьским свадиша братию, рекоша князю Юрию: “Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ великое княжение”. Тако превратиша сердце его, нача искати великого княжения… И бывши прѣ велицѣ между има, и бысть тягота велика в Руси за наша беззакония и съгрѣшения…

Но милостию Пречистыя Богородица и всѣх святых прииде благовѣрный великий князь Михайло и посаженъ бысть на столѣ дѣда и отца своего у святѣй Богородици в Володимере блаженым и преподобным Максимом, митрополитомъ всея Руси»[29].

---

[27] [*Татищев В. Н.*] История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами собранная и описанная покойным тайным Советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. СПб., 1784. Кн. 4. С. 84–86.

[28] Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86.

[29] Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 72.

Как видим, единственное принципиальное различие в рассказе Татищева в сравнении со сведениями исторических источников заключается в том, что Юрий, как только узнал, что для получения ярлыка следует пообещать бóльшую дань, сразу отказался от претензий на великое княжение. Мало того, ему якобы стало известно, что Михаил сам хотел увеличить размер дани. В житийной же повести, напротив, утверждается, что именно московский князь «нача искати великого княжения». Для этого ему достаточно было пообещать, что он «даси выход болши князя Михаила».

В рассказе Татищева есть явные противоречия. Согласно ему, Юрий Московский изначально, еще до того, как отправиться в Орду, претендовал на великое княжение, из-за чего у него с Михаилом Тверским начались «спор и брань великие». Решение о том, кто из наследников Андрея Александровича получит великокняжеский ярлык, должно было приниматься ордынским ханом. Юрий всеми силами рвался в Орду. Там они с Михаилом Тверским начали одаривать хана и его приближенных, пытаясь их склонить каждый на свою сторону. Но когда дело дошло до самого решения, Юрий посчитал, что увеличение размера дани погубит Русскую землю,— и отказался от своих претензий, а Михаила обвинил в том, что якобы тот задумал платить бóльшую дань.

Остаются без ответа вопросы: обещал ли Михаил увеличить ордынский «выход»? Действительно ли тот был увеличен? Зачем Юрий отправился в Орду, если он мог рассчитывать только на то, что его подарки «Хану и Ханшам и Князем Ординским» будут больше, чем то, чем ордынцев мог одарить Михаил, а дань, которую Москва пообещает выплачивать Орде, будет больше обычной? И почему внезапно вспомнил о том, что увеличение ордынского «выхода» может погубить Русскую землю? Все эти нестыковки можно было бы объяснить тем, что в распоряжении Татищева было несколько источников, по-разному излагавших происходившее в Орде. Однако таких источников нет.

Гораздо логичнее выглядит рассказ Жития. Согласно ему, Юрий Московский сам получает предложение увеличить дань, если желает стать великим князем. Это «превратиша сердце его», и он «нача искати великого княжения». Собственно, только этот «аргумент» и мог стать для Юрия реальным основанием для получения великокняжеского ярлыка. Впрочем, очевидно, что в Орду он изначально отправился именно для этого, хоть якобы и заявил митрополиту: «не ищу княжения великого». Никаких оснований для сомнений в этом у нас нет. Воспользовался ли Юрий

предложением «князей татарьских» и был ли увеличен размер дани в результате спора между ним и Михаилом — неизвестно. Скорее всего, все было примерно так, как рассказывает Житие.

Еще более рискованным представляется использование Борисовым «уникальных» известий «Записок» Екатерины II, «носящих конкретный характер (точные даты, имена князей, подробности событий)»[30]. Большинство из них представляет собой вольное переложение текста все той же «Истории Российской» Татищева[31]. Догадка, что «императрица привлекала различные летописные памятники, среди которых могли быть и такие, которые позднее исчезли из поля зрения историков»[32] (в том числе Никоновская летопись «в каком-то не дошедшем до нас списке, содержавшем уникальные сообщения»[33]), не имеет никаких подтверждений. Мало того, неопровержимо доказано, что в распоряжении Татищева, а следовательно, и Екатерины II, был «не какой-то фантастический вариант», а хорошо известный список Никоновской летописи (БАН 17.2.5)[34]. Так что подобные догадки вряд ли могут служить основанием для признания исторических сочинений императрицы историческим источником при изучении событий XIV в.

Тем не менее, восстанавливая детали пребывания Михаила Тверского и Юрия Московского в Орде, Борисов утверждает, что опирается на описание Татищева и на «оригинальный рассказ на эту тему […] в исторических сочинениях Екатерины II, в котором летописные сведения дополнены известиями Татищева, а также рядом уникальных подробностей»[35].

Чтобы понять, какой именно «ряд уникальных сведений» нашел историк в сочинениях императрицы, проведем текстологический анализ ее источников.

---

[30] При этом сам Н.С. Борисов отмечает: «автор “Записок” обходится с источниками весьма вольно» (*Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 28).

[31] О том, как и в каком объеме Екатерина II использовала «Историю Российскую» В.Н. Татищева, подробнее см.: *Астраханский В.С.* «История Российская» В.Н. Татищева: Опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. М., 1993. С. 36–115.

[32] *Моисеева Г.Н.* Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 263–271 [*ссылка Н.С. Борисова*]

[33] *Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 28.

[34] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. С. 254; ср.: *Толочко А.П.* «История России» Василия Татищева. С. 61.

[35] *Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 93.

Екатерина II	В. Н. Татищев	Повесть о Михаиле Тверском
«… и бысть между князя Михаила Ярославича Тверскаго и князя Юрия Даниловича Московскаго и братий его	«… и ропташа два Князя о великом княжении, Князь Михайло Ярославичь Тверский и Князь Юрий Даниловичь Московский,	
	и пойдоша во орду ко царю	
ссоры, распри и брань велии, и замешание во всех градѣхь, принадлежащих к великому княжению Владимирскому,	в споре и бране велице, и бысть замятня на всей Суздальстей земле, во всех градех.	
и сопротивосташа два князя о великом княжении: князь Михаил Ярославичь Тверский и князь Юрий Даниловичь Московский…		
[Тогда же поиде князь Михаил Ярославичь Тверский во Орду.— *см.: ниже*]		«И поиде [Михаил.— *И. Д.*] въ Орду къ царю, якоже преже бывши его князи имѣаху обычай тамо взимати княжение великое.
	И пойде Князь Юрий Даниловичь Московский с братиею своею во орду..,	В то же время сыновецъ его князь Юрий поиде въ Орду же.
стерегли же они и князя Юрия Даниловича, какъ пойдет к Хану во Орду; но не поимали, понеже иным путемъ шел,	а стрегоша тогда на Костроме Князя Юрья Даниловича Московского. И он иным путем шел к Хану во орду…	
чрез Владимир на Клязьме.		

Бывшу же ему во Владимире, преосвященный Максим Митрополит говорил ему, чтоб не ходить во Орду, глаголаше: “аз имаюсь тебе с княгинею Ксениею, матерью князя Михайловою, чего восхощеши из вотчины своея, то ти будет не возбранно”.— Онъ же, обещаясь, рек: “хотя, отче, иду во Орду, но *не хочу сильно домогаться* великаго княжения”.

Тогда же поиде князь Михаил Ярославичь Тверский во Орду. [*см.: выше*]

Князи:

Михаил Тверской и Юрий Московский,

приехавшие во Орду и домогаючись каждый из них княжение великое Владимирское на Клязьме получить, раздавали дары многи Хану и Ханшам, и князем Ордынским; они же, елико емлюще, толико более один пред другим желали получить.

Князем

же бывшим в орде и яко кийждо хотяше великое княжение улучити, дающе дары многи Хану и Ханшам и Князем Ординским; тий елико емлюще толико более другаго желаху.

Бывшу ему в Володимере, блаженный и приснопамятный митрополит Максимъ всея Руси со многою молбою браняше ему итти въ Орду, глаголя: “Азъ имаюся тебѣ съ княгинею, с материю князя Михаила, чего восхочешъ изъ отчины вашея, то ти дасть”. Он же обещася, рекъ: “Хотя, отче, поиду, но не ищу княжения великого”.

Князь Юрий же Московский, слыша, яко князь Михаил Тверский, хощетХану дань обещати более прежняго, пошел к нему, рече: “отче и брате! Аз слышу, яко хощеши большую дань поступити и землю рускую отягчати; сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не разорится земля руская нас ради”.— И шедше князь Юрий Данилович Московский к Хану, объявил ему, что великое княжение Владимирское уступает князю Михаилу Тверскому; Хан же отпусти князя Михаила Ярославича на великое княжение с почестью и дары»[36].

Юрий же слыша яко Михаил хощет Хану дань большую обещати, шед к нему рече: отче и брате, аз слышу яко хощеши большую дань поступити и землю Рускую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Руская нас ради,

и шедше ко Хану объявиша ему о сем. Тогда даде Хан ерлык Михайлу на великое княжение и отпусти я. Князь же Михайло Ярославичь Тверский прииде из орды от Царя и сяде на великом княжении в Володимере»[37].

[36] [*Екатерина II*]. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб., 1906. Т. 11: Труды исторические. Замечания касательно российской истории. Окончание. С. 55.

[37] [*Татищев В. Н.*] История Российская… Кн. 4. С. 84–86.

И бывшу ему во Ордѣ, не хотяше добра роду крестьяньскому дияволъ вложи в сердце князем татарьским свадиша братию, рекоша князю Юрию: “Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ великое княжение”. Тако превратиша сердце его, нача искати великого княжения. Обычай бѣ поганых, и до сего дни — вмещущи вражду между братьею, князи русскими, себѣ многия дары взимаютъ. И бывши прѣ велицѣ между има, и бысть тягота велика в Руси за наша беззакония и съгрѣшения… Но милостию Пречистыя Богородица и всѣх святых прииде благовѣрный великий князь Михайло и посаженъ бысть на столѣ дѣда и отца своего у святѣй Богородици в Володимере блаженым и преподобным Максимом, митрополитомъ всея Руси»[38].

[38] Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 72

Как видим, Екатерина просто пересказывает Татищева, в некоторых случаях пытаясь согласовать его рассказ с сообщениями Повести о Михаиле Тверском. Единственная «уникальная подробность», которую удается обнаружить в ее «версии» по сравнению с сообщением Татищева, — слова якобы произнесенные Юрием в беседе с митрополитом Максимом. Согласно Повести, он говорит: «Хотя, отче, поиду, но не ищу княжения великого». Императрица же «уточняет»: «хотя, отче, иду во Орду, но не хочу сильно домогаться великаго княжения». Такое изменение исходного текста скорее всего связано не с привлечением некоего неизвестного источника, а с попыткой логически осмыслить противоречия в действиях Юрия. В Повести говорится, что Юрий якобы сначала вообще не собирался в Орде просить ярлык на великое княжение (тогда зачем он туда отправлялся вообще?), но, прибыв к хану, сразу же начал спор с Михаилом, «хотяше великое княжение улучити, дающе дары многи Хану и Ханшам и Князем Ординским». Однако «дары» — это не дань. Недаром в «уникальном» рассказе Татищева сообщается, что Юрий в Орде сразу отказался оспаривать право Михаила на великокняжеский престол, как только речь зашла о том, что для этого надо увеличить размер ордынского «выхода».

Вот, собственно, и все «уникальные свидетельства», которые исследователь мог разыскать в сочинениях Татищева и Екатерины II. Следы их удается найти лишь в утверждении Борисова, будто Юрий Данилович «кажется, [...] и не собирался [...] всерьез» претендовать на великое княжение Владимирское: «В то время гораздо выгоднее было быть вторым, чем первым. Однако он [...] блефовал, надеясь ценой отказа от притязаний на Владимир добиться признания прав Даниловичей на те владения, которые в разное время и на разных условиях признавал за Даниилом князь Андрей Александрович». Очевидно, по мнению Борисова, «блеф» заключался уже в самой поездке московского князя в Орду, но «игра только начиналась». В Орде якобы был устроен «торг», во время которого «Юрий [...] сознательно провоцировал Михаила Тверского на повышение ставки ордынского [...] выхода. А когда ставки взлетели до небывало высокой черты, Юрий вышел из игры, на прощанье язвительно попрекнув Михаила тем, что из-за его упрямства [...] погибнет земля Русская».

«Очевидно, — пишет далее Борисов, — здесь шла своего рода двойная игра: хан делал вид, что готов поддержать Юрия, и тем самым шантажировал Михаила, заставляя его повышать

обязательства; Юрий играл роль, отведенную ему ханом, но при этом не забывал и о собственных интересах»[39].

Создается впечатление, что у автора должен был быть еще по крайней мере один источник, позволивший столь красочно реконструировать интересующее нас событие, поскольку даже «уникальные» сведения Татищева и Екатерины II ничего подобного не содержат. Увы, такой источник неизвестен. Тем не менее, рецензенты цитируемой монографии уверены, что изображенная Борисовым «гибкая, реалистичная, оригинальная и дальновидная политика» московских правителей, «умеющих… играть по карману», опирается на «взвешенный, серьезный, с твердой опорой на источники подход», который позволяет «взглянуть на изучаемую эпоху не только… снаружи, глазами историка, но и… изнутри через призму средневековых религиозных идей и обыденных представлений»[40]. Остается только догадываться, которая из «призм» — «религиозных идей» или «обыденных представлений» Руси начала XIV в.— включала в себя терминологию игры в покер («игра» — в том числе «по карману», «блеф», «торги», «ставки»), первые упоминания о которой в известных источниках относятся лишь к 1829 году…

К тому же непонятно, зачем бы хану понадобилось устраивать «торг», если он мог просто заставить Михаила увеличить размер «выхода»; зачем бы Юрию рисковать, участвуя в такой «игре», если Михаил мог в любой момент сам выйти из нее, оставив соперника с непомерно высокими обязательствами перед ханом. Да и сам создатель столь странного образа событий, происходивших в Орде, лукавит, заявляя: «не имея точных сведений о том, с чем вернулись Юрий и Михаил из Орды в 1305 г., можно, однако, уверенно говорить, что в этой тяжбе Юрий как политик и дипломат оказался сильнее своего тверского соперника, а победа Михаила оказалась… пирровой». Источники вполне определенно говорят о том, что ярлык на великое княжение получил Михаил. Так что мы имеем вполне точные сведения о том, с чем вернулись тверской и московский князья из Орды в 1305 г. Да и сам Борисов тут же пишет о «победе Михаила», правда, характеризуя ее как «пиррову».

Последнее определение вызывает недоумение. Во-первых, мы не знаем, какой ценой достался ярлык Михаилу, а потому не можем определить ее как слишком высокую. Во-вторых, «поражение»

---

[39] *Борисов Н. С.* Указ. соч. С. 91–94.

[40] *Володихин Д. М., Лаушкин А. В.* К выходу в свет книги Н. С. Борисова «Политика московских князей: конец XIII – первая половина XIV в. // Русское Средневековье: 1999 год. Духовный мир. М., 1999. С. 34.

Михаила, в результате которого он лишился великого княжения и в конце концов был убит, вовсе не было прямым результатом событий 1304 г. В 1317 г. Юрий, который за 12 лет так и не дождался результатов своей «гибкой и дальновидной политики», вынужден был купить ярлык на великое княжение и заодно стать гурганом, женившись на сестре нового хана.

Остается лишь согласиться с большинством исследователей, которые просто констатируют: мы не знаем, что именно и как происходило в Орде в 1304 г. Зато результат хорошо известен — ярлык на великое княжение получил тверской князь, а московский уехал ни с чем, лишь потратившись на «многия дары хану, ханшам и князьям ордынским».

Но даже если бы все происходило так, как видится Борисову, образ московского князя приобретает лишь дополнительные негативные черты. Его поездка в Орду и так была, очевидно, вызвана лишь одним желанием: получить заветный великокняжеский ярлык — с нарушением всех принятых на Руси норм престолонаследия. Если же он еще и провоцировал Михаила Тверского на повышение ордынской дани, то именно он, Юрий, а не Михаил оказывался бы инициатором «тяготы великой в Руси». Впрочем, у нас нет никаких оснований полагать, что «выход» был действительно увеличен: источники об этом умалчивают.

Литература:

1. Астраханский В.С. «История Российская» В.Н. Татищева: опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. М.: [б.и.], 1993. 187 с.
2. Борисов С.Н. Политика московских князей: конец XIII — первая половина XIV века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 391 с.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2016. 288 с.
4. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь: Антек, 1994. 431 с.
5. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском: историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 289 с.
6. Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М.: Рос. гос. гуманитар. унт, 1997. 71 с.
7. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961–1965. Ч. 1–2. 276 с., 344 с.
8. Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский Дом, 2009. 341 с.
9. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; К.: НЛО, 2005. 543 с.
10. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Антощенко Александр Васильевич

Об участии Георгия Федотова в революционной пропаганде

С Александром Алексеевичем Кожановым мы познакомились вскоре после того, как он перешел на работу в Петрозаводский университет из Карельского научного центра в 1988 г. «Девяностые годы», которые кому-то с соответствующей репутацией кажутся «лихими», были для нас временем новых открывшихся возможностей для развития широких научных контактов. Помню, однажды он принес довольно редкую даже по тем временам вещь — распечатанный факс с формой заявки на участие в конкурсе на получение молодежной стипендии в одном из американских университетов. Забавно, что факс был отпечатан на толстом альбомном листе для рисования, которым увлекался Александр Алексеевич. Мне повезло, так как мой проект поддержали и распределили меня в совершенно неизвестный у нас тогда Калифорнийский университет в г. Беркли. Перед отъездом я обратился к А.А. Кожанову с просьбой посоветовать, чем заняться факультативно, помимо программы, в далеком университете. Он посоветовал мне обратить внимание на мало тогда кому известное движение евразийцев, что я и сделал. Условия для изучения евразийства в библиотеках «Берклиевки», как я прозвал место моего почти годичного пребывания, оказались очень благоприятными: здесь хранилась последняя библиотека П.Н. Милюкова, одного из крупнейших оппонентов и критиков евразийцев, в которой были собраны многочисленные публикации последних. С этого времени мы при помощи сотрудников Научной библиотеки ПетрГУ начали собирать библиографию, которая была позже опубликована под названием «О Евразии и евразийцах». Одним из разделов ее стали так называемые «попутчики» евразийского движения, среди которых были П.М. Бицилли, А.В. Карташев и Г.П. Федотов. Так постепенно вырисовался абрис моей докторской диссертации, успешно защищенной в 2004 г. Буквально незадолго до ее защиты мне посчастливилось обнаружить в рукописном отделе РГБ неопубликованные письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой — первой любви Георгия Петровича. Дальнейшие архивные разыскания вновь привели

в США, где в Бахметьевском архиве хранится фонд материалов Г.П. Федотова, а в фонде Ю.П. Иваска в Центре русской культуры Амхерстского колледжа — письма и копии некоторых рукописей Георгия Петровича. Публикация ряда этих документов и написание биографии Г.П. Федотова стали одним из ведущих направлений моих исследований, которые в их самом начале определил Александр Алексеевич, за что я был и останусь благодарным ему на всю мою оставшуюся жизнь.

* * *

Известность пришла к Георгию Петровичу Федотову (1886–1951) в эмиграции, где он оказался в 1925 г. из-за несогласия с тоталитарной диктатурой большевиков. Но и вдали от родины до конца своей жизни он сохранил верность социалистическим идеалам, сформировавшимся у него в годы юности, когда он активно участвовал в пропагандистской революционной работе саратовских социал-демократов. Причины вовлеченности в эту борьбу, ее мотивы и восприятие, наконец, условия и причины отказа Г.П. Федотова от участия в активной революционной деятельности являются предметом рассмотрения в данной статье.

Первоначально источниками при изучении этих вопросов послужили документы Саратовского жандармского управления, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области. Они давно уже стали предметом пристального внимания местных краеведов, которые много сделали для введения в научный оборот наиболее значимых из них.[1] Внимательное знакомство со всем корпусом документов позволило выявить новые, ранее не изученные материалы. Однако наиболее существенным недостатком краеведческого подхода к исследованию «саратовского периода» в биографии Г.П. Федотова стало игнорирование других документов, хранящихся в различных архивохранилищах и библиотеках России, среди которых особую важность имеют источники личного происхождения. Обращение к переписке Г.П. Федотова

[1] *Гусакова З.Е.* Из биографии философа, историка и публициста Г.П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89; *Катков С., Лукин С.* Возвращение: к биографии Георгия Федотова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов: Региональное Приволжское изд-во «Детская книга», 1992. С. 35–41; *Гусакова З.Е.* Георгий Петрович Федотов и Саратов // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов: Наука, 2009. С. 171–181; *Она же.* О тех, кто жил, о том, что было: заметки архивиста. Саратов: Наука, 2012. С. 142–158.

с Т. Ю. Дмитриевой, найденной и опубликованной мною[2], позволяет по-новому взглянуть на его вовлеченность в революционную деятельность саратовских социал-демократов, раскрыть ее экзистенциональные основания.

Характером используемых документов определяются исследовательские методы изучения юношеского периода биографии Г. П. Федотова. Основу их составляет герменевтический подход, опирающийся на концепцию «понимания», как методологическую парадигму, предполагающую выявление за внешними событиями биографии внутренних мотивов поведения изучаемой личности. Последнее требует также рассмотрения индивидуально-психологических аспектов формирования личности Г. П. Федотова, ставшего впоследствии известным историком, религиозным мыслителем и публицистом. Сочетание пристального внимания к рациональным и эмоциональным основаниям его революционной деятельности позволяет дать наиболее адекватный ответ на возникающие в ходе исследования вопросы. В результате важнейшими моментами его биографии становятся проявления переориентации его индивидуальной идентичности, оформляющейся в ходе взаимодействия его личных устремлений с влияниями окружающей социальной среды, в которой особое место занимали наиболее близкие ему люди. В целом такой подход определяется рамками формирующейся «персональной истории»[3].

Интерес к социал-демократической идеологии проявился у Георгия Федотова довольно рано, еще в годы учебы в Воронежской мужской гимназии. Он стал логическим результатом его знакомства с произведениями революционных демократов. В старших классах гимназии он участвовал в нелегальных собраниях кружков, на которых обсуждались уже марксистские идеи. Как вспоминал его однокашник Н. Н. Блюммер:

«*Никто из начальства не знал, что мы собираемся на такого рода беседы, и у нас не было и мысли, что кто-нибудь из товарищей выдаст, даже невольно, наш секрет. Все было законспирировано. Конечно, у классных наставников и надзирателей составлялась на нас своего рода характеристика, но никто из них не мог и подозревать,*

---

[2] Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // Собр. соч. Г. П. Федотова. Т. 12. М.: Изд-во Sam & Sam, 2008. С. 7–256; Письма-исповедь Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой (1906–1907) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. С. 397–454.

[3] *Репина Л. П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Кругъ, 2005. С. 55–74.

что Жорж — этот худенький и скромный мальчик, первый в классе, — мог принимать горячее участие во всех конспиративных собеседованиях и быть вдохновителем ученического журнала и автором многих статей и стихотворений»[4].

Указание Н.Н. Блюммера на физическую немощь друга — «щупленького маленького гимназистика», вполне осознаваемую им самим, с которой приходилось мириться, когда после неудачно выполненного гимнастического упражнения «он сконфуженно занимал свое место в ряду»[5], дает ключ к пониманию особенностей складывания характера юноши. Вполне естественной реакцией на такое положение были застенчивость Жоржа и его стремление к уединению. Однако физическая слабость компенсировалась духовными усилиями. Именно духовная жизнь стала для него сферой самоутверждения. Это проявлялось как в успехах в учебе, укреплявших его авторитет не только у педагогов, но и в глазах товарищей, так и в жарких дебатах об идеях, проповедуемых в нелегальной литературе.

В своем идейном развитии Жорж повторял достаточно типичный для того времени путь значительного числа молодых людей от идеологии радикальных демократов 1860-х годов к социал-демократии. Правда, в этом типическом было и индивидуальное, впрочем, также несущее на себе отпечаток типического: «конспиративные собеседования» воспринимались Жоржем как идейные поединки, в которых необходимо было одержать победу (т.е. самоутвердиться). Позже он охарактеризовал их как один из способов мыслить, более эффективный, как ему тогда казалось, чем уединенное чтение и созерцательное размышление[6].

Увлеченность социал-демократическими идеалами определила выбор юношей того высшего учебного заведения, в котором он решил продолжить образование. По окончании гимназии Георгий Федотов поступил в Петербургский технологический институт,

---

[4] Цит. по: *Федотова Е. Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // *Федотов Г. П.* Лицо России. Сборник статей. (1918–1931). Paris: YMCA-Press, 1967. С. IV.

[5] Там же. С. III. Физическую слабость Жоржа отмечала и Т. Ю. Дмитриева в одной из записей своего дневника: «он был такой болезненный и не от мира сего» (см.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 745. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 55).

[6] Ср.: «Я не могу критиковать и даже мыслить, когда читаю. Это приходит позднее. Необходимо сделать усилие воли, чтобы отрешиться от обаяния чужого духа, от власти слов» (см.: Письма… С. 38); «От споров молодеешь. И я, как и всегда, могу думать только во время спора. Только потом наступает реакция» (Письма… С. 94.).

чтобы, завершив в нем учебу, быть ближе к рабочим и вести среди них пропаганду, раскрывая эксплуататорский характер капитализма и формируя у них стремление к установлению справедливого общественного устройства[7]. Однако установить связи со столичными подпольщиками было не так просто. Характеризуя свою жизнь в столице Российской империи после поступления в институт, он писал о себе позже отстраненно, в третьем лице:

«Как часто в этом туманном, мрачном Петербурге, который наводил на него отчаяние холодом своих стен, у него являлось страстное желание: бежать, бежать сейчас же, искать, догнать жизнь, которая уходила у него, сейчас, не теряя ни минуты. Он вскакивал и бежал по туманным, сырым улицам, не зная куда. Он заглядывал в лица прохожих, хотел угадать в них тех загадочных и прекрасных людей, которые проходили мимо него. И он узнавал их — молодые, гордые лица, сильные и выразительные. Он молился им. Это было, конечно, религиозное поклонение, которое с годами выросло в нем перед "мучениками", "героями". Вся жизнь кругом них была сплошная пошлость и зло. Лишь там, в их тесном кругу, все прекрасное и справедливое. Но они проходили мимо него… И он не знал к ним дороги»[8].

Развитие событий в Российской империи, вовлеченной правительством в авантюру войны с Японией, значительно сократило время его перехода от учебы к непосредственной пропагандистской деятельности. Поражения на полях сражений, бессмысленность войны в глазах тех, кого посылали проливать кровь за «веру, царя и Отечество», вызвали усиление недовольства по всей стране, переросшего в открытые революционные настроения после расстрела мирной демонстрации к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. Пролившаяся невинная кровь, по образному выражению Георгия, «забрызгала его душу»[9].

Вернувшись в Саратов из-за прекращения занятий в институте, он искал выход своему чувству ненависти, по привычке доверяя в часы уединенных размышлений свои мысли бумаге. Написанный им вскоре после возвращения в родной город памфлет, в котором «были восставшие анабаптисты, мюнстерские пророки, которые кровью создавали царство Божие на земле», соединявший, по его словам, «чудовищный фанатизм с жизненной верой в победу», содержал «бесчеловечную угрозу» в адрес властей преде-

[7] *Федотова Е. Н.* Указ. соч. С. V.
[8] Письмо-исповедь… С. 398.
[9] Там же.

ржащих: «Завтра тела их устелют землю и будут добычею псов!»[10]. Направить эти настроения сначала в практическое русло пропагандистской работы, а затем и изменить их позволило знакомство с Татьяной Юлиановной Дмитриевой.

Татьяна, будучи на два года старше Жоржа, успела начать в 1902 г. учебу на Высших (Бестужевских) женских курсах в Петербурге, где она жила у своего дяди по материнской линии. Анатолий Иванович Фаресов в прошлом был участником народнического движения, осужденным по известному «процессу 193-х». И хотя он к тому времени давно уже отошел от революционной деятельности, под его влиянием Татьяна обратилась к нелегальной литературе и включилась в пропагандистскую работу сначала среди «моешниц», а потом среди работниц табачной фабрики «Лаферм»[11]. В результате ей так и не удалось тогда окончить курсы, поскольку в 1904 г. она была арестована и приговорена за антивоенные выступления во время русско-японской войны к ссылке в Сибирь, которую вскоре заменили высылкой в провинциальный Саратов[12].

Не удивительно поэтому, что уже после первого посещения дома Дмитриевых Жорж уходил от них, унося с собой один их номеров газеты «Вперед», в котором его привлекла статья Ленина, ибо «бурные ленинские речи были для него тогда полны поэтической прелести, точно перевод из "неистового Орландо"»[13]. Но вместе с тем юноша уносил и чувство зарождающейся влюбленности в Татьяну. В таком амбивалентном ее влиянии на него развивались их дальнейшие отношения. С одной стороны, именно Татьяна Дмитриева вовлекла его в пропагандистскую деятельность среди рабочих, содействовала его знакомству с саратовскими социал-демократами. С другой,— любовь к ней открыла Жоржу красоту мира, что позволило преодолеть сформированную эстетическим нигилизмом революционных демократов «душевную ненависть», подпитывавшую его первоначальные революционные устремления. Он с благодарностью воспринял ее влияние, не замечая до поры до времени, что оно не только обогащает его духовно, но и разрушает целостность его мировосприятия, вызывает «трещины» в его душе.

Весной 1905 г. Г.П. Федотов участвовал в маевке, организованной саратовскими революционерами в Парусиновской роще

---

[10] Там же.

[11] НИОР РГБ. Ф. 745. К. 1. Ед. хр. 21. Л. 6–6 об.

[12] Там же. Л. 7.

[13] Письма-исповедь… С. 399–400.

на окраине города. Многочисленное столпотворение людей, зажигательные антиправительственные речи, алые знамена и транспаранты с лозунгами «Да здравствует 1 мая, Учредительное собрание, 8-часовой рабочий день! Да здравствует демократическая республика!» — все это произвело на Георгия огромное впечатление. Вспоминая об этих событиях всего лишь через год, он писал о себе: «Красное знамя! Он относился к нему, как к святыне, даже если это была кумачовая тряпка. Оно приводило его в экстаз, как орлы Наполеона его армию»[14].

Летом 1905 г. Г. П. Федотов жил на даче близ станции «Разбойщина», расположенной у леса, куда нередко приезжали ученики Покровской воскресной школы для рабочих, в которой преподавала Татьяна. Здесь же на железнодорожной платформе во время краткосрочной остановки поезда произошла его первая конспиративная встреча с одним из лидеров саратовских социал-демократов Александром Яковлевичем Ветровым, через которого Жорж установил контакты с другими пропагандистами. После того, как мать Татьяны решила увезти дочь подальше от нараставшей революции — в Геленджик, Жорж дважды в неделю ездил в город для занятий в рабочем кружке, созданном при ее участии. Последними новостями он делился с Татьяной, жившей на Перевале с толстовцами, среди которых было немало революционеров[15].

Участие в пропагандистской деятельности среди саратовских рабочих стало логичным продолжением духовной эволюции Г. П. Федотова не только с точки зрения развития его идейного багажа, но и психологии становления личности. Оно было тем более значимо, так как способствовало, по его собственным словам, раскрытию его «товарищеских инстинктов» и вносило смысл в его жизнь в условиях начавшейся революции.

«Мне было бы совсем нечем жить, если бы не дело, которое вы оставили мне, хотя бы и против вашей воли, — писал он Татьяне в Геленджик 19 июня 1905 г. — Я вам за него очень благодарен. Мучительно ждать желанного конца, переходить от надежды к разочарованию, когда стоишь сам в стороне праздным наблюдателем. Другое дело, когда примешь участие в общей работе и знаешь, что и твоя воля и твои усилия приблизят, хоть на ничтожное мгновение, это желанное будущее. Мне дали кружок, с которым я могу рассуждать о капитализме и прибавочной стоимости, о пролетариате и тенденциях

[14] Там же. С. 420. О маевках см.: *Осипов В.* Саратовская организация РСДРП в 1905–1907 гг. Саратов, 1947. С. 62–63.

[15] Письма… С. 7–11.

исторического развития — словом, о чем угодно. По крайней мере избавлюсь от сознания своей бесполезности. А потом дело втягивает своей увлекательной стороной, возможностью влияния на человеческие души (словом, как у христиан: сначала добро "ради спасения души", а потом само для себя!)»[16].

Правда, саратовские жандармы смотрели на это дело иначе. 24 августа ротмистр Федоров получил предписание начальства явиться вместе «с чинами полиции» на Астраханскую улицу в дом Левочкина, чтобы произвести обыск в квартире мещанина Менделя Элева Шушкова. Поскольку «квартира оказалась запертою, а окна закрыты ставнями и, так как таковую добровольно не отпирали, то наряду пришлось войти в нее силою»[17]. Во второй из комнат квартиры полицейские застали сходку 16 пропагандистов, «представителей противоправительственной социал-демократической организации», как значилось в жандармском рапорте. Среди них был и «студент Санкт-Петербургского Технологического института Г. П. Федотов», который вместе с другими по приказу начальника охранного отделения был отправлен «под стражу в губернскую тюрьму»[18]. К счастью, при обысках ни у него лично, ни на его квартире не было обнаружено компрометирующих улик, поэтому полицейские власти вынуждены были отпустить его и ограничиться воспитательным мероприятием — визитом «жандармского офицера, который пришел, как ангел-хранитель, чтобы предостеречь его»[19]. Боясь скомпрометировать себя в глазах товарищей, внук полицмейстера грубо выдворил жандарма, а потом решил, что лучше уехать из Саратова самому. Это было верным решением, поскольку начавший расследование ротмистр отдельного корпуса жандармов Пастрюхин, изучив все найденные при обысках на других квартирах материалы, пришел к заключению, что в городе «под руководством Саратовского комитета РСДРП образовался целый ряд профессиональных рабочих, распадающихся на группы, союзов, деятельность которых направлена на ниспровержение путем вооруженного восстания существующего общественного строя»[20]. Активно участвовавшие в деятельности этих организаций арестованные на квартире М. Э. Шушкова восемь пропагандистов были

---

16 Там же. С. 7.

17 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 143. Л. 5, 6 об.

18 Там же. Л. 5 об.

19 Письма-исповедь… С. 429–430.

20 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 143. Л. 67.

осуждены по ст. 120 Уголовного уложения, предусматривавшей высылку, а еще пять привлекались к дознанию в качестве свидетелей. Г.П. Федотов был в их числе, но повестка с требованием явиться в жандармское управление не застала его дома[21], так как он был уже далеко.

На пути бегства Аткарск, где жили бабушка и дедушка Жоржа по материнской линии, стал лишь временным пристанищем. Дождавшись, как было заранее условлено, Татьяну, Жорж вместе с ней отправился в Петербург. Осень, проведенная в столице, стала временем их дальнейшего духовного сближения. Татьяна поселилась у саратовских знакомых Дмитриевых — в доме, где жила семья сенатора Степана Борисовича Враского. Сюда почти каждый день приходил Жорж, хотя чувствовал он себя при этом, по его собственному признанию, очень неловко. Склонная к «аристократизму» (по оценке Г.П. Федотова), Т.Ю. Дмитриева познакомила его с миром петербургских театров, пыталась ввести в литературные кружки. Правда, посещение ими по просьбе Вари Враской кружка поэта Якова Полонского не вызвало у Жоржа энтузиазма[22]. В свою очередь Татьяна была далеко не в восторге от многотысячной демонстрации 2 октября 1905 года, в день проводов на Николаевский вокзал гроба с телом скончавшегося накануне С.Н. Трубецкого, принять участие в которой предложил Жорж. Позже он признавался ей, что почувствовал ее неприязнь, даже ненависть ко всем окружающим, не исключая и его. Татьяна лишь могла подтвердить его догадку, поскольку всякое проявление революционной экзальтации она воспринимала как угрозу ее мечтательным надеждам на обычное человеческое личное счастье, которое оказывалось несовместимым с революцией, требовавшей полной самоотдачи. Да и сам Г.П. Федотов, видя неистовство толпы, топтавшей упавшего на мостовую мальчика, впервые ощутил чувство страха перед таким общим порывом[23].

Однако это не отвратило его от революционной борьбы. К активному участию в ней Г.П. Федотова толкало развитие событий. Октябрьский манифест Георгий встретил с отвращением, т.к. опасался, что его публикация негативно скажется на развитии революционного движения, снизит накал борьбы, внеся сумятицу в настроения его участников. Однако этого не произошло. Студенческие волнения, в которых он принимал непосредственное

[21] Там же. Л. 20–20 об., 67, 68, 84.
[22] Письма-исповедь… С. 444.
[23] Там же… С. 438–439.

участие, не прекратились. Он даже впервые попробовал выступить на митинге, чего не делал раньше. Однако намного важнее было то, что он стал свидетелем произошедшего 18 октября 1905 г. расстрела мирной демонстрации у Технологического института, на углу Гороховой улицы и Загородного проспекта. Через год Жорж вспоминал об этом событии в письме к Татьяне, упоминая о себе в третьем лице:

«Он как раз был у своего института, занятого войсками, когда там началась битва. Площадь покрыта резиновыми калошами — трофеями победы. Но это не было смешно, о нет; сейчас отсюда унесли Тарле[24] с проломленной головой, и уже снова подъезжает эскадрон, размахивая шашками. Так начался этот день… И когда мало по малу сердце не выдержало, поддалось общей волне ликующей радости, и он, счастливый как дитя, маршировал за своими красными знаменами,— тогда — выстрелы, кровь. Он в первый раз видел, как убивают людей. Эта кровь на снегу и на лице была поразительно светлой, он не поверил бы этому. И это было то, что ассоциировалось у него с ужасом…»[25].

Однако атмосфера Петербурга угнетала его не только жестокостью развернувшихся событий, но чуть ли не буквально, порождая ненависть и страх «перед городом, который давил его как могила»[26]. Ему казалось, что своей «грудой холодного камня, промокшего от дождя», столица, в которой его подстерегала «невидимая, могучая вражья сила», парализовала его волю и личность. На фоне такого мрачного восприятия светлыми казались воспоминания о родном Саратове, «где небо было ясное, крыши ниже и люди проще»[27]. К тому же приходившие оттуда вести свидетельствовали о назревании там революционного взрыва. Вооруженное столкновение черносотенцев и членов боевых дружин на углу Большой Казачьей и Александровской улиц 19 октября 1905 г. послужило прологом разгула черносотенных погромов, ответом на которые стали многочисленные митинги и демонстрации, приведшие к провозглашению 10 декабря Саратовским комитетом социал-демократов всеобщей политической стачки, а также

---

[24] Тарле Евгений Викторович (1874–1955) — историк. С 1903 г. приват-доцент Петербургского университета. 18 октября 1905 г. Е.В. Тарле был ранен конными жандармами на митинге у Технологического института в Петербурге.

[25] Письма-исповедь… С. 452.

[26] Там же. С. 451. Позже эти характеристики отразились в статье «Три столицы». Ср.: *Федотов Г. П.* Три столицы // Собр. соч. Г. П. Федотова. Т. 4. М.: Sam & Sam, 2012. С. 5–11.

[27] Письма-исповедь… С. 451.

к открытому призыву к вооруженному восстанию на митинге в фельдшерской школе, состоявшемся на следующий день. Ответные меры губернских и городских властей — обыски и аресты — оказались недостаточными. 16 декабря на многолюдном митинге, собравшем более двух тысяч человек, ораторы вновь призывали к вооруженной борьбе, а казаки открыли огонь из винтовок по собравшимся, убив более тридцати человек. На следующий день Саратовская губерния была объявлена на осадном положении, что повлекло за собой новые аресты среди революционеров и членов совета рабочих депутатов в соответствии с полученным губернатором 26 декабря предписанием департамента полиции Министерства внутренних дел продолжить ликвидацию РСДРП. Однако, несмотря на это, 29 декабря состоялось подпольное собрание представителей боевых дружин, обсудившее вопрос о проведении 9 января 1906 г. вооруженного восстания в Саратове[28].

Трудно сказать, был ли на нем Георгий Федотов, вернувшийся в родной город перед Рождеством, но он, безусловно, не только знал об этом собрании, но и активно включился в идеологическую борьбу местных социал-демократов за массы, отстаивая в дебатах с кадетами на собраниях, устраиваемых в преддверии выборов в Государственную думу, самые радикальные идеи вооруженной борьбы за изменение существующего строя. Агент охранного отделения Пушкарев, докладывал об услышанном на устроенном кадетами 24 января 1906 г. предвыборном собрании, на котором присутствовало более шестисот человек:

«Говорил студент Федотов, речь которого отличалась большой резкостью. Охарактеризовав действия правительства в резкой форме, сказал, что мы, социал-демократы, используем этот случай агитации не за, а против Думы, что бороться с самодержавным правительством надо вне Думы… И до тех пор, пока в России не будет Учредительного собрания, до тех пор народ будет находиться в рабстве, как при существующем самодержавном строе»[29].

Такие решительные заявления в духе постановлений Таммерфорской конференции большевиков, состоявшейся в декабре 1905 г., не могли не вызвать ответной реакции со стороны саратовских жандармов, опасавшихся повторения и в их городе прошедших накануне вооруженных выступлений рабочих в Москве.

---

[28] См.: *Осипов В.* Саратовская организация РСДРП в 1905–1907 гг. Саратов, 1947. С. 107–138.

[29] Цит. по: *Катков С., Лукин С.* Возвращение: к биографии Георгия Федотова. С. 38.

За Г.П. Федотовым была установлена слежка, и присвоенная ему кличка «Сухорукий» замелькала в отчетах филеров о наружном наблюдении за «неблагонадежными элементами», а в рапортах отмечалось, что «начиная с января 1906 г. Федотов начал выступать оратором на всех митингах и собраниях, устраиваемых местной социал-демократической организацией, причем речи его всегда носили ярко выраженный революционный характер»[30].

Почувствовав, что тучи сгущаются над его головой, Георгий решил покинуть Саратов, чтобы укрыться в глуши какого-нибудь маленького городка Саратовской губернии. В перехваченном жандармами 11 марта 1906 г. письме говорилось: «Сегодня уехали три хороших, самых лучших работника»[31], среди которых, как выяснилось в ходе розыскных мероприятий, был и Г.П. Федотов, выехавший «утренним поездом с бесплатными билетами по Рязанско-Уральской железной дороге до ст. Козлов»[32]. Однако эти сведения явно запоздали — Георгий был уже в Вольске, родном городе его матери, где он скрывался под именем Владимира Александровича Михайлова.

Как свидетельствуют письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой из Вольска, здесь вновь на первый план выступили те черты его характера, которые сформировались самообразованием в гимназические годы. Правда, за сообщениями об идеологических дебатах, о пропагандистской работе в двух кружках учащихся, жаждущих разобраться в спорах эсдеков с эсерами по аграрному вопросу, об организации «духовного концерта», сборы от которого пошли в пользу социал-демократов, о сходках рабочих с зажигательными речами и пением запрещенных песен нет-нет да и проглядывало иное настроение, связанное с чтением не только «еретического», народнического по духу, «Русского богатства», напоминающего о романтической поре революционной борьбы, но и Метерлинка, у которого «столько прекрасных и тонких образов — точно из датской сказки»[33]. А за этими образами возникал другой образ — образ любимой девушки, которая мечтала о духовном совершенствовании и видела средство для этого в учебе, и к которой стремился влюбленный Жорж.

Однако возвращение в Саратов вскоре после Пасхи принесло ему разочарование. Оказалось, что его возлюбленная испытывает

---

30 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 194 об.–195, 198 об.

31 Там же. Л. 83 об.

32 Там же.

33 См.: Письма… С. 12–23.

симпатии к его товарищу — Владимиру Александровичу Альтшуллеру, что, впрочем, не изменило их дружеских отношений. Имя Г.П. Федотова вновь появилось в жандармских сводках рядом с именами В.А. Альтшуллера, Д.Н. Борисова, П.А. Лебедева, С.Н. Левиной, А.И. Лобова, А.И. Лукьяненко, Т.П. Меснянкиной, В.Н. Никольского, Г.Ф. Семашко, Д.Н. Чегодаева[34], фиксируя их активную подготовку к «устройству демонстративного празднования в г. Саратове дня 1 мая»[35]. «Названные лица 14, 19 и 23 апреля,— отмечалось в одном из жандармских рапортов,— собирались в редакции социал-демократической газеты "Волна" и выработали план агитации среди рабочих к устройству 1 мая общей политической забастовки, ряда митингов за городом и демонстрации»[36]. И хотя полиции удалось предотвратить повторение прошлогодних массовых первомайских манифестаций в Парусиновской роще, куда в полдень стали приходить рабочие с саратовских заводов, вскоре разогнанные казаками, усилия подпольщиков не пропали даром. Около двухсот лодок под видом водных прогулок собралось у Зеленого острова посредине Волги, и демонстрация состоялась в такой необычной обстановке, а вечером прошел митинг в городском парке «Липки»[37].

Последовавшая за этим полоса митингов — 5, 9, 14, 19, 20 и 21 мая — вызвала ответные меры властей. Сначала Саратовское жандармское губернское управление составило и передало губернатору «Список лиц, пребывание которых в видах охранения государственного и общественного спокойствия в Саратовской губернии является недопустимым», в котором значилось имя Г.П. Федотова[38]. Затем губернатору пришло уведомление из департамента полиции Министерства внутренних дел, в котором опять же упоминался Г.П. Федотов как один из семи наиболее активных участников политических митингов, которые необходимо пресечь[39]. На основе этих документов граф Сергей Сергеевич Татищев, исполнявший, как тогда говорили, «должность Саратовского губернатора», подготовил представление в МВД, в Особом совещании которого 7 июля 1906 г. было принято постановление

---

[34] ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 73 об., 228, 234, 239 об., 253 об., 283, 291.
[35] ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 165.
[36] Там же. Л. 165 об.
[37] *Циттель Е. Ф.* Маевка на лодках // Былые годы. Саратов, 1937. С. 49–50.
[38] ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 194 об.–195, 198 об.; ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 203. Т. 1. Л. 309–310, 318 об.–319.
[39] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7112. Л. 3.

о высылке пяти наиболее опасных «смутьянов» в отдаленные губернии Российской империи[40]. Выбор был достаточно точным и обоснованным, о чем свидетельствовал и тот факт, что трое из высылаемых — В.А. Альтшуллер, П.А. Лебедев и Г.П. Федотов — были избраны примерно за месяц до постановления о высылке, 11 июня, в общегородской комитет социал-демократической организации Саратова[41]. Причем Г.П. Федотов получил самое большое среди всех кандидатов число голосов в поддержку его кандидатуры — 98 при трех «воздержавшихся». Вслед за ним шел «Громов» (псевдоним В.А. Альтшуллера). Помимо этого Г.П. Федотов состоял в боевой дружине[42], участники которой готовились к активным действиям, как это было определено Саратовским городским комитетом социал-демократов[43].

Сразу же по получении постановления Особого совещания саратовские жандармы и полицейские провели аресты в ночь с 8 на 9 июля. Однако Георгия Федотова не оказалось в числе задержанных, так как в предписании об аресте он был назван Григорием. Незадачливым стражам порядка пришлось докладывать полицмейстеру, а тому — губернатору, по сути, выдуманную историю о том, что «Федотов около месяца назад скрылся в г. Ригу, где он, по слухам, арестован»[44]. Чтобы проверить «слухи», С.С. Татищев вынужден был послать запрос лифляндскому губернатору, который, естественно, опроверг их[45].

Г.П. Федотову грозила двухгодичная ссылка в Архангельскую губернию, и он не мог не догадываться о нависшей над ним угрозе после того, как начались аресты среди его товарищей. Однако он ничего не предпринял, чтобы скрыться. Думается, что такое бездействие было вполне сознательным. Оно свидетельствовало о его разочаровании в революционной борьбе и желании отойти от нее. 17 июля 1906 г. он подал прошение ректору Петербургского университета о зачислении его на историко-филологический факультет[46], а после ареста 17 августа не воспротивился подаче матерью ходатайства о замене ему ссылки в Архангельскую губернию высылкой в Германию, где он смог бы учиться в одном

---

40 Там же. Л. 12–12 об., 23–23 об.
41 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 271 об.; ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1907). Д. 94. Л. 42.
42 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1905). Д. 42. Л. 53 об.–54.
43 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 212–212 об.
44 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7112. Л. 52–52 об., 58 об.
45 Там же. Л. 55 об.–56.
46 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244. Л. 2.

из немецких университетов. Надежду на успешность прошения рождало положительное решение в отношении аналогичного ходатайства В.А. Альтшуллера[47]. Позже по этому пути пойдет еще ряд их товарищей, и большинство из них, прежде всего дворяне, получат такое разрешение МВД[48].

Ответ на вопрос о причинах решения Г.П. Федотова оставить революционную борьбу, подать прошение о переводе на историко-филологический факультет и согласиться с намерением его матери добиться для него высылки за границу можно найти у него самого. В своих размышлениях о случившемся post eventum, в Германии, которыми он делился в письмах со своим главным корреспондентом — Татьяной, Жорж писал, что причиной стал спад революции. Констатируя, что «наша революция зашла в тупик», он продолжал: «Энтузиазмом можно жить, когда кругом растет волна, когда все заражают друг друга общим настроением. Реакция, отсутствие массового движения привели меня к тому, что я почувствовал у себя отсутствие капиталов»[49]. Но такое объяснение определяет скорее условия принятия решения, ибо причины нужно искать глубже — в душевной сфере. И здесь на помощь вновь приходит самооценка Г.П. Федотова. В одном из писем еще из Саратовской тюрьмы он писал Татьяне: «Случилось то, что во мне закончился медленно назревавший перелом, один из тех, из которых состоит и вся жизнь»[50]. Характеристика предпосылок этого перелома свидетельствует о том, что Жорж осознал исчерпанность возможностей своего духовного развития в революционной борьбе, ограниченность тех ценностей, которыми он руководствовался в своей пропагандистской деятельности. По сути, это был кризис идентичности, который позже он сам метафорически уподобил смерти. Его нужно было преодолеть, открыв пути для духовного возрождения. Но чтобы понять выбор средства для преодоления кризиса и восприятие его последствий, нужно обратиться к его истокам, которые восходят к его неразделенному чувству — любви к Татьяне.

Отправной пункт ее был неразрывно связан с революцией и в характерном для Г.П. Федотова стиле был парадоксально определен им самим как жестокость. В основе жестокости и фанатизма (еще одно самоопределение) лежал эстетический ниги-

[47] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7112. Л. 53, 61–63, 67, 82, 83, 85.
[48] Там же. Л. 144, 145–145 об., 164, 177, 269.
[49] Письма… С. 53.
[50] Там же. С. 30.

лизм революционных демократов, с произведениями которых он познакомился еще в гимназические годы. Под их влиянием у него оформилось нигилистическое отношение к жизни, которая оборачивалась к нему своею безобразной стороной, а потому заслуживала активного отвержения. Ставшие прологом революции события 9 января 1905 г. «забрызгали его душу» кровью, преобразовав неприязнь в ненависть, вызывающую озлобление. Но… «Слишком измучено было его сердце — им же самим, — признавался позже Жорж Татьяне. — Чем больше жестокости оседало внутри его, тем сильнее была потребность в любви. — Реакция. — Нужно было так мало, чтобы смягчить его: ведь он не был озлобленным мужчиной, а просто больным, изнервничавшимся мальчиком»[51]. Влюбленность, переросшая в любовь, определила средство, смягчавшее его душу. «… Любовь дала ему счастье. Прежде всего чувство прекрасного. То ощущение, что на миг приходит, когда в душу смотрит красота: когда замолкнет последний звук песни — или поэмы. Только он жил в этом чувстве постоянно, окутанным, как светящимся облаком. Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой красоты. Он наслаждался ею всегда. Она облагораживала его»[52].

Татьяна ввела Жоржа в свой духовный мир, сотканный из ее восприятия незнакомых ему литературных персонажей (прежде всего из произведений норвежских писателей и русских символистов), мистицизма и фантазий. Красота этого мира не укладывалась в привычные представления Жоржа, он хотел бы оспорить некоторые ее проявления, но не мог этого сделать. Ему оставалось принять ее мир таким, каков он есть, включить его ценности и связанные с ними Татьянины истины в систему своего мировосприятия.

«И так как ты стала дорогой мне, то я научился уважать и даже любить твои убеждения, — писал Жорж своей возлюбленной из Саратовской тюрьмы 7 сентября 1906 г. — Я научился быть терпимым к мыслям, которых прежде не простил бы никому, потому что они были моими врагами… Но отчего же я не пытался разрушить то, что я считал предрассудками? Во-первых, ты защищала их, как мать свое дитя, и ни за что бы не сдалась. И потом они были все-таки прекрасны твои "заблуждения", и я не мог бы предложить тебе истин красивее их»[53].

---

[51] Письма-исповедь… С. 400.

[52] Там же. С. 401–402.

[53] Письма… С. 36.

Уже в этом письме, как позже в исследованиях, он легко преодолевал границы разнородных дисциплин, описывая понятия логики (истина) в понятиях эстетики (ее красота).

Правда, любовь к Татьяне не была взаимной, что чувствовал и остро переживал Жорж. Но страдания в данном случае не озлобили его. «Да, Жорж никогда не знал любви, которая шутит и смеется, не понимал ее,— исповедовался он Татьяне.— Его — была всегда отравлена слезами. И она делала душу такой чистой, а страдание таким высоким...»[54]. Утрату надежды на взаимность Жорж назвал своим «пессимизмом». Однако даже в таком «пессимистическом» варианте любовь вступала в противоречие с революцией. В понятиях Жоржа, революция требовала: «Любовь должна быть раздавлена, принесена в жертву. Нужно проклясть грезы счастья и личную боль заглушить людскою великою мукою»[55].

Столкновение истины революции с истиной любви описывалось им в понятиях эстетики как борьба страстей:

«Революция заполняла все то в его сердце, что не принадлежало Тане. И она была прекрасна, она также. Если бы она была некрасива, разве Жорж стал бы революционером. Но ее красота была особенная, пламенная, иссушающая. Таня казалась ему, как синее небо, полное покоя и кротости. А революция... Ему казалось, что это — женщина-вампир; ее черные волосы, воспаленный взгляд черных очей, немного безумных, и губы, красные и влажные. Она приходила по ночам сосать у него кровь из сердца. Он изнемогал в ее объятьях, но страстно искал их, ждал ее. Это не просто сравнение, это почти правда. У Тани была мощная соперница, с которой она впоследствии, может быть, сама того не зная, вступила в борьбу за обладание его душой. Мне стыдно признаться, — она победила в этой борьбе»[56].

Победа означала отнюдь не отказ от социалистических идеалов, а осознание узости обосновывающей их революционной идеологии и понимание недостаточности знаний, а выходом из тупика была признана учеба.

«У меня была только одна потребность — писал он Татьяне из тюрьмы о своих мотивах участия в революционной борьбе,— избавиться от своего капитала, перейти к деятельности, отдать все — я знал для чего. Ну-с, а теперь я отдал все, и у меня больше ничего нет. Я работал радостно, всем существом, пока был убежден, что даю людям нечто ценное. Теперь этого сознания

[54] Письма-исповедь... С. 435.
[55] Там же. С. 417.
[56] Там же. С. 413.

у меня нет. Правда, вчерашняя истина осталась ею и сегодня. Но она мне кажется такой маленькой и потускневшей, как медный пятак. Вечно одно и то же, одно и то же. Великая истина, которая не выше газетной статьи, перестает быть Богом. Дело, которому я служил, осталось великим и святым. Но я сам, я чувствую, должен стать выше. Ведь я так невежествен, и я так сознаю это, что непритворно удивлялся, когда ты, помнишь, указала мне на мою самоуверенность. Ах, эта привычка, оставшаяся от райских дней всеведения. Ну, довольно. Вот почему я захотел учиться»[57].

Таким образом, активная вовлеченность в революционную борьбу и отказ от нее Г. П. Федотова были экзистенциальным выбором, определяющим смысл его существования. В нем неразрывно переплелось рациональное и эмоциональное отношение к окружающей действительности и к близким ему людям. Подобно тому, как в восприятии мира неразрывно переплетались рациональное и эмоциональное, в его осмыслении и оценках оказывались неразрывно связанными их логические, этические и эстетические основания. Рационально обоснованное в результате влияния на него сначала нигилистической эстетики революционных демократов, а затем социал-демократической идеологии отрицательное отношение к общественному устройству и жизни в целом обернулось в условиях начавшейся революции экстатическим отношением к революционной борьбе, направленной на разрушение несправедливого общества. Такое преобладание эмоционального отношения в видении мира позволяет говорить об особом значении чувства любви к Т. Ю. Дмитриевой в изменении мировоззрения Г. П. Федотова. Восприятие этических и эстетических установок возлюбленной с необходимостью вело его к пересмотру собственных взглядов на жизнь, что предполагало расширение рациональных оснований мировосприятия, выхода за узкие рамки ценностей, обосновываемых социал-демократической идеологией. Вполне естественно, что средством расширения горизонтов видения мира стала учеба, а рациональный характер этой деятельности позволял не рвать с собственным прошлым, отказываясь от социалистических идеалов, а включать их в новую, более широкую перспективу мировосприятия. Тем самым наметившиеся изменения личности Г. П. Федотова можно определить как переориентацию собственной идентичности, вызванную не только спадом революционного движения, но и ее кризисом.

[57] Письма… С. 31.

Литература:

1. Гусакова З.Е. Из биографии философа, историка и публициста Г.П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89.
2. Гусакова З.Е. Георгий Федотов и Саратов // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 171–181.
3. Гусакова З.Е. О тех, кто жил, о том, что было: заметки архивиста. Саратов: Наука, 2012. С. 142–158.
4. Катков С., Лукин С. Возвращение: к биографии Георгия Федотова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов: Региональное Приволжское изд-во «Детская книга», 1992. С. 35–41.
5. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня/Ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2005. С. 55–74.

Бутвило Андрей Изыдорович

Историк в предлагаемых обстоятельствах
(казус А.А. Кожанова)

«Времена не выбирают, в них живут и умирают». Эти слова Александра Кушнера, несмотря на некоторую их «затертость», сохраняют свой глубокий смысл. В полной мере это относится к историкам, профессионально с этими временами работающим. Хотя они-то как раз в каком-то смысле времена выбирают, устанавливая для своих штудий пресловутые «хронологические рамки». Но и сами историки при этом объективно остаются в «рамках», устанавливаемых для них временем, конкретным этапом развития исторической науки. Назовем это «историографической ситуацией», имея в виду не столько внутренние, сколько внешние условия функционирования исторической науки.

Специфика процесса исторического познания заключается в том, что история, будучи «общественной наукой», всегда остается объектом пристального внимания власти. Последняя воспринимает ее как инструмент в достижении своих политических целей, и потому собственно научные задачи, условно говоря, «поиск исторической истины», остаются для нее второстепенными. Главное, что требуется от истории, т.е. от историка — интерпретировать историческое прошлое необходимым власти в данный конкретный момент власти образом. Не «как было», а «как должно было быть» ставится в основу того, что принято сегодня называть «политикой памяти». Можно даже сказать, что это нормально, в том смысле, что так всегда было и так всегда будет. Это «объективная реальность, данная нам в ощущениях». Об этом в последнее время написано достаточно много, поэтому нет необходимости подробно развивать данную тему. Для нас важно лишь расставить некоторые акценты, важные для темы данной статьи.

Во-первых, зададимся вопросом: а что предопределяет смену «историографических ситуаций»? Если мы, повторюсь, говорим о внешних условиях существования исторической науки, то это, безусловно, политический режим. «Инструментальное», прагматическое отношение власти к истории есть фактор постоянный. Политический же режим предопределяет методы, которые власть

в тот или иной момент использует для управления исторической наукой и историками, их соотношение между собой. Спектр этих методов широк: от опосредованного регулирования грантами, доступностью тех или иных архивных источников, преференций «правильным» с точки зрения власти исследователям до директивного установления «исторической истины» в постановлениях съездов и пленумов правящей партии, актах главы государства, «подзаконных нормативно-правовых актах». В отдельные периоды истории власть не гнушается шельмованием и прямыми репрессиями в отношении «неправильных исследователей», чаще всего объявляемых фальсификаторами или агентами вражеского влияния. С большой долей истины можно констатировать: скажи мне, как власть в данный момент «регулировала» историческую науку, и я скажу, какой политический режим был тогда в стране.

Во-вторых, необходимо отметить, что в любой «историографической ситуации» для исследователя сохраняется некоторая степень свободы выбора, если он вдруг, к несчастью, поймет, что его взгляды на исторический процесс или методы его изучения не вполне совпадают с актуальной «политикой партии», если у него возникают пресловутые «стилистические разногласия» со очередной властью. Тут так же существует довольно широкий спектр «стратегий и тактик»: от пресловутого и нарочитого «восхваления власти доступными ее пониманию методами» и эзопова языка до выбора тематики и хронологических рамок исследования, максимально безобидных с точки зрения власти, а потому не привлекающих ее излишнего внимания. Показательно в этом отношении свидетельство С. О. Шмидта: «Писать “в стол” не намерен был. Но избрал для занятий прежде всего такие исторические проблемы, которые можно было попытаться изучать в тех условиях, докапываться до истины, не ограничиваясь остановкой на полпути, и допускать возможность относительного разномыслия. <…> Овладевал и искусством обращения к сочинениям классиков марксизма для проведения новой, “своей” мысли или даже сталкивания лбами “классиков”, чего опасались и старались не замечать. Цитаты из таких сочинений тогда обороняли, позволяли прикрыть самостоятельность непривычных суждений и внедрить их в сознание читателя. Тем самым изучение литературного наследия классиков марксизма в ту пору становилось школой формирования собственной мысли и приемов ее утверждения»[1].

[1] *Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 8– 9.

Александр Алексеевич Кожанов на кафедре архивоведения и специальных исторических дисциплин

Впрочем, как известно из советского опыта, последний вариант еще ничего не гарантирует.

В-третьих, нельзя не учитывать соотношение масштабов «историографических ситуаций» и жизни людей, посвятивших себя профессиональным занятиям историей. Кому-то выпадает доля всю свою активную научную жизнь провести в условиях господства одной научной и идеологической «парадигмы», что с точки зрения обывательской, в хорошем смысле слова, не так уж и плохо. Кто-то попадает на эпоху смены «парадигм», «историографических ситуаций» и оказывается вынужденным адаптироваться к изменению «окружающей среды». Это некомфортно психологически, но является плодотворным вызовом, если, конечно, речь не идет о переходе к ситуации репрессивного, диктаторского управления наукой.

Особая «историографическая ситуация» сложилась в нашей стране в конце XX — начале XXI вв. Неудачная попытка совершенствования советской модели социализма, известная как «перестройка», завершилась крушением этой модели и распадом СССР. Характерно, что историческая наука и публицистика стали одними из самых мощных факторов, способствовавших

качественному переходу власти от общих благопожеланий («ускорить социально-экономическое развитие», «больше социализма», «экономика должна быть экономной» и т. п.) к попыткам осуществления глубоких экономических, а затем и политических реформ. В этом, к слову, проявилась одна из главных причин неудачи «перестройки». М. С. Горбачев и его единомышленники в партийно-государственном руководстве страны не имели сколько-нибудь внятного плана реформ, а «плыли по течению», более или менее успешно реагируя на вызовы, возникавшие по мере углубления системного кризиса советского общества.

Новое поколение советского партийно-государственного руководства, пришедшее к власти в 1985 г., сформировалось в постсталинский период, по завершении эпохи «высокого тоталитаризма». Идеология перестала быть основой мировоззрения элиты. В предельно догматизированный и выхолощенный «марксизм-ленинизм», весьма далекий и от марксизма, и от ленинизма, уже не верил почти никто. Достаточно вспомнить известные слова Генерального секретаря, сказанные в узком кругу при подготовке доклада к очередному партийному съезду: «Кто поверит, что Леня Брежнев Маркса читал!»[2]. Идеология в позднем советском обществе, в эпоху «застоя» выполняла две функции: ритуальную (в каком-то смысле, самоидентификационную) и дисциплинарную, прежде всего в отношении интеллигенции. Для дисциплинарной функции важнейшее значение имели цензура и успешно взращивавшаяся на протяжении предшествующих десятилетий самоцензура.

Для поколения М. С. Горбачева эти функции уже были избыточными. Ритуалы становились все более формальными и бессмысленными. А интеллигенции хотелось нравиться. Для этого ей нужно было дать ощутимые и необременительные для бюджета послабления. Интеллигенция, в свою очередь, наученная горьким опытом, внимательно наблюдала за властью, пытаясь понять пределы возможного. А пределы эти быстро расширялись.

И к началу 1987 г. четко определилось главное направление прорыва этих пределов, принявшее форму ликвидации «белых пятен истории». Из-за сохранявшихся серьезных ограничений в доступе к архивным материалам, определенного консерватизма профессиональных историков (и в силу специфики общественных настроений и ожиданий «постзастойной» эпохи)

[2] *Млечин Л. М.* Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 123.

основную роль в борьбе с «белыми пятнами» стали играть публицисты. Со всеми особенностями, стилистикой и нюансами, присущими этому жанру.

При этом открывались настолько мрачные страницы недавнего советского прошлого, что они не могли не повлиять на общественное мнение и, прежде всего, не могли не привести к делегитимации правящей партии в глазах общества. Позиция Н. С. Хрущева, согласно которой только партия могла себя критиковать и определять границы этой критики, уже не работала. Нельзя исключать, что обрушившаяся на общество волна информации о репрессиях сталинских времен произвела впечатление и на многих представителей партийно-государственной элиты, не считавших нужным и возможным принимать на себя ответственность за действия «старших товарищей». Нужно также отметить, что постепенное открытие архивов впоследствии показало, что публицисты эпохи борьбы с «белыми пятнами» не столько преувеличивали, сколько недооценивали масштабы репрессий и их планомерность и продуманность.

Власть была скомпрометирована в части своего исторического прошлого. И вина тут не тех, кто стал говорить и писать о совершенных массовых преступлениях против общества, а тех, кто эти преступления совершал. Так или иначе, сформировались совершенно определенные общественные настроения. К этому добавились провал объявленной в 1987 г. «радикальной экономической реформы», совершенно неожиданный для властей, да и для общества в целом, и национально-государственный коллапс.

Тут следует отметить, что и в общественном сознании, и в элите национальный вопрос в СССР считался в основном решенным. С этой стороны проблем не ждали, и взрывная этническая мобилизация стала полной неожиданностью для всех. Общество оказалось не готовым к ней ментально, власть — инструментально. Национально-государственное устройство СССР, которое не столько решало, сколько декларировало, имитировало разрешение национального вопроса на этатистской (скорее, псевдоэтатистской) основе, оказалось хрупким и неэффективным в ситуации мощной волны национализмов всех мастей и разновидностей. Возможно, сбить эту волну могло бы решительное применение властью силы, в том числе вооруженной. Но М. С. Горбачев оказался к этому не готов.

В результате уже в 1990 г. «перестройка», как попытка модернизации советской модели социализма, потерпела полный крах.

От поисков путей совершенствования социализма перешли к обсуждению его альтернатив. Стремительно утрачивалась управляемость государством и обществом. Кризис приобрел системный характер. И неуклюжая попытка его преодоления в августе 1991 г. только ускорила крах.

В этих условиях и уходящей, и нарождающейся эпох властям было уже не до исторической науки. Возникла новая «историографическая ситуация», характеризующаяся полной анархией или свободой. Это уже вопрос аксиологии. Помимо свободы от административного и идеологического регулирования, а также в значительной степени и от финансирования, историческая наука оказалась в абсолютно непривычной ситуации методологической свободы. Десятилетия существования в рамках обязательной методологической модели, выход за рамки которой в иные времена был чреват в полном смысле слова высшей мерой наказания, воспитали поколения историков. И новая реальность стала шоком для всех, пусть и с разным знаком.

Эта «историографическая ситуация» сохранялась около двух десятков лет. Постепенно, по мере укрепления российской государственности, частичного восстановления советских подсознательных архетипов, государство начало обращать внимание на идеологические вопросы. До поры до времени этот процесс сдерживался 13-й статьей Конституции РФ, но со временем фактическое ее толкование изменилось. В результате можно констатировать складывание в начале 20-х гг. XXI в. новой «историографической ситуации». Но ее анализ выходит за рамки данной статьи. Нас интересует предшествующий период.

В условиях почти абсолютной свободы историкам приходилось самостоятельно выбирать свои исследовательские стратегии и приоритеты. Одни продолжали работать в рамках «марксистско-ленинской» парадигмы, либо вполне сознательно разделяя ее основные моменты, либо по инерции. Другие, опять же не всегда сознательно, работали в русле нарративно-позитивистского подхода, справедливо рассудив, что парадигмы меняются, а источники и исторические факты остаются. Третьи воспользовались открывшейся возможностью ознакомления с наработками западных коллег, не сводящейся к привычному «разоблачению буржуазных фальсификаторов истории». Далеко не всегда эта возможность использовалась достаточно глубоко и критически. Обычным делом стали публикации, в которых приверженность к тому или иному методологическому подходу

лишь декларировалась, либо сводилась к терминологическому жонглированию. Возник своеобразный феномен, который можно назвать «методологической модой». Так, еще в годы «перестройки» широкое распространение получила концепция тоталитаризма. Созданная в основе своей русскими эмигрантами, она носила остро политический, во многом публицистический характер и пришлась очень кстати. Затем, когда период критики советского прошлого начал уступать место не совсем привычным для историков размышлениям о будущем, наступил период увлечения теорией модернизации. Далее популярность получил «имперский подход», весьма важный для истории России, но на свою беду быстро политизировавшийся и эволюционировавший в сторону публицистики и такого же не слишком научного явления, как политология. Наконец, наступило время полного методологического плюрализма, расцвело «сто цветов», многие из которых оказались далеко не многолетними. Крайней точкой этого процесса стало увлечение постмодернизмом. И проблема здесь была не в том, что историки начинали предпочитать занятиям историей рефлексию по поводу занятий историей. Само по себе это вполне достойное дело, хоть и миновавшее многих исследователей напрочь. Проблемой постмодернистский подход становится тогда, когда он подменяет собой историю. Такого рода рефлексии, не подкрепленные конкретными исследованиями, относятся скорее к сфере философии, к эпистемологии. И уж кому-кому, а приверженцам данного подхода следовало бы это понимать. Нельзя не отметить и то, что многие из получивших популярность в России методологических концепций на Западе были уже вчерашним днем. Самый яркий пример — теория модернизации, поставленная под сомнение уже в начале 1970-х гг., что, в частности, привело к возникновению «мир-системного» подхода.

Словом, «анархическая историографическая ситуация» стала благоприятной средой для самых разнообразных исследовательских и жизненных стратегий историков. Не принадлежа к числу «постмодернистов», отмечу необходимость предметного их анализа, изучения деятельности конкретных историков, что в совокупности позволит понять всю глубину, необычность и специфику исторических штудий рубежа XX–XXI веков.

В этом отношении представляет большой интерес профессиональная деятельность А. А. Кожанова. В «предлагаемых обстоятельствах» он выбрал для себя, помимо собственно преподавания

в университете, три направления приложения своих усилий, каждое из которых стало весьма плодотворным: археографическую деятельность; исследование национального вопроса; организацию практически с нуля подготовки в Карелии специалистов с высшим образованием в области архивоведения и документоведения.

Археография имеет хорошие традиции в Карелии. Оговоримся сразу, что будем говорить только о публикациях документов новейшей истории края. Особо необходимо выделить изданные в 1957 и 1964 гг. сборники документов по Карелии в период революции и гражданской войны[3]. При всех ограничениях и непростых условиях работы историков того времени, им удалось опубликовать важнейшие источники, дающие представление о многих принципиально важных моментах карельской истории начала XX века. Эти комплексы документов существенно дополняют и обогащают картину, представленную в «Очерках истории Карелии» и монографиях, посвященных данному периоду, авторы которых не всегда могли сказать то, что внимательный читатель мог увидеть в документальных публикациях. Подкупает и высокий археографический уровень этих сборников.

В последующие годы ученые Петрозаводского государственного университета и Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР продолжали работу по публикации исторических источников. Своеобразным итогом советского периода этой работы является сборник документов «Советы Карелии»[4], достойно продолживший научно-публикаторские традиции карельских историков советского времени.

Завершающие годы «перестройки» и постсоветский период стали временем публикации документов, ставших доступными благодаря расширению открытости фондов государственного (национального) и ведомственных архивов. Наиболее показательны в этом отношении сборники документов «Неизвестная Карелия»[5], «Особые папки: Рассекреченные документы партийных органов

---

[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964.

[4] Советы Карелии, 1917 – 1992: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1993.

[5] Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск: СДВ-ОПТИМА, 1999.

Карелии, 1930–1956 гг. »[6], «Из истории раскулачивания в Карелии»[7] и др. Особая важность такого рода публикаций заключается в том, что доступность архивных фондов — величина непостоянная. Опубликованные же документы навсегда остаются в научном обороте. Сложно переоценить значимость публикации протоколов Всекарельского съезда трудящихся карелов 1920 г. и I Всекарельского съезда Советов 1921 г., осуществленной на самом высоком археографическом уровне в 1990 г.

В дальнейшем археографическая деятельность Национального архива РК и ученых продолжилась. Вышли сборники документов, посвященные Карельской Трудовой Коммуне[8], жизни и деятельности Э.А. Гюллинга[9] и т.д. В целом они сохраняют высокий археографический и собственно научный уровень. Впечатляет их полиграфическое исполнение, хотя мелованная бумага хороша для широкой публики, но крайне неудобна в использовании для профессиональных исследователей.

Особое и заметное место в этом ряду занимает серия сборников документов и материалов по новейшей истории национального вопроса в Карелии, подготовленных и изданных в сотрудничестве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в рамках проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве»[10]. А.А. Кожанов, Е.И. Клементьев, З.И. Строгальщикова, В.Н. Бирин профессионально проделали огромную работу по выявлению и публикации комплексов документов, дающих в совокупности объемную и глубокую картину национальных процессов в Карелии в условиях постсоветской трансформации российской государственности. Особенность этих комплексов заключается в том, что большую их часть составляют акты государственных органов и органов местного

---

[6] Особые папки: рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930–1956 гг. Петрозаводск: Григович А. А., 2001.

[7] Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1991.

[8] Карельская Трудовая Коммуна, 1920–1923 гг.: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Версо, 2020.

[9] Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель советской Карелии. Петрозаводск: Periodika, 2020.

[10] Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду: сборник материалов и документов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009; Карельское национальное движение. Ч. 2. Умеренное крыло: сборник материалов и документов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012.

самоуправления, политических и общественных организаций, публикации периодической печати, т. е. источники, еще не успевшие отложиться в архивных фондах, но уже ставшие историей. Борьба мнений, дискуссии, проекты и прожекты, эволюция государственной национальной политики последних десятилетий, боль представителей коренных народов республики в связи с опасностью исчезновения национальной культуры и языков, — все это и многое другое предстает перед читателями и учеными, обращающимися к материалам данных сборников. Остается только сожалеть и удивляться тому, что на этой богатейшей источниковой базе до сих пор не защищено ни одной диссертации.

Отметим особо историографическую ценность предисловий к данным сборникам. При всех жанровых ограничениях, они заложили основу для создания целостной концепции эволюции национального вопроса в Карелии в постсоветский период. Она, эта концепция, не свободна от некоторых противоречий и неизбежной политизации, но глубоко научна и плодотворна. В рамках этих текстов нашли, в частности, органическое соединение и воплощение археографические и собственно научные интересы А. А. Кожанова.

Результатом его практических интересов и усилий можно считать и начало подготовки в Петрозаводском государственном университете специалистов в сфере архивоведения и документоведения. Собрав специалистов в этой области, став основателем профильной кафедры, обеспечив создание самого современного учебно-методического комплекса, наладив теснейшее сотрудничество с ведущим профильным вузом страны — Историко-архивным институтом Российского государственного гуманитарного университета и, прежде всего, с его кафедрой истории государственных учреждений, возглавляемой авторитетнейшим специалистом профессором Т. Г. Архиповой, А. А. Кожанов добился превращения историко-архивоведения и документоведения в одно из наиболее популярных и востребованных направлений подготовки. К сожалению, все эти усилия пропали втуне. Кафедра упразднена. Подготовка специалистов по данным направлениям более не осуществляется. По всей видимости, республике более необходимы специалисты, к примеру, в области политологии и международных отношений. Особенно в современных условиях.

Но заслуг А. А. Кожанова это нисколько не умаляет. История все помнит. Историография обязывает каждого профессионального исследователя с должным вниманием относиться к трудам

предшественников. Да, Г.Р. Державин отчасти был прав в своем печальном заключении: «Река времен в своем теченье уносит все дела людей…». Но именно историки призваны в меру сил замедлять этот процесс. Залог успеха в этом деле — профессионализм, яркий пример которого нам дал А.А. Кожанов.

Источники и литература:

1. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов / под ред. В.И. Машезерского, Н.Ф. Славина. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. 638 с.
2. Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 336 с.
3. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 11–18 февраля 1921 г. Протоколы / сост. Н.В. Шумейко, ред. Д.З. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 1990. 271 с.
4. Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. Документы и материалы / науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1991. 296 с.
5. Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов/сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006. 258 с.
6. Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов / под ред. Я.А. Балагурова, В.И. Машезерского. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. 648 с.
7. Карельская Трудовая Коммуна, 1920–1923 гг. Сборник документов и материалов / отв. сост. Е.В. Усачева, науч. ред. Ю.М. Килин. Петрозаводск: Версо, 2020. 512 с.
8. Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду. Сборник материалов и документов / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 248 с.
9. Карельское национальное движение. Ч. 2. Умеренное крыло. Сборник материалов и документов/сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 250 с.
10. Карелы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов/сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 281 с.
11. Млечин Л.М. Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. 620 с.
12. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. / науч. ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск: Б.и., 1997. 367 с.
13. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. /науч. ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск: СДВ-ОПТИМА, 1999. 307 с.

14. Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии. 1930–1956 гг. / науч. ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск: Григович А.А., 2001. 192 с.
15. Очерки истории Карелии. Т. II / отв. ред. В.И. Машезерский. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1964. 615 с.
16. Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы/науч. ред. Л.И. Вавулинская. Петрозаводск: Карелия, 1993. 549 с.
17. Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
18. Эдвард Александрович Гюллинг — первый руководитель советской Карелии / сост. Ю.М. Килин. Петрозаводск: Periodika, 2020. 699 с.

Вавулинская Людмила Ивановна

Материальное положение и быт колхозной деревни Карелии в 1944–конце 1950-х гг.[1]

Проблемам истории крестьянства послевоенного периода посвящена значительная литература, в которой отражены различные аспекты развития аграрного сектора экономики. В этот период деревня пережила тяжелое время послевоенной разрухи, испытала воздействие ряда долговременных по своим последствиям факторов, связанных с реформированием сельского хозяйства. В Карелии уже к началу 1960-х гг. все сельскохозяйственные колхозы были реорганизованы в совхозы.

В послевоенные годы продолжалось изъятие материальных средств и трудовых ресурсов из деревни для подъема тяжелой промышленности с использованием преимущественно административных и репрессивных методов управления экономикой, что, несомненно, отразилось на материальном положении крестьянства. Отдельные аспекты материального положения колхозов и быта послевоенной деревни рассмотрены в исследовании Е.И. Клементьева и А.А. Кожанова[2], где дана характеристика сельской социальной среды республики, проанализированы особенности демографического состава лесопромышленного и аграрного населения Карелии, его жилищного устройства, роль личного подсобного хозяйства в послевоенные годы.

Война и почти трехлетняя оккупация большей части территории республики нанесли огромный урон сельскому хозяйству. Поголовье крупного рогатого скота и овец, по сравнению с 1940 г., сократилось в 2,3 раза, свиней — в 9 раз. Примерно половина ранее используемой пашни в оккупированных районах оказалась запущенной и не обрабатывалась, почти полностью была выведена из строя мелиоративная сеть[3]. Население испытывало нужду в самом необходимом — продуктах питания, жилье, одежде. Во время медицинского осмотра населения Кузарандского сельсовета Заонежского района из 450 осмотренных 50 были признаны исто-

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЯЛИ КарНЦ РАН.

[2] *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988.

[3] Там же. С. 53.

щенными, а 20 — дистрофиками, в том числе 12 детей. В колхозах Сортавальского района также были выявлены случаи дистрофии, в связи с этим по распоряжению Совнаркома республики организован стационар дистрофических больных[4]. В докладной записке секретаря Заонежского райкома партии Кузьмина в ЦК КП (б) КФССР от 10 августа 1945 г. сообщалось: «Снабжение Заонежского района хлебом во второй половине августа поставлено под угрозу срыва…, имеем среди колхозного населения не только случаи дистрофии, но и случаи смерти на почве истощения»[5].

Несмотря на огромный ущерб, причиненный войной аграрному сектору экономики Карелии, пятилетним планом на 1946–1950 гг. были поставлены задачи не только восстановить довоенные размеры посевных площадей и поголовье скота, но и превысить довоенный объем производства на 70 %[6].

Журналист В. Лукьянов в книге «Трагическое Заонежье» отмечает: «Люди пахали в буквальном смысле от зари до зари. В первое послевоенное лето запасались грибами, клюквой, брусникой. Зерна практически не было ни у кого. Довоенные тайники с хлебом сгнили. Искали в огородах и полях гнилую картошку. Из нее получались неплохие оладьи, мне они очень нравились. Заготавливали мы щавель, полевой хвощ. Наши матери и бабушки из них что-то готовили. Мешали кору деревьев, пекли какие-то хлеба на лопуховых листьях, называли их «овсяники»[7].

В. И. Цветков, проживавший в д. Шелтозеро, считал, что в послевоенное время огород являлся очень большим подспорьем. В хозяйстве держали коз, поросят, кур, на приусадебном участке выращивали картофель, морковь, лук, помидоры, капусту, еще росли кусты, клубника. Собирали, кроме того, дикорастущие: грибы, рыжики и ягоды[8].

Вернувшийся из эвакуации коренной заонежанин В. Максимов вспоминал: «Основным подспорьем к питанию в этот период была рыба… Кроме того, добавкой к питанию было мясо тетеревов и рябчиков, которых при безлюдье и тишине в эти годы на островах

---

[4] НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1174. Л. 39; Д. 1540. Л. 22.

[5] *Гущин Б. А.* Кижи колхозные (1944-1958 гг.) // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 26.

[6] История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) Петрозаводск, 2005. С. 122.

[7] *Лукьянов В.* Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004. С. 112–113.

[8] Интервью с В. И. Цветковым, 1925 г. р. Записал А. А. Савицкий (Центр устной истории ПетрГУ). 2005 г.

развелось довольно много. Ловили мы их в летнее время руками в густой траве. Наряду с изысканием дополнительных источников питания нам с братом приходилось много трудиться на заготовке дров и на разработке земельного участка под огород для весенней посадки картофеля и других овощей. Несмотря на многие сложности послевоенной жизни, и особенно в питании, наша семья почувствовала улучшение с приобретением в конце концов коровы. Молоко стало для нас незаменимым продуктом, хотя часть его должны были сдавать как налог на содержание скота»[9].

В целях облегчения положения колхозников и оказания им помощи в приобретении скота постановлением Совета Министров КФССР от 22 августа 1947 г. предусматривалась закупка 2 тыс. телок у колхозников, рабочих, служащих и крестьян-единоличников для продажи бескоровным колхозникам, в первую очередь семьям погибших воинов, инвалидам Великой Отечественной войны и передовикам производства. Для покупки скота колхозникам предоставлялся кредит сельскохозяйственного банка в сумме до 600 руб. на хозяйство сроком на 3 года. Кроме того, колхозы могли после выполнения государственного плана мясопоставок выдавать на трудодни или продавать из сверхпланового поголовья часть молодняка бескоровным колхозникам[10]. Однако в силу тяжелого положения крестьянских хозяйств даже спустя 5 лет после войны в Ругозерском районе никакого скота не имели 26% колхозников, коров — 63%. В конце 1953 г. в КФССР 20,3% колхозников не имели никакого скота, а в ряде районов эта цифра была еще выше: в Беломорском — 34,2%, в Сегозерском — 31,1%, в Лоухском — 30,1%[11].

Строительство жилья на селе, где за время войны было разрушено более 7 тыс. колхозных домов, велось в основном самими колхозниками с денежной и материальной помощью государства[12]. При этом доля нового строительства была невелика. Жители деревень в основном восстанавливали старые дома. К концу послевоенной пятилетки колхозники восстановили и построили вновь свыше 2 тыс. жилых домов[13]. Но даже спустя 5 лет после войны жители ряда населенных пунктов жили в полуземлянках. Ни в одном

---

[9] *Максимов В.* Послевоенное кижское детство. Война в моей жизни и судьбе родного края. URL: http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/72/1755 (дата обращения 14 апреля 2018 г.).

[10] НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 477. Л. 18–19.

[11] Там же. Д. 2047. Л. 29, 30.

[12] Там же. Оп. 7. Д. 284. Л. 60.

[13] Ленинская правда. 1960. 1 апреля.

из колхозов республики не было постоянной строительной бригады. Застройка сел велась в основном без плана, а благоустройство сельского жилья значительно уступало городскому, во многих домах не было даже электричества.

В 1950-е гг., и особенно во второй половине 1950-х гг., когда началась реорганизация колхозов, размеры строительства жилья колхозами резко сократились. Во второй половине 1950-х гг. в колхозах было построено 17,6 тыс. кв. м общей площади, в то время как в 1946–1950 гг.— 113,9, в 1951–1955 гг.— 64,8 тыс. кв. м[14].

Большие трудности жители колхозных сел испытывали в снабжении продовольственными и промышленными товарами. В справке инструктора отдела торговли ЦК КП (б) в ЦК Компартии республики от 11 июля 1945 г. сообщалось: «В Шелтозерском районе население систематически по 3–5 дней не снабжается ни хлебом, ни мукой… Многие колхозники Колодозерского куста Пудожского района по несколько месяцев не получали соли — возникла спекуляция: 1 кг соли обменивали на другие продукты стоимостью 250–300 руб. килограмм»[15].

Сельская местность была очень слабо охвачена системой государственной торговли, а в немногочисленных торговых точках цены на промышленные товары значительно превышали городские. Снабжение сельского населения продовольственными и промышленными товарами осуществлялось через потребительскую кооперацию. В деревнях и селах республики в 1945 г. вновь открылись 143 магазина и лавки, 46 столовых, 15 пекарен, возобновили работу 33 сельских потребительских общества[16]. Принимались меры по оживлению колхозной торговли. С этой целью были снижены ставки разового сбора и платы на колхозных рынках. Однако во многих сельских населенных пунктах не было магазинов и продовольственных ларьков, и жители вынуждены были ходить пешком за продуктами в ближайшие населенные пункты, нередко на расстояние от 25 до 50 км, и ждать там поступления продуктов из районных центров.

В сельских районах наблюдался большой спрос на обувь, трикотажные изделия и шерстяные товары, на булочные изделия, чай, сахар, конфеты и крупу. Из-за постоянной нехватки товаров

---

[14] *Вавулинская Л. И.* Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск, 2010. С. 164.

[15] НА РК. Ф. П- 8. Оп. 1. Д. 1774. Л. 35–36.

[16] Ленинское знамя. 1945. 26 сентября.

в Олонецком, Куркиекском, Питкярантском райпотребсоюзах 70 % сельпо являлись убыточными[17]. В то же время практика завоза товаров в райпотребсоюзы, магазины и лавки без учета их наличия и потребительского спроса привела к образованию больших сверхнормативных запасов товаров и материалов. В ряде райпотребсоюзов излишне завезенные товары годами лежали на складах. В Кижском сельпо Заонежским РПС испорчено 6,6 т ржаной и 5,2 т пшеничной муки[18].

Неудовлетворительно обстояло дело в сельской местности с пошивом и ремонтом одежды, обуви, бытовых приборов. До начала 1960-х гг. здесь практически не была создана сеть предприятий обслуживания, и жители были вынуждены ехать за десятки и сотни километров в районные центры или Петрозаводск, чтобы сфотографироваться, починить бытовые приборы.

Деревня существенно уступала городу по количеству учреждений здравоохранения и качеству медицинского обслуживания. В 1949 г. в сельской местности республики насчитывалось 62 врачебных амбулатории и 250 фельдшерско-акушерских пунктов — в два раза больше, чем в 1944 г. [19] Однако многие из них не имели необходимого медицинского оборудования, остро ощущался недостаток врачей, среднего медицинского персонала. Большинство врачей на селе являлись врачами общей практики. Даже спустя 10 лет после окончания войны в сельской местности на 10 тыс. человек приходилось всего 4 врача, в то время как в городской местности — 22 врача[20]. В больницах не хватало медикаментов, автотранспорта для доставки больных и выездов медицинских работников для оказания помощи по месту жительства.

Недостаточной была социальная поддержка материнства на селе, и каждая пятая женщина рожала дома без всякой медицинской помощи. Даже спустя 5 лет после окончания войны в 8 сельских райцентрах из 11 не оказывалась акушерско-гинекологическая помощь. Декретные отпуска по беременности и родам колхозницам оплачивались не государством, а из фондов колхозов, которые часто были пустыми. Отпуск колхозниц был намного короче, чем у женщин-работниц и служащих государственных учреждений (соответственно: 2 месяца с сохранением

---

[17] НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3381. Л. 68.

[18] Там же. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 2477. Л. 100–101.

[19] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 31/212. Л. 92.

[20] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 729.

половины средней выработки трудодней у колхозниц и 112 дней у работниц и служащих).

Женщины-колхозницы испытывали большие трудности с устройством детей в детские сады и ясли. Планы по строительству детских учреждений в республике систематически не выполнялись. В начале 1956 г. в сельской местности республики насчитывалось более 54 тыс. детей в возрасте до 6 лет включительно, а охвачено детскими учреждениями было только около 7 тыс. (13 %). Из 32 836 детей в возрасте 7–15 лет в сельской местности не посещали школу 1506 (4,6 %)[21].

В послевоенные годы на колхозников не распространялось государственное пенсионное обеспечение, оплата по временной нетрудоспособности и т. д. Укрепление экономики колхозов в 1950-е гг. и совершенствование форм оплаты труда создали необходимые предпосылки для развития в колхозах различных видов социального обеспечения. Колхозы постепенно начали выплачивать не только пенсии по старости и инвалидности, но и различного рода пособия: по временной нетрудоспособности, беременности и родам и т. п. Лишь с 1 января 1965 г. в систему государственного пенсионного обеспечения были включены члены 13 рыболовецких колхозов Карелии, а с апреля 1965 г. — и бывшие члены колхозов, земли которых были переданы совхозам и другим предприятиям и учреждениям (в республике было учтено около 3 тыс. таких лиц)[22]. Свидетельством сохранявшегося социального неравенства являлся и значительно более низкий, чем у рабочих и служащих, размер колхозной пенсии.

Быт в колхозах был тесно связан с производственной деятельностью. В. С. Лукьянов вспоминал: «Зима приносила некоторое освобождение от колхозных работ. Но дела на своем подворье у людей всегда находились: привезти дров или сена, отремонтировать инвентарь, починить старые и связать новые сети. Женщины устанавливали ткацкие станки и ткали постельники, дорожки, ухаживали за скотиной… Длинными вечерами люди собирались в какой-либо избе на беседу, пока клуб еще не был открыт, в нем позже устраивались танцы под гармошку и вечера художественной самодеятельности. В выходные и праздничные дни появлялась кинопередвижка. Показывали главным образом военные фильмы. И в дополнение к сказанному о самодеятельности. Традиции народной культуры были еще живы. На сцене нашего клуба

[21] НА РК. Ф. Р-1411. Оп. 8. Д. 22/96. Л. 65.

[22] История Карелии с древнейших времен… С. 733–734.

осуществлялась даже постановка "Заонежской свадьбы", в которой участвовала и моя мать…»[23].

Возможности в организации культурного досуга молодежи в городе и деревне существенно различались. Заонежанин В. Максимов отмечал: «Единственными культурными мероприятиями для молодежи кижских деревень в эти годы были танцы и "немое" кино по воскресным дням. Поскольку специального помещения для этих целей не было, то первое время танцы для молодежи устраивались в нашей деревне в доме Б.Ф. Елупова… С открытием несколько позднее клуба и библиотеки в деревне Боярщина в доме Семенова танцы и кино устраивались там… На эти мероприятия собиралась почти вся молодежь кижской округи»[24].

До середины 1950-х гг. в колхозах республики не было библиотек. Во многих отдаленных населенных пунктах не было радио, не осуществлялась доставка газет. В то же время были сделаны важные шаги по культурному обслуживанию села. Во втором полугодии 1953 г. театрально-зрелищные предприятия республики показали для работников сельского хозяйства 241 спектакль и концерт. Многие музыкальные деятели республики оказывали творческую помощь участникам сельской художественной самодеятельности. Карело-финский драматический театр установил шефство над Святозерской избой-читальней и заключил договор с общественностью колхоза, по которому предусматривалась помощь со стороны театра участникам драматической, музыкальной и танцевальной самодеятельности села, помощь в оборудовании сцены в избе-читальне, проведение творческих встреч и бесед артистов с колхозниками, коллективное посещение колхозниками спектаклей театра с доставкой их в город на транспорте театра. Аналогичные соглашения о шефстве театра были установлены с колхозом с. Деревянка. Карело-финская государственная филармония взяла шефство над клубом с. Кяппесельга, а государственный ансамбль «Кантеле» — над клубом с. Ведлозеро[25].

Труд в колхозах носил принудительный характер и оплачивался чисто символически. В 1950 г. в колхозах РСФСР фонд оплаты труда составлял 22,9% от денежного дохода, а в Нечерноземье — только 14,8%[26]. Подавляющая часть производимой в общественных

---

[23] Колхозы Заонежья. Вып. 12. Петрозаводск, Фолиум, 2004. С. 32.

[24] *Максимов В.* Послевоенное кижское детство…

[25] НА РК. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 5/29. Л. 34, 36–37.

[26] *Безнин М. А.* Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3. С. 18.

хозяйствах продукции поставлялась в счет государственных заготовок и в качестве натуральной оплаты за работы МТС, а весомую долю того, что выдавалось за работу в колхозах или производилось на крестьянских подворьях, приходилось сдавать заготовительным организациям как сельхозналог.

В послевоенные годы действовал введенный в 1942 г. на период войны обязательный минимум трудодней, который распространялся даже на нетрудоспособных членов колхоза и подростков. Для женщин он составлял 200 трудодней, для мужчин — 250[27]. К не выполнившим обязательный минимум трудодней применялись жесткие меры, вплоть до привлечения к уголовной ответственности и лишения приусадебного участка. Такой порядок сохранялся вплоть до 1954 г.

Журналист В. Лукьянов вспоминает: «Налоги душили население. В деревне остро ощущалась нехватка лошадей, коров, овец. Но налогами всех облагали. Помню как сейчас, мать давала мне деньги, и я шел в соседнюю деревню покупать яйца, чтобы сдать в счет налога. Облагалась налогом каждая курица, каждая овца, не говоря о коровах, ну а лошадь была отнесена к средствам производства и в личном хозяйстве не разрешалась. Налог платили в денежном выражении. Это была настоящая кабала»[28].

В исполкомы районных советов поступало большое количество жалоб, касающихся освобождения от налогов и поставок, выделения приусадебных участков, ссуд на приобретение скота и сена, инвентаря. Только за первый квартал 1948 г. по 27 райисполкомам было подано 989 жалоб и заявлений о снятии налогов и государственных поставок сельхозпродукции[29].

Из-за ужесточения налоговой политики государства отчисления колхозов КФССР на трудодни из года в год уменьшались. В 1949 г. они составили 24,4% всех расходов, в 1950 г.— 17,8%, в 1951 г.— 13,9%, в 1952 г.— 10,9%[30].

Доходы крестьян от общественного хозяйства вплоть до середины 1950-х гг. были ниже прожиточного минимума[31]. В конце 1940 — начале 1950-х гг. ежегодная выдача на трудодень

---

[27] *Милохин Д. В.* Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.).: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. С. 26.

[28] *Лукьянов В. С.* Трагическое Заонежье… С. 113.

[29] НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 881. Л. 64.

[30] *Вавулинская Л. И.* Указ. соч. С. 66.

[31] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 204.

по колхозам республики составляла в денежном выражении от 35 до 85 коп., хлебом — от 0,5 до 1,2 кг. Другие продукты, как правило, не выдавались, в ограниченном количестве выделялись картофель и овощи[32].

Средний денежный годовой доход от общественного хозяйства, полученный одним трудоспособным колхозником Карелии, составлял в 1948–1949 гг. немногим более 200 руб., в то время как стоимость необходимого набора продуктов питания (исключая картофель) для 3-го ценового пояса СССР, куда входила и КФССР, в декабре 1947 г. составляла 8852 руб. 42 коп. в год, или 737 руб. 70 коп. в месяц[33].

Выручало крестьян приусадебное хозяйство, которое являлось основным источником средств существования крестьянской семьи и обеспечивало колхозников основными продуктами питания: картофелем, мясом, молоком, овощами. В начале 1950-х гг. личные хозяйства колхозников в российском Нечерноземье приносили до 70%, а в ряде районов — до 90% всего прихода семьи[34]. В.С. Яшин, трудившийся в середине 1950-х гг. председателем колхоза в д. Горное Шелтозеро, вспоминал: «В основном-то жили за счет своего приусадебного участка да за счет того, что… Там тоже — сено косить, например, было положение, что девяносто процентов колхозу, десять процентов себе. Ну как десять, если семье нужно четыре тонны сена корове, так одной семье нужно накосить тридцать шесть тонн сена — разве мыслимо? Так вот выходишь [из положения]: накоси ты себе, накоси колхозу, а себе натаскай и положи в сторонке, чтобы людям не видно было эти стожки. Приходилось. Конечно, это нарушение, а по сути дела иначе не выжить»[35].

Личные хозяйства крестьян были обложены высокими налогами, составлявшими примерно 1/5 часть всех денежных расходов крестьянского двора. Несмотря на повышение налогообложения на крестьянские хозяйства, в 1950 г. они производили 70% картофеля, 36% овощей, 61% мяса и сала всех видов в убойном весе, 66% молока от общего объема производства сельскохозяйственной

---

[32] История Карелии с древнейших времен…С. 718.

[33] *Милохин Д. В.* Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.).: Автореф. дис…канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. С. 23.

[34] *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 19.

[35] Интервью с В. С. Яшиным, 1929 г. р. Записал А. В. Голубев. (Центр устной истории ПетрГУ). 20.06.2006.

продукции в Карелии[36]. Однако до конца 1953 г. продукция крестьянских приусадебных хозяйств сдавалась государству по чисто символическим ценам: молоко — по 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп., мясо — по цене 14 коп. за килограмм при государственной цене 11 руб. 40 коп.[37] Заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию возмещали лишь 1/10 часть затрат колхозников на производство зерна и 1/20 часть — на производство мяса.

Невзирая на возможности колхозов и их производственные нужды, колхозников в порядке трудовой повинности привлекали для выполнения разнообразных работ в других отраслях хозяйства. Так, планом на 1951 г. предусматривалось выделение 400 колхозников для постоянной работы в промышленности в порядке оргнабора рабочей силы, 6220 человек — для работы в сезонных отраслях, в основном на лесосплаве, 850 человек призывались в школы ФЗО и ремесленные училища и т.д. В целом таким образом от колхозного производства отвлекалось почти 25% колхозников в трудоспособном возрасте.

Особенно тяжело сказывалось на положении колхозов привлечение колхозников на лесозаготовки и сплав в порядке платной трудовой повинности, которая устанавливала твердое задание по заготовке, подвозке и вывозке леса. На эти работы, как правило, направлялись в основном женщины и подростки. В сезон 1948/49 гг. из колхозов республики на лесозаготовки было привлечено 6,2 тыс. рабочих, что составило 23% от числа трудоспособных колхозников, и 1650 колхозных лошадей (25% от всего колхозного поголовья)[38].

Отвлечение колхозников на лесозаготовки наносило существенный урон экономике колхозов. В то же время крестьяне получили легализованную возможность ухода из колхозов в лесную промышленность, где рабочий за месяц зарабатывал более 1 тыс. руб. Только за 1947–1952 гг. на работу в лесную промышленность перешли более 10 тыс. трудоспособных колхозников. В ряде карельских колхозов потери кадров составляли 50–60%, а в целом за 15 послевоенных лет численность сельского населения Карелии сократилась более чем на 60 тыс. человек, или на 24%[39].

---

[36] История Карелии с древнейших времен…С. 718.

[37] *Попов В. П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сборник документов. М., 1993. С.124.

[38] *Вавулинская Л.И.* Указ. соч. С. 64.

[39] История Карелии с древнейших времен… с. 719.

В. С. Яшин вспоминал, что ему нередко приходилось помогать колхозникам в переходе на работу в лесную промышленность: «Сперва временно дашь разрешение, на три–четыре месяца. В леспромхоз много — там отработает больше года, отпускаешь его потихоньку, продлеваешь. Больше года отработал, он уже входит туда в кадры. Постановление позволяет ему уже, тогда снимаешь с учета. Иначе не выжить было, иначе в деревне вообще была бы труба. А так в семье, в основном, женщины и работали в колхозах[40]».

К началу 1950-х гг. бегство из деревни стало массовым явлением. Особенно большие потери в рабочей силе понесли колхозы Сортавальского, Куркиекского, Питкярантского, Пудожского, Олонецкого и Заонежского районов. В Сортавальском районе за 6 месяцев 1951 г. были приняты на работу в районные организации и учреждения без согласия правления колхоза 81 трудоспособный колхозник колхоза им. Кагановича, 14 колхозников колхоза «Правда», из которых 5 человек работали на дистанции пути Кировской железной дороги, 4 человека — на заводе «Вяртсиля», 4 человека — в дорожно-эксплуатационном управлении. В колхозе «На страже» Олонецкого района числилось членов колхоза 104 человека, из них работали в колхозе 74, но большинство — нерегулярно. Числились членами колхоза, но не работали годами 30 человек. Проживали в с. Видлица, но работали на производстве более 125 человек[41].

Решения сентябрьского (1953 г.) Пленума партии несколько облегчили положение колхозного крестьянства. Снизились нормы обязательных поставок сельхозпродукции колхозами и колхозниками, были повышены заготовительные и закупочные цены на продаваемую государству сельскохозяйственную продукцию колхозов, введено ежемесячное авансирование колхозников и форма денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. С колхозов была списана вся задолженность государству по состоянию на 1 января 1953 г. С 1 января 1958 г. отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с приусадебного хозяйства. Однако в правовом положении колхозников не произошло существенных изменений: вплоть до 1965 г. они не имели государственных пенсий и до 1974 г. — паспортов.

Меры по повышению заинтересованности колхозов в результатах труда способствовали улучшению материального положения колхозников, росту потребления и уровня жизни. Выросла оплата

[40] Интервью с В. С. Яшиным.

[41] НА РК. Ф. Р-1831. Оп. 8. Д. 3/123. Л. 70.

трудодня колхозников. Если в 1953 г. по трудодням в колхозах республики было выплачено деньгами 1713 тыс. руб., то в 1957 г.— 8331 тыс. руб., а с учетом выданных по трудодням продуктов (мясо, молоко, овощи, картофель, зерно) денежная оплата трудодня возросла с 4237,7 тыс. руб. до 11360,1 тыс. руб.[42]

Произошли изменения в крестьянских бюджетах: повысились денежные доходы и снизился удельный вес натуральных поступлений. В бюджетах появились новые статьи расходов. Крестьянам постепенно становились доступны многие промышленные и продовольственные товары. Но даже при существенном росте уровня оплаты труда в аграрном производстве, он был значительно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства.

Середина 1950-х гг. была временем настоящего расцвета крестьянского подворья из-за относительно либерального отношения к нему со стороны государственной власти. В 1955 г. в приусадебных хозяйствах крестьян КФССР было сосредоточено 60% коров, 36% свиней. Крестьянские хозяйства успешно конкурировали с колхозно-совхозной системой и по ряду других экономических показателей: урожайности, продуктивности скота. В 1955 г. валовой надой молока в совхозах составил 11,4 тыс. т, в колхозах — 10,1, а в индивидуальных хозяйствах колхозников — 14,8 тыс. т[43]. Такое положение сохранялось и в начале 1960-х гг. И все же, несмотря на огромный труд в личном подсобном хозяйстве, фактическое потребление колхозников оставалось крайне скудным и по некоторым продуктам не достигало даже физиологических норм.

В конце 1950-х гг. вновь усилились административные меры по ограничению личных хозяйств колхозников. Политика ограничения, а с начала 1960-х гг.— фактически свертывания приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, привела к сокращению в них количества скота и снижению их удельного веса в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции.

Пагубно сказались на положении колхозников реорганизации в сельском хозяйстве республики. В начале 1950-х гг. в республике, как и в целом по стране, был взят курс на укрупнение колхозов и ликвидацию мелких хозяйств. Очередная коренная ломка деревенского уклада ставила целью унифицировать деревню и еще

---

[42] НА РК. Ф. Р-2717. Оп. 3. Д. 11/1089. Л. 16.

[43] История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 143.

больше централизовать управление крестьянами[44]. Укрупнение хозяйств продолжалось и в последующие годы, хотя и осуществлялось меньшими темпами.

Мелкие колхозы не имели перспектив развития. Так, в колхозе «Красная звезда» района Калевалы в 1957 г. насчитывалось всего 22 трудоспособных колхозника. Стоимость сельскохозяйственной продукции, сданной и проданной колхозом государству, страховые и прочие платежи составили 37,5 тыс. руб., а затраты государства на обслуживание населения (содержание аппарата, сельских учреждений, завоз товаров и т.д.) — 179,96 тыс. руб.[45] Почти отсутствовало медицинское и культурное обслуживание населения, а дети были лишены возможности получить семилетнее образование. Жилые и производственные постройки пришли в негодность и не подлежали ремонту.

Со второй половины 1950-х гг. начался новый этап реорганизации сельского хозяйства республики. В 1955–1960 гг. на базе 500 мелких, экономически слабых колхозов организованы 25 новых совхозов. К концу 1950-х гг. в Карелии остались 33 колхоза, которые специализировались на рыбодобыче.

Положительное начало этих перемен состояло в том, что вчерашние колхозники наконец-то получили паспорта и освободились от колхозного крепостного права. Они стали совхозными рабочими и вместо символических трудодней стали получать «живые деньги», хотя заработки были невеликими, а совхозы — убыточными. Вместе с тем крестьянин оказался полностью лишенным чувства хозяина земли. Процесс разрушения деревни завершила политика ликвидации «неперспективных» деревень.

Из-за ликвидации мелких колхозов оказались заброшенными десятки тысяч гектаров плодородных земель в наиболее древних очагах аграрного освоения. К тому же эксперименты начала 1950-х гг. привели к ущемлению социальных интересов жителей небольших селений, а в последующем — к запустению деревень. Аграрное население Карелии уже к концу 1950-х гг. составляло минимальную долю среди всего сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР (19,4%)[46].

---

[44] Второй и важнейший этап (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 31.

[45] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 36/218. Л. 160.

[46] *Староверов В. И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. С. 302.

Таким образом, материально-бытовое положение колхозной деревни в послевоенные годы было крайне тяжелым. Налоговый пресс, нищенская оплата труда в колхозах, отвлечение крестьян на лесозаготовки, ограничения личного подсобного хозяйства делали труд на селе менее привлекательным, чем в городе. Отсутствие материальной заинтересованности крестьян в результатах своего труда, социальная незащищенность дополнялись существенным отставанием деревни от города по торговому, бытовому, коммунальному, медицинскому, культурному обслуживанию и вызывали уход части сельского населения в город, запустение деревень.

Источники и литература

1. Безнин М. А. Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16–29.
2. Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х — конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 235 с.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М.: Наука, 1992. 224 с.
4. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27–50.
5. Гущин Б. А. Кижи колхозные (1944–1958 гг.) // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. С. 23–51.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
7. История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 246 с.
8. Клементьев Е. И. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960.: историко-социологические очерки / сост.: Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Л.: Наука, 1988. 212 с. — ISBN 5–02–027236–1.
9. Лукьянов В. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск: [б. и.], 2004. 253 с.
10. Максимов В. Послевоенное кижское детство. Война в моей жизни и судьбе родного края. URL: http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/72/1755.html (дата обращения 14 апреля 2018 г.).
11. Милохин Д. В. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.): автореферат дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. 29 с.
12. Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): сборник документов. М.: Прометей, 1993. 203 с.
13. Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М.: Наука, 978. 326 с.

Строгальщикова Зинаида Ивановна

Яловицына Светлана Эрккиевна

Об участии исследователей Карелии в проекте М.Н. Губогло «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве»[1]

Среди серийных исследований Института этнологии и антропологии РАН особое место занимают издания проекта «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», освещающие ход этнических процессов на рубеже 1980–1990 гг., которые в период трансформации государственно-политической системы существенно меняли свое содержание и значимость. Инициатором издания данной серии являлся д-р ист. наук Михаил Николаевич Губогло (1938–2019). С 1988 по 2005 гг. он являлся заместителем директора Института этнологии и антропологии РАН. В 1988 г. по его инициативе в Институте был создан Центр изучения межнациональных отношений (ЦИМО). Под эгидой ЦИМО было издано более 140 томов, 137 из них оцифрованы и размещены на сайте ИЭА. Это своеобразная хроника этнополитических процессов в стране в конце 1990-х и начале 2000-х гг., вызванных перестройкой в этнической сфере. По мнению М.Н. Губогло, издания проекта должны были стать «информационной базой для исследователей и ориентиром для политиков».

Работа по проекту «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» продолжалась более четверти века. Первый сборник был издан в июне 1989 г. с символическим названием «Что делать? В поисках идей совершенствования национальных отношений в СССР»[2]. Опубликованные в нем предложения от экспертов из разных регионов являлись материалами для работы над концепцией предстоящего в сентябре Пленума ЦК КПСС по национальной политике. В 2004 г. к проекту М.Н. Губогло присоединились сотрудники ИЯЛИ Карельского научного центра РАН: руководителем авторского коллектива был Е.И. Клементьев,

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЯЛИ КарНЦ РАН.

[2] *Губогло М. Н.* Что делать? В поисках идеи совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. 295 с.

исполнителями — А.А. Кожанов, В.Н. Бирин, З.И. Строгальщикова. В период с 2005 по 2018 гг. в Карелии вышли из печати шесть сборников материалов и документов конца 1980-х — начала 2000-х гг. по этнической мобилизации карелов, вепсов и финнов Карелии. Последним стал сборник материалов и документов «Карельское национальное движение. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993)»[3]. Работу над ним вели Е.И. Клементьев и А.А. Кожанов. Из-за сложности событий периода перестройки, значительно изменивших социально-политическую обстановку как в стране, так и в Карелии, подготовка издания откладывалась. В 2017 г. Е.И. Клементьев скончался, и работа оказалась незавершенной. Авторы статьи включили в сборник новые архивные материалы, дополнили по согласованию с А.А. Кожановым предисловие, подготовленное им.

Проект М.Н. Губогло «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» был настоящим детищем «перестройки», попыткой ответить на вызовы, возникшие в сфере национальных отношений и политики. Исследователи — участники проекта своим долгом считали содействие социально-политическим преобразованиям в СССР как многонациональном государстве, где все участники политического процесса — власти, интеллектуалы и гражданское общество в лице этнически ориентированных общественных организаций — вырабатывают механизмы совместного благоприятного сосуществования для всех этнических сообществ, независимо от их численности и государственного правового статуса. Сложно сказать, с каким отношением общественность России будет встречать в следующем, 2025 году, сорокалетний юбилей начала глубоких экономических и политических реформ в СССР, известных как «перестройка». Начало этого процесса ведут с апрельского Пленума ЦК, на котором новый Генеральный секретарь КПСС М.С. Горбачев провозгласил курс на обновление сложившейся системы через ускорение научно-технического прогресса, перестройку управления и планирования, структурную и инвестиционную политику, повсеместное повышение организованности и дисциплины, коренным образом улучшающим стиль деятельности[4]. Вслед за ре-

[3] Карельское национальное движение. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993): сборник материалов и документов / сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, отв. ред. З. И. Строгальщикова, С. Э. Яловицына.

[4] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С.8.

формами в экономике и демократизации политической системы в условиях гласности одним из направлений «перестройки» стала и ранее табуированная тема национальной политики. Оказалось, что обновление потребовалось всей системе взаимоотношений центра и регионов, выстроенной с учетом этнической составляющей административной структуры государства: от союзных республик до национальных округов. Новый взгляд требовался на все уровни межнациональных отношений — от внутриреспубликанских до личностных.

В июне 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел по национальным отношениям, которому поручалась подготовка предложений по совершенствованию национальной политики[5]. Его руководителем стал д-р ист. наук В.А. Михайлов, ранее возглавлявший сектор теории наций и национальных отношений Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На работу в отдел были приглашены представители регионов: Р.Г. Абдулатипов, В.Н. Степанов из Карелии, А.А. Томтосов из Якутии и др. В числе консультантов отдела, наряду, по выражению В.А. Тишкова, «с давними специалистами по "национальному вопросу" из идеологического и образовательного цеха марксизма-ленинизма»,[6] привлекли и сотрудников Института этнографии и антропологии АН СССР. В книге воспоминаний помощника М.С. Горбачева А. Черняева приведена запись его поручения одновременно руководителям двух учреждений, датированная 31 августа 1987 г. Директору Института марксизма-ленинизма Г.Л. Смирнову поручалось «начать подготовку к пленуму по национальному вопросу», в записке директору Института этнографии академику Ю.В. Бромлею указывалось: «Пусть готовит развернутый доклад о положении наций и народностей СССР — о том, что сделано при советской власти и что сделано не так. И чтоб откровенный анализ. Пусть честно все покажет»[7].

---

[5] Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих. М, 1999. С. 81.

[6] Интервью с профессором Валерием Тишковым. Интервью подготовил и провел В. В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии, 2001. http://valerytishkov.ru›engine/documents/document2467.pdf

[7] В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. М. 2006. С. 224. Поручение было сделано после прошедших в конце июля – начале августа 1987 г. в Москве митингов крымских татар, требующих разрешения вернуться в Крым, депортированных с родины в 1994 г. Руководство СССР сформировало комиссию под руководством А. А. Громыко. [https://weekend.rambler.ru/read/40063619-kak-v-1987-godu-krymskie-tatary-dobivalis-vozvrascheniya-v-krym/]/

Ю. В. Бромлей с 1977 г. являлся председателем Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР, который объединял исследователей из разных университетов и научных институтов, занимающихся проблемами национальных отношений[8]. По его инициативе в Институте в 1966 г. был создан сектор конкретных социологических исследований, в рамках которого на стыке этнографии и социологии сформировалось новое научное направление — этносоциология[9]. Сектор возглавлял д-р ист. наук Ю. В. Арутюнян, но к числу его основателей безусловно относят и Л. М. Дробижеву, и М. Н. Губогло. К периоду перестройки Институт являлся единственным из головных обществоведческих учреждений АН СССР, который имел длительный опыт проведения социологических исследований современных этнических процессов. В журнале «Советская этнография» в 1988–1989 гг. велись острые дискуссии по обсуждению современной ситуации в сфере национальной политики, формированию предложений по устранению негативных последствий решений, принятых в сталинский период, способных в условиях гласности вызывать конфликтные ситуации[10]. Среди них особую роль играли этносоциологи Г. В. Старовойтова, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева.

Сектор этносоциологии стал школой и по подготовке специалистов для многих союзных и автономных республик[11]. Карелия была одной из первых республик, которая откликнулась на предложение руководства Института этнографии направить своего представителя в 1967 г. в очную аспирантуру в сектор этносоциологии. Е. И. Клементьев, по образному выражению М. Н. Губогло, стал одним из первых «птенцов гнезда Арутюнянова». Позднее при содействии Е. И. Клементьева в 1968 г. в аспирантуру сектора социологии Института этнографии поступил Александр Алексеевич Кожанов, стажировку в секторе проходил Виктор Николаевич Бирин.

---

[8] *Губогло М. Н.* Блюститель справедливости // Вестник антропологии. 2019. № 1. С.6.

[9] *Комарова Г. А.* Роль Ю. В. Бромлея в судьбе отечественной этносоциологии // Вестник антропологии, 2016. № 2 (34). С. 25–30, 35

[10] Учредительное заседание секции «Социология национально-политических отношений» Советской социологической ассоциации // Советская этнография. 1989. № 1. С. 49.

[11] *Дробижева Л. М.* Памяти Юрика Вартановича Арутюняна // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 13-17.

Обсуждение проекта по изданию сборников по национальным движениям в Карелии. 2004 г. З.И. Строгальщикова, В.Н. Бирин, Е.А. Шорохов (Председатель государственного комитета по национальной политике РК), М.Н. Губогло, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов

В период перестройки научный потенциал сотрудников сектора, их бывших учеников стал востребованным как для переосмысления проводимой в стране национальной политики, так и предложений по ее изменению. Первое обсуждение новых подходов к национальной политике состоялось на XIX Всесоюзной партийной конференции в июле 1988 года[12], по решению которой началась подготовка специального пленума ЦК КПСС по национальной политике, который прошел 19 сентября 1989 г.[13]

В работе над материалами пленума приняли участие сотрудники Института этнографии, ЦИМО. В сборнике «Что делать?» были опубликованы предложения Ю.В. Бромлея, экспертов из разных регионов страны к предстоящему сентябрьскому Пленуму ЦК КПСС по национальной политике. Учитывая сложность нарастающих проблем в сфере национальной политики, М.Н. Губогло

[12] XIX Всесоюзная Конференция Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетень № 9. М., 1988. С.50–60.

[13] Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС). Правда. 1989. 24 сентября.

выступил в сборнике с идеей создания «представительного — на 300 человек — Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов (при Верховном Совете СССР и одновременно при АН СССР)»[14]. М.Н. Губогло отметил важность изучения деятельности новой политической силы в общественно-политической жизни страны, представленной в лице различных национальных движений: от этнокультурных до национально-освободительных, националистических и сепаратистских. Небывалая активность всех этнически ориентированных общественных сил привела к формированию разных форм народного (этнического) представительства — клубов, центров, организаций, выступавших с собственным видением решения вопросов развития родных языков, культуры, оценками тяжелого наследия сталинского периода, который был в истории многих народов страны.

Перед исследователями, как отмечает М.Н. Губогло, встала необходимость оперативного анализа материалов дискуссий и конференций по обновлению национальной политики, итоги которых «при плановой медлительности наших академических и неакадемических издательств устаревали, не успев стать публикацией»[15]. Быстро меняющаяся ситуация требовала установления «связи исследователей между собой, с инстанциями и с практическими ведомствами, и, наконец, главное — с народом»[16], что и привело к решению о создании хроники национальных процессов в СССР. По мнению М.Н. Губогло, она «должна была служить одновременно информационной базой для исследователей, и ориентиром для политиков»[17].

Публикация данного сборника стала началом серии изданий проекта «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве». В работе по сбору материалов принимали участие исследователи из различных регионов, сотрудничавшие с ИЭА в реализации различных проектов, а также бывшие аспиранты института. В каждом томе серии публиковался перечень ранее изданных работ. В 2016 г. М.Н. Губогло, вспоминая о начале работы над сборником, писал, что «сам автор проекта еще ясно не представлял себе, что потребуется 130 томов документов, сборников статей, материалов и комментариев, в которых этносоциологи

[14] Там же.
[15] *Губогло М. Н.* Что делать? С. 12.
[16] Там же.
[17] Там же.

вместе с героями этнической мобилизации будут искать и постараются найти ответы на этот канонический вопрос»[18].

Анализ документов серии о деятельности этнонациональных движений привел к выводу о том, что этническую мобилизацию следует рассматривать *«как идеологию и технологию, посредством которых индивидуальные этнические идентичности аккумулируются в групповые для коллективного реагирования на нововведения с целью успешной адаптации к трансформационным процессам, ориентированным на утверждение ценностей и культурных принципов демократии, гражданского общества»* [19].

Материалы серии о деятельности этнических движений стали базой для создания закона «О национально-культурной автономии», основным разработчиком которого был М.Н. Губогло. Закон был принят в 1996 г. [20] Организационно-правовой формой национально-культурной автономии (НКА) является общественная организация. НКА могут создаваться для всех этнических обществ, находящихся в положении меньшинств в административных образованях разного уровня. Закон направлен на содействие со стороны государства принадлежащим к разным этническим общностям гражданам страны в сохранении и развитии их этнокультурной самобытности путем создания национально ориентированных общественных объединений. Закон предусматривает создание на всех уровнях власти консультативных советов НКА из представителей зарегистрированных общественных объединений, что определяет форму их участия в общественно-политической жизни в регионах. Представители федеральных НКА принимают участие в консультативных органах на уровне федеральной власти, являясь важным фактором формирования гражданского общества.

В Карелии работа по проекту «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» началась после завершения работы над томом «Прибалтийско-финские народы», который готовился совместно с ИЭА РАН в серии «Народы и культуры». Е.И. Клементьев, В.Н. Бирин, З.И. Строгальщикова являлись авторами статей, Е.И. Клементьев выступал также ответственным редактором издания. А.А. Кожанов был одним из рецензентов тома[21]. По сообщению

---

[18] *Губогло М. Н.* Этносоциология: родом из этнографии/этнологии // Этносоциология вчера и сегодня. М., 2016. С. 54.

[19] Там же.

[20] Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2965.

[21] Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. Серия: Народы и культуры.

Е.И. Клементьева, инициатором участия в проекте «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» ученых из Карелии был М.Н. Губогло[22]. Его поддержало руководство ИЯЛИ КНЦ.

В мае 2004 г. участниками проекта был утвержден план подготовки 10 томов по проекту «Этнополитическая ситуация в Республике Карелия». Его исполнителями являлись Центр исследования межнациональных отношений, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт языка, литературы и истории КНЦ. В авторский коллектив были включены М.Н. Губогло (автор проекта), Е.И. Клементьев (руководитель авторского коллектива), В.Н. Бирин, А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова (см. приложение к статье). В годы работы над проектом В.Н. Бирин и А.А. Кожанов уже не работали в ИЯЛИ. В.Н. Бирин был заместителем министра национальной политики Республики Карелия, А.А. Кожанов — заведующим кафедрой архивоведения и социальных исторических наук Петрозаводского государственного университета.

Публикацию материалов и документов предполагалось готовить, сочетая проблемно-тематический и хронологический принципы. Всего было издано шесть сборников. Приоритет был отдан сбору материалов по этнической мобилизации карелов, вепсов и финнов. Четыре тома из шести посвящены карелам и по одному — финнам-ингерманландцам и вепсам.

1. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов/сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск, 2005. В сборнике представлены документы и материалы дискуссий «Быть ли в Карелии карельскому языку?» и «Какие языки в Карелии должны быть государственными?», проекты законов о языках.

2. Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов/сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006. В сборнике представлены материалы по проблемам выбора стратегии и тактики этнокультурного развития ингерманландских финнов Республики Карелия в условиях новейшего времени. Ключевое место в сборнике занимают документы и материалы, посвященные вопросам реабилитации ингерманландского народа.

3. Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов/сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2007. Документы и материалы

[22] Клементьев Е.И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск, 2015. С. 83.

сборника отражают проблемы выбора стратегии и тактики этнокультурного развития вепсов Республики Карелия в условиях новейшего времени. Центральное место в сборнике занимают документы и материалы, посвященные вопросам языкового развития и этнотерриториального обустройства вепсов.

4. Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду/сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск, 2009. Документы и материалы сборника посвящены проблемам, обсуждаемым на съездах представителей карелов, деятельности его исполнительного органа — Совета уполномоченных съезда карелов.

5. Карельское национальное движение. Часть 2. Умеренное крыло/сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск, 2012. Документы и материалы сборника характеризуют деятельность общественных организаций умеренного крыла карельского движения, IV съезда представителей карелов, Совета уполномоченных съезда карелов.

6. Карельское национальное движение. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993). Сборник материалов и документов/сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, отв. ред. З.И. Строгальщикова, С.Э. Яловицына. Петрозаводск, 2018. Документы и материалы сборника отражают в основном деятельность карельских общественных организаций радикального крыла «Карельского движения» и «Карельского конгресса», возникших в Карелии в начале 1990-х годов на фоне развития процессов суверенизации республик. Особое внимание в сборнике уделено документам и материалам двух крупных форумов общественности — Национальному конгрессу карелов, вепсов и финнов (ноябрь 1992 года) и Чрезвычайному национальному конгрессу карелов, вепсов и финнов (ноябрь 1993 года). Сборник завершает серию публикаций «Карельское национальное движение» (Часть 1: «От съезда к съезду» (2009), Часть 2: «Умеренное крыло» (2012)).

Последний том по карелам вышел через год после смерти Е.И. Клементьева. Работу завершили авторы данной статьи в сотрудничестве с А.А. Кожановым. В 2018 г. сборник под названием «Карельское национальное движение. Часть 3: Радикальное крыло» был издан.

Все сборники проекта, подготовленные в Карелии, М.Н. Губогло назвал «завершающим аккордом серийного издания». К достоинствам работы карельских исследователей он отнес обстоятельные вводные статьи к публикуемым материалам. А.А. Кожанов был

соавтором предисловий для всех изданий (одно из них публикуется в качестве приложения к настоящему сборнику).

Серия материалов проекта «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» представляет важнейший источник по этническим процессам периода трансформации государственно-политической системы страны, и, по справедливому замечанию М. Ю. Мартыновой, является «бесценной для последующих поколений исследователей»[23]. В них отражена живая история СССР в чрезвычайно сложной ситуации, которая будет постоянным предметом изучения как для отечественных, так и зарубежных ученых. Свой вклад в него внесли и карельские исследователи.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ

Пояснение: Размещаемый ниже текст описывает изначальный замысел проекта «Этнополитическая ситуация в Республике Карелия». Он был обсужден в 2004 г., с участием представителей Центра исследования межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, а также сотрудников Института языка, литературы и истории КНЦ РАН.

Проект «Этнополитическая ситуация в Республике Карелия». 2004 г.

Авторский коллектив: М. Н. Губогло (автор проекта), Е. И. Клементьев (руководитель авторского коллектива), В. Н. Бирин, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова.

Предполагается, что документы, материалы, исследования по проекту «Этнополитическая ситуация в Республике Карелия» будут изданы в 10 томах и книгах. Документы и материалы каждого тома будут представлены в двух сочетаниях — проблемно-тематическом и хронологическом. Для развернутой оценки конкретной общественно-политической ситуации, наряду с документами, привлекаются отклики населения, опубликованные в республиканских средствах массовой информации.

В томе «Вепсы: социально-этнические проблемы» центральное место занимают документы и материалы, характеризующие

[23] *Мартынова М. Ю.* Миссия антропологии и этнологии: социальная роль и практическая значимость // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 8.

идеологические представления и практику социально-экономического и национально-территориального становления и развития Вепсской национальной волости, отклики населения по проблемам этнокультурного и языкового обустройства территории традиционного расселения вепсов. В специальном разделе тома освещаются различные аспекты деятельности «Общества вепсской культуры».

В томе «Проблемы суверенизации» представлены важнейшие документы и материалы, посвященные проблемам реформирования системы государственной власти в Республике Карелия, ее государственного статуса, административно-территориального устройства, политического и экономического суверенитета. Значительное внимание уделяется оценке властными структурами республики политической ситуации в стране, формированию и развитию федеративных отношений, взаимоотношениям региона с центром. Политическая, социально-экономическая ситуация в республике, представления о статусе и правах народов, проблема «коренных» и «некоренных» народов» характеризуется на основе многочисленных писем читателей республики.

В томе «Языки в этнической мобилизации» приведены материалы двух дискуссий — «Быть ли в Карелии карельскому языку?» и «Какие языки в Карелии должны быть государственными?». В томе публикуются также проекты законов и других правовых актов о государственных языках, официальные и неофициальные оценки проблемы огосударствления языков.

«Идеологемы национального движения карелов» представлены в томе на основе документов и материалов научно-практических конференций по карелам, решений четырех съездов карелов, объединенного конгресса карелов, вепсов, финнов, уставов, программ, протоколов заседаний «Совета уполномоченных», «Союза карельского народа», «Карельского движения», «Карельского конгресса», «Карельской народной партии», «Молодой Карелии».

Том «Российские финны в Карелии» состоит из документов и материалов, раскрывающих ход, трудности и недостатки процесса реабилитации российских финнов. Особое место в томе занимают газетные публикации, сыгравшие существенную роль в привлечении общественного внимания к малоизвестным страницам истории российских финнов. В том включены документы и материалы, характеризующие деятельность финских национальных объединений Карелии — «Ингерманландского союза финнов Карелии» и «Инкерин виркоаминен».

В том «Национальные общественные организации Карелии» включены документы и материалы действующих в Карелии общественных ассоциаций различных национальностей — русских, белорусов, украинцев, евреев, грузин, азербайджанцев и др. (кроме общественных объединений прибалтийско-финских народов), уставы, анкеты, программные документы, опубликованные и неопубликованные информационные материалы об их деятельности.

В томе «Идеология и практика нациестроительства» сосредоточены документы и материалы, характеризующие становление и деятельность Государственного комитета по национальной политике Республики Карелия, приводятся важнейшие документы законодательной и исполнительной структур власти республики, посвященные проблемам этнокультурного развития карелов, вепсов, финнов республики.

Том «Этническая мобилизация и национальная школа» представлен документальными материалами, характеризующими деятельность различных структур власти по решению культурно-языковых программ прибалтийско-финских народов Карелии. В том включены тексты законов по культуре, образованию, концепция и программы возрождения языка, культуры карелов, вепсов, финнов, концепция и программы развития финно-угорской школы, документы по становлению и развитию национальной прессы и т.д.

В индивидуальном исследовании Е.И. Клементьева «Этнополитическая ситуация в Карелии. История и современность. Языковой аспект» дается развернутая характеристика условий и факторов развития этноязыковых процессов в Карелии в течение всего XX столетия, специальное внимание уделяется анализу роли языкового фактора в этнической мобилизации, проблемам защиты культурно-языковых приоритетов карелов, вепсов, финнов Республики Карелия, современному состоянию и перспективам развития национальной школы, мерам, предпринимаемым по сохранению, развитию и использованию языков.

В индивидуальном исследовании З.И. Строгальщиковой «Вепсы: этнокультурные процессы» предполагалось исследование просветительской деятельности «Общества вепсской культуры», развития издательской деятельности на вепсском языке, включая СМИ, организации преподавания вепсского языка в вузах и школах и детских дошкольных учреждениях и их влияния на сохранение вепсского языка и культурного наследия вепсов.

Раздел 4

Библиография и избранные статьи А. А. Кожанова

Библиография работ А. А. Кожанова

Библиографические источники: Летопись печати Республики Карелия (1975–2022 гг.), электронный каталог Библиотеки Петрозаводского государственного университета, электронный каталог Национальной библиотеки Республики Карелия.

Монографии

Сельская среда и население Карелии, 1945–1960 гг.: историко-социологические очерки.— Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988.— 211, [1] с. Соавт. Е.И. Клементьев.

Сельская среда и население Карелии, 1960–1980 гг.: историко-социологические очерки. – Петрозаводск, 2000.— 199 с. Соавт. Е.И. Клементьев.

Сборники документов

История Золотой Орды: сборник материалов / сост.: В.Г. Вовина, А.А. Кожанов, Т.В. Никулина.— Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2003.— 223 с.

Карелы: модели языковой мобилизации: сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005.— 279, [1] с.

Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации: сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова.— Петрозаводск, 2006.— 257 с.

Вепсы: модели этнической мобилизации: сборник материалов и документов / сост. Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова.— Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007.— 337 с.

Карельское национальное движение: сборник материалов и документов / сост. Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов.— Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

Ч. 1: От съезда к съезду.— 2009.— 247 с.

Ч. 2: Умеренное крыло.— 2012.— 249 с.

Ч. 3: Радикальное крыло (1990–1993) / отв. ред. З.И. Строгальщикова, С.Э. Яловицына.— 2018.— 241, [1] с.

Автореферат диссертации

Кожанов А.А. Методика исследования национального самосознания. Опыт разработки по материалам Карельской АССР: автореф. дис. … канд. ист. наук.— Москва, 1978.— 24 с.

Статьи в журналах

Кожанов А.А. Элементы этнической идентификации и признаки этнической общности в оценках карел и вепсов (по материалам экспериментального исследования) // Этнография Карелии.— Петрозаводск, 1976.— С. 180–204.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Некоторые вопросы культурного развития Советской Карелии в предвоенные годы (по материалам переписи населения) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии (1920–1940 гг.). – Петрозаводск, 1976.— С. 134–158.

Кожанов А.А. Внешность как фактор этнического сопоставления // Советская этнография.— Москва, 1977.— № 3.— С. 14–21.

Šoutjärvellä // Punalippu. 1977.— № 2.— S. 125–126.

Кожанов А.А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979) // Этнокультурные процессы в Карелии.— Петрозаводск, 1986.— С. 5–20.

Кожанов А.А. Ценностно-нормативные представления как отражение особенностей этнических процессов в Карельской АССР // К истории малых народностей Европейского Севера СССР.— Петрозаводск, 1979.— С. 28–34.

Кожанов А.А. Этническая принадлежность в самооценках карелов и вепсов // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира.— Москва, 1976.— С. 31–34.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Средства массовой информации и задачи культурно-воспитательной работы на селе // Выступлениям печати — живой, творческий характер: сборник статей.— Петрозаводск, 1981.— С. 116–126.

Беларусы у Карэліі: фармирование этнічнайгруппы // Весцы Акадэміі Беларусі. Серыя грамадскіх навук.— Мінск, 1992.— № 1.— С. 90–98.— Соавт. Е.І. Кляменцеу, В.Н. Бірын.

Белорусы в Карелии: формирование этнической группы.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Карелия: кто возглавит правительство? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.— 1998.— № 6 (17).— С. 30–35.

Кожанов А.А., Яловицына С.Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы: сборник научных статей.— Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998.— С. 129–174.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Социально-экономическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 29.— 2000. Январь-февраль.— С. 51–54.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Финский язык в Карелии в новейший период // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века.— Петрозаводск, 2009.— Вып. 3.— С. 338–350.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Языковая и этническая идентичности финнов Карелии в контексте политических и социальных трансформаций // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории.— Москва, 2010.— С. 325–340.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Культурно-языковые проблемы в идеологии умеренного крыла карельского движения // Казанский федералист.— Казань, 2012.— № 1/2.— С. 156–172.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. В поисках решения этнокультурных проблем (на примере деятельности организаций прибалтийско-финских народов) // Этнопанорама.— Оренбург, 2012.— № 3/4.— С. 24–29.

Кожанов А.А., Яловицына С.Э., Винокурова И.Ю. Евгений Иванович Клементьев (1938–2017) // Альманах североевропейских и балтийских исследований.— Петрозаводск, 2017.— Вып. 2.

Статьи в газетах

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Пойдут ли избиратели на выборы и за кого они будут голосовать // Карелия.— 1995.— 2 декабря.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Довольны ли результатами выборов избиратели? // Карелия.— 1996.— 18 января.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Кому отдать свой голос? 16 июня — выборы // Северный курьер.— 1996.— 19 апреля.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Мой президент: Политологический центр исследует общественное мнение // Карелия.— 1996.— 23 мая.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Власть и мы: Правительство Карелии в оценках сегежан и олончан // Карелия.— 1999.— 28 января.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Власть и мы: Правительство Карелии в оценках питкярантцев и сортавальцев // Карелия.— 1999.— 18 марта.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Без фальстарта началась борьба за мандат депутата Государственной Думы // Северный курьер.— 1999.— 15 октября.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Петросовет: Мэр и депутаты // Северный курьер.— 1999.— 22 октября.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Кто депутатом Петросовета наверняка уж может стать // Северный курьер.— 1999.— 30 октября.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Цена победы // Северный курьер.— 1999.— 11 ноября.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Пойдут ли сегодня массы бунтовать против власти? // Губерния.— 1999.— 15 ноября.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Глас народа: Социально-экономическая ситуация в Республике Карелия в оценках населения // Карелия. — 2000. — 19 февраля.

Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Мы — о власти. Деятельность Правительства Карелии в оценках жителей республики // Карелия.— 2001.— 15 марта.

Библиографические указатели

О Евразии и евразийцах: библиогр. указ. / сост.: А.В. Антощенко, Р.М. Беляева, Н.Г. Евсеева, Н.В. Егорова, А.А. Кожанов, М.Ф. Тикунова.— Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997.— 98 с.

Учебники. Методические указания. Рабочие тетради

Кожанов А.А., Киселева О.А. Программа курса «История Карелии» (1917–1970 гг.): для специальности 2008 — «История».— Петрозаводск, 1993.— 22 с.

Кожанов А.А. Этнография: метод. рекомендации к выполнению контрольных работ для студентов I курса заоч. отд. ист. фак.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1993.— 14 с. (Методика).

Кожанов А.А., Агаркова Т.И. Край, в котором мы живем: практикум: учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений Республики Карелия.— Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004.— 118 с.: ил., карт.

Кожанов А.А., Виноградова Т.В., Волохова В.В. Дипломная работа: методические указания по написанию, оформлению

и защите дипломных работ по специальности № 020800 «Историко-архивоведение». — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007.— 34 с.

Переиздание: Дипломная работа: методические указания по написанию, оформлению и защите дипломных работ по специальности № 020800 «Историко-архивоведение».— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011.— 40 с.: ил.

Кожанов А.А. История первобытного общества: рабочая тетрадь для студентов 1-го курса исторического факультета.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010.— 40 с.: карты.

Кожанов А.А., Яловицына С.Э. Демографические и миграционные процессы и образование: учебные материалы.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010.— 79 с.

Кожанов А.А. Антропогенез: методические указания по выполнению задания «Рабочей тетради» / Петрозав. гос. ун-т.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011.— 9, [1] с.

Кожанов А.А. «Четыре главные части русской земли» С.М. Соловьева: рабочая тетрадь по исторической географии: для студентов 1-го курса исторического факультета.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012.— 26 с.: карты.

Кожанов А.А., Агаркова Т.И. История Карелии: 10–11 классы: практикум для исследовательской и проектной деятельности: пособие для обучающихся общеобразовательных учреждений Республики Карелия.— Петрозаводск: Фонд творческой инициативы, 2015.— 111, [1] с.: ил.

Научное редактирование, составление

Бирин В.Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992.— 256 с.

Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах: история, теория, педагогическая практика: материалы науч. конф. (4–7 сент. 2000 г.).— Петрозаводск, 2001.— 334 с.

Ante annum: сб. науч. работ / сост. Т.Н. Жуковская, А.А. Кожанов.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2003.— 158 с.; Вып. 2. 2004.— 122 с.; Вып. 3. 2006.— 130, [1] с.

Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в.: сборник научных статей / сост. и науч. ред.: А.А. Кожанов, В.В. Волохова, А.В. Голубев.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008.— 165, [2] с.

Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов: сборник статей.— Петрозаводск, 2013.— 194 с.

Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии.— Петрозаводск, 2015.— 207 с.

Интервью

Мой университет: очарование прошлого и размышления о будущем: сб. интервью: [в 5 ч.]. Ч. 1 / отв. ред. С. Э. Яловицына.— Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015.— 294, [1] с. Имен. указ. студентов, выпускников, преподавателей, сотрудников: с. 287–293. Алф. указ.: с. 294

С. 36–38, 193–194, 245 — интервью с А. А. Кожановым.

Историк — это мировоззрение // Простые истины.— Газета студентов исторического факультета. 2009.— № 6, ноябрь. То же: Россия — страна невыученных уроков // url https://gazeta-licey.ru/public/loss/97209-aleksandr-kozhanov-rossiya-strana-nevyuchennyh-urokov (дата просмотра — 30.07. 2023)

О нем

«О, счастливчик!» // Петрозаводский университет.— 2009.— 18 сентября.

Статья в честь 60-летнего юбилея А. А. Кожанова.

Малышева О. И каждый раз мне хочется опять от этой невозвратности кричать: вспомним тех, кто навсегда остался в 2021-м // ТВР-Панорама.— 2022.— № 1, 5 января.

В т. ч.— об А. А. Кожанове.

Яловицына С. Э. «Самое интересное — это создавать!»: памяти Александра Алексеевича Кожанова (1.09.1949–29.05.2021) // Альманах североевропейских и балтийских исследований.— 2021.— № 6.— С. 494–496.

Антощенко А. В. Памяти А. А. Кожанова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета.— Петрозаводск, 2022.— Т. 44.— № 2.— С. 115.

Филимончик С. Н. А. А. Кожанов как хранитель общественной библиотеки Историко-литературного клуба Петрозаводска // Румянцевские чтения–2023: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18–20 апреля 2023 года. Москва: Пашков дом, 2023. С. 194–198.

Предисловие к сборнику «Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов».

Составители: В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. 281 с.

Выпуском в свет книги «Карелы: модели языковой мобилизации» авторский коллектив в составе В.Н. Бирина, Е.И. Клементьева (руководитель), А.А. Кожанова, З.И. Строгальщиковой начинает издание серии документов, материалов и исследований по проекту «Карелия: модели этнической мобилизации».

«Карельские» тома продолжают публикацию результатов работы этнологов различных регионов страны в рамках проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», руководителем которого является доктор исторических наук, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН М.Н. Губогло (1).

Том «Карелы: модели языковой мобилизации» посвящен языковой ситуации в Республике Карелия. Национально-языковые проблемы карелов, вепсов и финнов существовали — в скрытой или явной форме — в республике всегда, но в последние десятилетия приобрели наибольшую остроту и открытую дискуссионность.

В «параде суверенитетов» бывших союзных и автономных республик СССР приняла участие и Карелия. Среди лозунгов прибалтийско-финского движения едва ли не важнейшим стало требование изменения статуса языков, вплоть до огосударствления карельского языка.

Принятая Первым съездом народных депутатов РСФСР (12 июня 1990 г.) Декларация о государственном суверенитете положила начало развитию новой российской государственности. Карельская АССР в числе первых среди автономий страны провозгласила себя правовым, демократическим и суверенным государством в составе РСФСР и Союза ССР. Республика гарантировала соблюдение прав и свобод человека в соответствии с нормами международного права, свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории, возрождение национальной самобытности коренных народов. Принятая Декларация объявлялась

основой для разработки новой Конституции КАССР, заключения Федеративного и Союзного договора (2).

Согласно дополнениям, внесенным в действовавшую Конституцию, земля и ее недра, растительный и природный мир объявлялись собственностью народа Республики Карелия и основой ее экономического суверенитета. В соответствии с федеральным законодательством и Конституцией 1994 г. Республика Карелия имела право устанавливать свои государственные языки.

Вопрос о сохранении языка стал практически отождествляться с проблемой сохранения этнической идентичности. Формирование идеологии карельского национального возрождения было обусловлено самим ходом этнического развития народа в XX в.

В послевоенные годы в связи с крупномасштабными планами освоения богатых лесных ресурсов Карелии в республику хлынул мощный поток переселенцев из различных регионов страны — Белоруссии, Украины, центральных и северо-западных районов Российской Федерации, республик Поволжья и Прибалтики. К концу 1950-х годов в сельской местности сформировалась полиэтничная среда, а карельское население стало национальным меньшинством даже в ареалах традиционного расселения (3). По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в республике образовалось около 40 вариантов национально-смешанных сред. Мозаичность этнической структуры населения Карелии при росте межнациональных браков превратилась в важный фактор социально-культурной и языковой интеграции этнических групп.

Ориентация на промышленное развитие Карелии существенно ускорила процесс урбанизации, в который активно вовлекалось карельское сельское население (4). Этнодемографические перемены стали проявляться в неуклонном сокращении общей численности карелов (5), в снижении удельного веса молодого и, напротив, увеличении доли пожилого населения, свидетельствуя о нарастающих трудностях демографического воспроизводства этноса (6).

Перестройка этнических сред решительно изменила модели языкового поведения карелов. Русский язык превращался в важнейшее средство как межнационального, так и внутринационального общения не только в городских, но и сельских поселениях (7).

Нарастающими темпами развивались процессы этнокультурной (8) и языковой ассимиляции карелов (9). Если в 1939 г. национальность и родной язык совпадали у 96 % карелов, а в 1959 г. — у 81 %,

то в 1989 г.— лишь у 51,5 %. Приведенные данные демонстрируют одну из важнейших тенденций языковых перемен послевоенного времени — переход от распространения языковой ассимиляции «вширь» (увеличения числа лиц с родным русским языком) к распространению языковой ассимиляции «вглубь» (преобладающей ориентации на русский язык как родной). Уже в конце 1950-х годов среди молодого поколения карелов-горожан (до 20 лет) языковая ассимиляция распространялась «вглубь»: более половины из них родным считали русский язык (10). Эта же закономерность, но в замедленных темпах, характеризует динамику языкового поведения и языковых ориентаций сельских карелов.

С развитием процессов языковой ассимиляции национально-русское двуязычие, бывшее характерной чертой языкового поведения карелов, последовательно замещалось одноязычием. Этот переход сопровождался снижением функциональной нагрузки на карельский язык, сужением сфер его использования.

Одним из результатов проведения советской политики «сближения народов» стало болезненное восприятие частью карелов низких статусных характеристик карельского языка (отсутствие письменности, а также то, что Карелия являлась единственной республикой, где язык титульного народа не являлся государственным), формирование индифферентного и даже нигилистического отношения к карельскому языку и карельской идентичности в целом.

Серьезные изменения в общественно-политической жизни страны конца 1980-х годов дали выход накопившимся за многие десятилетия проблемам в области национально-языковых отношений. Это проявилось в стихийной активизации национальных движений, в открытых публичных дискуссиях, в усиливающемся внимании власти к различным сторонам жизни народов республики.

Социально-экономические, демографические и культурно-языковые проблемы прибалтийско-финских народов стали предметом обсуждения на состоявшихся в Петрозаводске межведомственном совещании «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (октябрь 1988 г.) и научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика, проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР» (май 1989 г.). На них были приняты решения, заложившие основы этноязыкового возрождения народов, содействующие сохранению и развитию их

культурно-языкового наследия. Среди многих проблем, требующих безотлагательного решения, были названы воссоздание письменности, подготовка учебных и учебно-методических пособий, организация изучения языков в детских дошкольных учреждениях и школах, обеспечение школ преподавательскими кадрами.

В период работы научно-практической конференции было создано Общество карельской культуры (25 мая 1989 г.), переименованное затем в Союз карельского народа. Еще ранее был образован Ингерманландский союз финнов Карелии (18 февраля 1989 г.), летом 1989 г.— Общество вепсской культуры (27 июля 1989 г). Национальные общественные организации сыграли важную роль в этнической мобилизации прибалтийско-финских народов республики.

* * *

Публикуемые в четырех разделах данной книги документы и материалы с достаточной полнотой воссоздают две модели языковой мобилизации, условно определяемые как культурно-охранительная и правовая. Под моделью языковой мобилизации понимается выбор стратегии и тактики решения политико-языковой проблемы. Основные идеологемы культурно-охранительной модели были сформулированы во второй половине 1980-х годов, на начальном этапе возникновения национального движения в Карелии. Главный акцент здесь делался на создании реальных предпосылок для перехода от устной языковой традиции к письменной.

Практическое решение данной задачи состояло в выборе алфавитов, в создании письменности, букварей, других учебников и учебно-методических пособий, в организации изучения языков. Особые надежды возлагались на школу. Ожидалось, что национальная школа, всемерно поддержанная властью, станет ключевым звеном в сохранении языковой преемственности поколений, в расширении общественных функций языков.

Эти подходы впервые были озвучены на межведомственном совещании и научно-практической конференции, речь о которых шла выше. С тех пор в республике было принято около 20 нормативно-правовых актов, направленных на сохранение, развитие культурно-языкового наследия народов Карелии, прежде всего прибалтийско-финских (11).

Вышеназванную модель языковой мобилизации в настоящем издании представляют собранные в первом разделе материалы

дискуссии «Быть ли в Карелии карельскому языку?», развернувшейся на страницах республиканской прессы. Основная часть материалов этой дискуссии публиковалась в газетах «Ленинская правда» (с 1991 г.— «Северный курьер») и «Комсомолец». Активными участниками дискуссии были представители гуманитарной интеллигенции — научные работники, литераторы, учителя,— занимавшиеся практической работой по реализации возрожденческих задач.

«Пик» дискуссии пришелся на 1988–1989 гг., однако она приняла «затяжной» характер, чему способствовало начало второй дискуссии, посвященной вопросу огосударствления карельского языка.

Материалы этого раздела свидетельствуют о том, что постановка задачи возрождения карельского языка и, главное, предлагаемые для ее решения методы не встретили сколько-нибудь серьезных возражений, а, наоборот, нашли поддержку, и не только в среде прибалтийско-финских народов.

Медленное развитие национальной школы, низкие темпы повышения языковой компетенции учащихся, не обеспечивающие достижения «возвратного двуязычия» (свободного владения карельским и русским языками), порождали поиск более эффективных законодательных форм защиты языка. Именно в этих поисках зародилась правовая модель языковой мобилизации. Сторонники такого подхода считали, что необходимым условием, гарантирующим сохранение и дальнейшее развитие карельского языка, является обязательное наделение его статусом государственного.

В 1991 г. первый съезд представителей карелов принял декларацию, пункт 8 которой гласил: «Исходя из сложившейся демографической ситуации, съезд считает необходимым признание государственными языками Карельской АССР карельского и русского.

В республике должны быть созданы возможности для пользования карельским языком, наряду с русским, в государственных учреждениях и организациях, т. е. гарантированы условия для его изучения.

Необходимо обеспечить обучение карельскому языку в детских садах и школах» (12).

Последующие съезды (1994 г., 1998 г., 2001 г., 2005 г.) продублировали это решение, хотя и не в такой жесткой формулировке.

Материалы второго раздела иллюстрируют процесс поисков реализации этой модели языковой мобилизации. Здесь приводятся тексты восьми проектов закона о государственных языках республики.

Весной 1994 г. Министерством юстиции Республики Карелия были подготовлены два проекта закона о языках (см. Раздел II, №№ 1 и 2), не содержавших, однако, ответа на вопрос об огосударствлении карельского языка.

Но их появление, а также начавшаяся дискуссия «Какие языки в Карелии должны быть государственными?» стали своеобразным стимулом к разработке Государственным комитетом Республики Карелия по национальной политике (далее — Госкомнац) проекта закона «О языках в Республике Карелия» в начале 1996 г. (см. Раздел II, № 3). В этом проекте впервые была определена концепция закона, согласно которому карельский язык наделялся функциями второго государственного языка.

20 марта 1996 г. текст проекта закона обсуждался в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН с участием председателя Совета уполномоченных съезда карелов В.Е. Богданова.

С учетом недостатков проекта закона (нечетко прописанные функции карельского языка как государственного, придание статуса государственного языка двум диалектам карельского языка, ограничение действия закона территорией компактного расселения карелов и др.) было принято решение о создании рабочей группы и доработке проекта закона.

Четвертый вариант проекта закона о языках, опубликованный в газете «Карелия» в начале сентября 1996 г. для обсуждения, был подготовлен рабочей группой, состоявшей из научных сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (автор Е.И. Клементьев при участии П.М. Зайкова, Г.М. Керта, Н.Н. Мамонтовой, Л.Ф. Маркиановой) (см. Раздел II, № 4). Именно этот законопроект вызвал острейшую полемику в республиканских СМИ.

В газете также была опубликована пояснительная записка к проекту закона, подготовленная заместителем председателя Госкомнаца В.Н. Бириным. Содержавшийся в пояснительной записке тезис о том, что «карельский язык в его нынешнем состоянии не может выполнять функции государственного языка», дал дополнительный аргумент противникам государственного двуязычия.

В начале 1997 г. были подготовлены несколько вариантов проектов закона о языках. В одном из них, разработанном депутатом Законодательного собрания Республики Карелия Г.Ф. Андреевым и опубликованном в январе 1997 г. в газете «Карелия», функциями

государственного языка наделялся только русский язык (см. Раздел II, № 5).

В Госкомнаце был подготовлен новый вариант проекта закона «О языках в Республике Карелия» (см. Раздел II, № 6), рассмотренный на заседании правительства Республики Карелия 25 февраля 1997 г.

По предложению председателя правительства В.Н. Степанова было принято решение о разработке двух проектов законов — «О языках в Республике Карелия» и «О статусе государственного языка Республики Карелия» (последний не был подготовлен — см. Раздел IV, № 23).

В соответствии с этим поручением представителем правительства республики в Законодательном собрании Республики Карелия А.И. Киннером был подготовлен проект закона «О языках в Республике Карелия» (см. Раздел II, № 7), многие положения которого не были достаточно проработаны. Статус русского языка как государственного определялся ст. 68 Конституции Российской Федерации. С одной стороны, он объявлялся единственным государственным языком в республике, с другой — в ст. 3 проекта закона говорилось о том, что «каждый имеет право свободного выбора и использования любого из государственных языков (выделено нами.— Е.К., А.К.) для передачи устной и письменной информации, воспитания, обучения и творчества». Проект закона предполагал право граждан и обязанность должностных лиц использовать карельский, финский и вепсский языки в общении, передаче информации и делопроизводстве, в порядке, установленном законом. Однако сам порядок использования этих языков не был прописан.

Одновременно Государственный комитет по национальной политике с учетом замечаний, высказанных в ходе обсуждений, подготовил новый вариант проекта закона «О языках в Республике Карелия» (см. Раздел II, № 8). Он был направлен председателю правительства для официального представления в Законодательном собрании. Однако от последнего был получен отказ, и законопроект был внесен для обсуждения в Законодательном собрании депутатом Палаты Республики В.В. Богдановым. Рассмотрение проекта закона состоялось в Палате Республики Законодательного собрания РК 29 января 1998 г. Большинством голосов проект был отвергнут (см. Раздел IV, №№ 25, 26).

В третьем и четвертом разделах сборника публикуются материалы, отражающие ход обсуждения законопроектов. В третьем

разделе приводятся материалы дискуссии «Какие языки в Карелии должны быть государственными?». В четвертом разделе собраны документы официального характера — отзывы, заключения, протоколы заседаний, стенограмма обсуждения проекта закона «О языках в Республике Карелия» в Законодательном собрании. В этот раздел также включены направленные Комитетом по национальной политике в правительство документы, содержащие анализ обсуждения проектов закона в прессе, и обращения общественных организаций в адрес руководства республики.

Вначале дискуссия велась в основном на страницах карелоязычной газеты «Oma mua» («Своя земля») и финноязычной «Karjalan Sanomat» («Новости Карелии»), поэтому ее ход был неизвестен большей части населения Карелии. После опубликования в газете «Карелия» проекта закона «О языках в Республике Карелия» в обсуждении проблемы государственных языков приняли участие практически все республиканские газеты. Вторая языковая дискуссия, в отличие от первой, быстро приняла остро полемический характер. Публикуемые в этих разделах сборника материалы достаточно полно отражают аргументацию сторонников и противников огосударствления карельского языка. Неприятие правовой модели языковой мобилизации поддерживалось межнациональными конфликтами, в том числе национально-языковой политикой в Прибалтике. У части населения республики складывалось мнение, что принятие закона о государственном двуязычии в республике может привести к межнациональной конфронтации.

Отклонение законопроекта в Законодательном собрании РК не ослабило накал страстей. Вопрос об огосударствлении карельского языка вновь возник при обсуждении проекта Конституции Республики Карелия в 2000–2001 гг. и вновь остался нерешенным.

Примечания:

1. Список работ, изданных ЦИМО, приведен в конце сборника.

2. Ленинская правда. 1990. 11 августа.

3. См. подробнее: Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979)//Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5–20; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 15–37; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980-е годы. Историко-социологические очерки. Петрозаводск, 2000. С. 6–45.

4. С 1939 г. по 1959 г. удельный вес городского населения увеличился с 23,1 % до 62,9 %, а численность карелов-горожан по отношению к их общей численности за это же время возросла с 11,1 тыс. человек до 26,5 тыс. человек. В конце 1950-х годов 31 % всех карелов республики являлись городскими жителями (рассчитано по: НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51; ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 3–6), к 1989 г. это показатель возрос до 61,8 % (рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990. С. 17).

5. С 1939 г. по 1959 г. общая численность карелов сократилась с 108,6 тыс. чел. до 85,7 тыс., к 1989 г. она уменьшилась до 78,9 тыс. чел., в том числе численность сельских карелов уменьшилась соответственно с 97,5 тыс. чел. (1939 г.) до 30,2 тыс. человек (1989 г.), а карелов-горожан за эти же годы возросла с 11,1 тыс. до 48,8 тыс. человек (рассчитано по: НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51; ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 3–6, Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990. С. 17).

6. По демографическим стандартам ООН население считается старым, если доля пожилых превышает 12 % (Современная демография. М., 1995, С. 235). В 1959 г. в возрастно-половой структуре карелов на долю лиц в возрасте до 14 лет приходилось 29,5 %, в возрасте 60 лет и старше — 9,1 %, в 1989 г. эти соотношения составили соответственно 15,7 % и 20,3 %. (Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 3/13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17).

7. По данным этносоциологического обследования русского, карельского и белорусского населения, проведенного под руководством авторов настоящего предисловия в 1979 г., в карельских семьях муж с женой практически в равной мере пользовались и карельским и русским языками. Такая же модель языкового поведения характерна и для внутрисельских языковых контактов с представителями своей национальности. Лишь в общении с родителями карелы чаще пользовались языком своей национальности. В общении же с детьми основная функциональная нагрузка приходилась на русский язык. См. также: Раздел I, № 22.

8. См. подробнее: Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения//Советская этнография. 1976. № 3. С. 68.

9. См. подробнее: Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретносоциологического исследования карельского сельского

населения)//Советская этнография. 1971. № 6. С. 38–44; Клементьев Е.И. Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения)//Советская этнография. 1974. № 4. С. 26–36; Клементьев Е. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов, финнов)//Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 41–60.

10. НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 27; 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1989. С. 32. Считается, что, если у половины представителей этнической общности национальность и родной язык не совпадают, перспективы сохранения ее весьма проблематичны (Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969).

11. Ленинская правда. 1991. 2 июля.

12. Была разработана «Программа обновления и развития национальной школы на 1991–1995 гг. » (1990 г.), приняты законы Республики Карелия «О правовом статусе национального района, национальных поселковых и сельских Советов в Республике Карелия» (1991 г.), «Об образовании» (1994 г.), «О культуре» (1994 г.), создан Фонд национального возрождения (1992 г.), подготовлена и утверждена «Концепция возрождения и развития языка и культуры карелов, вепсов, финнов Республики Карелия» (1994 г.) и программа к ней (1995 гг.), разработана «Концепция развития финно-угорской школы» и программы к ней (1997 г.), утверждены целевые программы «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2000–2005 гг. »., «Развитие сферы культуры в Республике Карелия на период до 2010 года» (1999 г.), внесены дополнения, изменения и поправки в Конституцию Республики Карелия и в «Концепцию социально-экономического развития Республики Карелия на 1999–2002–2020 годы», приняты постановления Правительства Республики Карелия «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия» (1999 г.), «О мероприятиях по национальному развитию и межнациональному сотрудничеству народов, проживающих в Республике Карелия, на 2002–2005 годы (2001 г.), принят закон «О государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков в Республике Карелия» (2004 г.) и программа к нему (2005 г.).

Кожанов Александр Алексеевич
Клементьев Евгений Иванович

Из сборника: Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования.

Вып. 3. / Науч. ред. О.П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 465 с.

Финский язык в Карелии в новейший период

В истории функционирования финского языка в Карелии после окончания войны и до настоящего времени условно могут быть выделены три основных периода.

При выделении периодов мы исходили из того, что сочетание и сила воздействия комплекса факторов, определявших положение финского языка, в течение указанного времени менялась, отражаясь на изменении его функциональных ролей.

В рассматриваемый период финский язык в республике выполнял следующие основные функции: национального языка, т.е. языка, обеспечивавшего этнокультурную и языковую идентичность финского населения Карелии, официального языка республики, иностранного языка в системе образования и языка межгосударственного общения с соседней Финляндией.

Первый период

В течение первого периода (с середины 1940-х до конца 1950-х гг.) в республике продолжалась политика «мягкой финнизации» 1940–1941 гг., прерванная войной. Эта политика выражалась в массовом открытии так называемых «карело-финских» школ, в массовом издании на финском языке общественно-политической и художественной литературы, издании газеты «Totuus» и журнала «Punalippu», работе Финского драматического театра и т.д.

Сразу после войны в районах проживания карелов было введено обязательное школьное обучение на финском языке. Уже в начале 1946 г. в республике работало 118 финноязычных школ; в 1947/1948 учебном году из 579 школ республики в 106 обучение

велось на финском языке, еще в 20 школах имелись классы с русским и финским языком обучения. Массовое переселение финнов-ингерманландцев в конце 1940-х гг. стимулировало рост их числа.

В марте 1949 г. бюро ЦК ВКП (б) Карело-Финской ССР приняло постановление «О мерах по улучшению работы нерусских школ республики». Значительные средства были вложены в строительство новых школьных зданий, издание учебников и учебных материалов. Началась подготовка педагогических кадров для национальных школ, постоянно испытывавших недостаток в квалифицированных преподавателях. В 1949 г. финский язык преподавался уже в 164 школах. Большинство из них находились в сельской местности, в районах с преимущественно карельским населением. Были открыты средние школы с финским языком обучения в г. Олонце, селах Ухта и Ведлозеро[1].

В середине 1950-х гг. политика в отношении финского языка в республике меняется. В 1954 г. правительство Карелии приняло постановление «О мерах по улучшению обучения детей в нерусских школах республики». В постановлении отмечались низкий уровень общеобразовательной подготовки учащихся по ряду предметов (математике, биологии, истории и т.д.), случаи массового отказа учащихся изучать финский язык. Сеть «карело-финских школ» и численность учащихся в них стала заметно сокращаться. С 1954 г. преподавание всех предметов в них было переведено на русский язык, а финский язык стал изучаться как предмет в 130 школах ряда районов республики. В правительственном постановлении эта мера объяснялась тем, что национальные школы «не обеспечили подготовки всесторонне развитых будущих специалистов во всех областях народного хозяйства»[2].

Изменения в языковой политике второй половины 1950-х гг. были вызваны двумя причинами: готовившимся преобразовани-

---

[1] См. подробнее: *Федорович Г. А.* Восстановление и развитие системы народного образования в Карелии в 1946–1950 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1970. С. 161–171; *Вавулинская Л. И.* Образовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 161–173; *Она же*. Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 271–274; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 535–536.

[2] *Вавулинская Л. И.* Проблемы национальной школы… С. 275.

ем Карело-Финской ССР в Карельскую АССР (1956 г.) и начавшимся в стране переходом к всеобщему обязательному среднему образованию на основе русского языка. Этот курс закреплялся законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.)[3].

В возникшей ситуации политика государственного патернализма в отношении финского языка существенно ослабла. В 1955 г. были закрыты финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, в 1958 г. в Петрозаводском государственном университете были упразднены кафедра финского языка и специальность «финский язык и литература». С 1958/59 учебного года изучение финского языка в школе полностью прекратилось[4].

В то же время по Конституции КАССР, принятой Верховным Советом республики 20 августа 1956 г., финский язык сохранил ряд функций официального языка республики. На нем, наряду с русским языком, следовало вести судопроизводство. Лицам, участвующим в судебных заседаниях, но не владеющим этими языками, согласно ст. 78 предоставлялись услуги переводчика. Кроме того, финский язык использовался при оформлении республиканской символики — флага и герба (ст. 111–112)[5].

В конце периода использование финского языка было сосредоточено в основном в сфере внутриэтнического общения, хотя и здесь его позиции стали постепенно ослабевать в связи с развитием процессов языковой ассимиляции. Увеличение общей численности финского населения с 6671 в 1939 г. до 27 829 чел. к 1959 г., или почти в 4,2 раза, происходило на фоне снижения удельного веса финнов с родным финским языком (с 80,2 до 74,2 %), что было особенно заметно в сельской местности (с 82,3 до 74,7 %). К 1959 г. примерно 50–55 % финнов в возрасте до 20 лет родным считали уже русский язык[6].

---

[3] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 740

[4] *Старшова Т. И.* Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. С. 5–11.

[5] Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1957.

[6] Рассчитано по: Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф- 659, Оп. 14, Д. 1/5, Л. 46; НА РК, Ф. 1532, Оп. 1, Д. 128/1390, Л. 51.

Второй период

В течение второго периода (1960–1980-е гг.) функции финского языка в системе среднего и высшего образования были отчасти восстановлены. В 1960-е гг. финский язык стал возвращаться. В 1963 г. «в связи с возросшей потребностью КАССР в кадрах, владеющих финским языком», Петрозаводский государственный университет возобновил подготовку специалистов[7].

В 1966 г. постановлением правительства республики было разрешено ввести в общеобразовательных школах республики изучение финского языка как предмета при условии наличия соответствующего контингента учащихся и согласия родителей[8].

К 1980/1981 учебному году преподавание финского языка в разных формах (углубленно, факультативно или вместо иностранного языка) велось в 30 школах республики с общим контингентом 2717 учащихся. Вопрос о мерах улучшения преподавания финского языка в школах рассматривался в 1981 г. на специальном заседании Карельского областного комитета КПСС и Совета министров республики. Однако принятое постановление носило в традициях тех лет общий характер.

Статус финского языка как официального языка республики подтвердила новая Конституция КАССР, принятая в 1978 г.[9], хотя в сфере управления он практически не использовался.

В то же время приданный языку статус и наличие значительной группы его этнических носителей и профессиональных кадров делали необходимым и возможным сохранять такие традиционные культурно-языковые институты, как театр, пресса, радио-, телевещание, литература, обеспечивать подготовку специалистов. Наличие культурно-языковой инфраструктуры, безусловно, было важным условием сохранения и использования финского языка, однако ее значение не стоит преувеличивать. При этом действие негосударственных институтов поддержки финской этнокультурной идентичности, каким являлась, например, лютеранско-евангелическая церковь, всячески ограничивалось[10].

Однако ни официальный статус, ни наличие элементов национально-культурной инфраструктуры, ни изучение финского

---

[7] *Старшова Т. И.* Указ. соч. С. 7.

[8] *Вавулинская Л. И.* Проблемы национальной школы… С. 276.

[9] Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1978.

[10] См. подробнее: *Яловицына С. Э.* Финская евангелическо-лютеранская церковь в Карелии // Прибалтийской финские народы России. С. 544–552.

языка в школах и вузе все же не обеспечивали его выход за пределы финской этнической среды. Возможности его использования вне семьи оставались ограниченными. Знание финского языка реализовывалось прежде всего в сфере профессиональной культуры, искусства, литературы, образования и науки.

Развитие в 1970–1980-е гг. экономических отношений с Финляндией повысило востребованность в финском языке и привело к расширению сфер его использования, но по причине ограниченности контактов не особенно сказалось на росте числа его носителей.

Функции языка во внутриэтнических связях под воздействием целого ряда факторов неуклонно сужались. Численность финнов в Карелии в течение второго периода стала быстро сокращаться, причинами чего были падение темпов естественного воспроизводства, которое сдерживалось низкой рождаемостью, не компенсирующей естественную убыль населения, увеличением доли пожилых возрастных групп, старением населения и ростом смертности[11].

Неблагоприятное соотношение половозрастных групп в составе финского населения, сложившееся уже в 1950-е гг., дало толчок широкому распространению национально-смешанной брачности в последующие десятилетия, как свидетельствуют данные этносоциологического обследования 1994–1995 гг.[12]

Интенсивное межэтническое смешение в брачной сфере наращивало темпы от поколения к поколению. К середине 1990-х гг.

---

[11] См. *Клементьев Е. И.* Финны в зеркале переписи 1989 года // Материалы к серии «Народы и культуры». Bbin.XVI. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сборник статей и докладов). С. 217–227; *Бирин В. Н.* Население Карелии в XX веке (формирование этнического состава) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы междунар. науч.-практ. конф. (6 июня 2000 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2000. С. 114–115.

[12] Обследование проводилось среди финского населения республики методом стандартизированного интервью. В выборку вошли 16 населенных пунктов (3 города, 4 поселка городского типа и 9 сельских населенных пунктов), расположенных на территории четырех административных районов, где проживало около 80% финского населения Карелии. Общее число опрошенных составило 1431 чел., в том числе в городских поселениях 1297 чел., в сельских – 134 чел. См. подр.: *Клементьев Е. И.* Организация выборки на примере этносоциологического изучения финнов в Республике Карелия // Карелии смотрят друг на друга (Материалы российско-финляндского методологического семинара в г. Петрозаводске 17–19 мая 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 25–29; *Кожанов А. А., Яловицына С. Э.* Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

около трети респондентов являлись выходцами из национально-смешанных семей, среди 15–24-летних их было более 84%, среди 25–34-летних — более двух третей, среди 35–44-летних — одна треть. В национально-смешанных браках на момент обследования состояли более 70% опрошенных финнов, при этом почти все возрастные группы (за исключением старшего поколения) в этом отношении практически не отличались друг от друга[13].

Национально-смешанная брачность стала одним из наиболее существенных факторов, повлиявших на языковую компетентность и использование финского языка. Среди родившихся в национально-смешанных семьях доля свободно владевших финским языком была в 5–9 раз ниже, чем у выходцев из этнически-однородных семей, а доля не владевших финским языком — более чем в 2 раза выше.

К середине 1990-х гг. каждый четвертый финн уже не владел языком своей национальности, при этом по языковой компетенции и речевому поведению молодое (15–34 года), среднее (35–44 года) и старшее (55 лет и старше) поколения резко различались. Из поколения в поколение доля хорошо знающих финский язык сокращалась примерно в два раза (табл. 1).

Таблица 1

Степень владения финским языком по возрастным группам (в самооценках опрошенных), %

Возрастная группа, лет	Свободно владеют	Владеют с затруднениями	Не владеют
15–24	18,6	30,0	51,3
25–34	9,7	42,2	48,1
35–44	22,6	40,3	37,1
45–54	30,5	48,7	20,7
55–64	51,5	39,1	13,4
65 и старше	76,5	20,5	0,0
Средняя по выборке	39,8	34,9	25,2

[13] *Кожанов А. А., Яловицына* С. Э. Указ. соч. С. 157–158.

Одновременно доля свободнее владевших русским языком росла: 75% опрошенных выше оценили знание русского языка и лишь 6,7% — финского. Абсолютное большинство среди последних составляли лица в возрасте старше 45 лет[14].

Степень знания финского языка предопределяла его использование во внутрисемейном общении. Молодежь (15–24 и 25–34 года) дома на языке своей национальности говорила только с родителями (9–12% ответов). Во всех остальных случаях (в общении супругов, с детьми, детей между собой) в семьях представителей этих возрастных групп абсолютно доминировал русский язык. Шире использовался финский язык в семьях респондентов в возрасте старше 45 лет, но только в общении со сверстниками и представителями старших поколений[15]. В течение второго периода произошли постепенное вытеснение финского языка из сферы семейного общения и переход финского населения от национально-русского двуязычия к русскому одноязычию и по языковой компетенции, и в речевом поведении.

Масштабная замена финского языка русским сужала сферу функционирования финноязычной культуры. Так, например, телепередачи на финском языке регулярно смотрели 45%, от случая к случаю — более 29%, почти столько же слушали финские радиопередачи (45 и 23%). Значительно ниже были показатели чтения газет, журналов и художественной литературы. Газеты на финском языке читали 37% респондентов, журналы — 43%. Около 62% опрошенных имели в своих домашних библиотеках книги на финском языке, но лишь 5% читали их. Для подавляющего большинства (80%) языком приобщения к литературе являлся русский язык[16].

Низкий уровень знания финского языка и снижение его функциональной нагрузки привели к массовой смене родного языка. Темпы языковой ассимиляции стали заметно опережать темпы сокращения численности финнов, особенно в сельской местности. И чем быстрее сокращалась численность финского населения, тем чаще возникали расхождения между национальностью и родным языком (табл. 2).

---

[14] *Кожанов А. А., Яловицына С. Э.* Указ. соч. С. 164.

[15] Там же. С. 161–162.

[16] Там же. С. 165.

Таблица 2

Родной язык финнов Карелии в городских и сельских поселениях (по данным переписей населения)

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г. (к 1959 г.) динамика, +/-	
Всего финнов, чел.	27 829	22 174	20 098	18 420	-33,8
Родной язык финский, чел.	20 643	13 548	10026	7524	-63,6
%	74,2	61,1	49,9	40,8	
Городские финны, чел.	19 964	17 635	16 998	16 096	-19,4
Родной язык финский, чел.	14 768	10 827	8366	6467	-56,2
%	73,9	61,4	49,2	40,9	
Сельские финны, чел.	7865	4535	3100	2324	-70,5
Родной язык финский, чел.	5875	2721	1660	1057	-82,0
%	74,7	60,0	53,5	45,5	

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, 19/114; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 17.

Характерной особенностью и важнейшим результатом второго периода стал массовый переход от развития языковой ассимиляции «вширь» (увеличения числа финнов с родным русским языком) к ее развитию «вглубь» (преимущественный выбор русского языка в качестве родного). К концу 1970-х финны перешли так называемый «пороговый» показатель утраты родного языка, когда более 50 % представителей этноса признают родным язык другой национальности. В последующее десятилетие ориентации финнов на русский язык в качестве родного языка заметно усилились.

Дифференциация населения по возрастным группам существенно уточняет и расширяет представления о масштабах и темпах языковых перемен (табл. 3). По мере замещения поколений доля ассимилированных в языковом отношении финнов неуклонно росла. В 1970 г. этническая и языковая идентичности не совпадали у большинства финнов в возрасте до 30 лет, в 1979 г. — в возрасте до 45 лет, а в 1989 г. — уже в возрасте до 55 лет.

Таблица 3

Динамика языковой идентичности финнов по возрастным группам (по данным переписей населения), %

	Считают родным финский язык									
Возраст	**1959 г.**		**1970 г**		**1979 г.**		**1989 г.**		**Динамика к 1959 г.**	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
До 10 лет	59,5	59,6	25,4	22,1	9,9	9,9	7,9	0,8	-41,6	-58,9
10–19	48,5	54,9	28,1	26,0	12,7	15,5	9,3	2,5	-39,2	-52,4
20–29	62,9	66,4	39,3	37,6	25,1	20,8	12,4	10,4	-50,5	-56,0
30–39	80,3	81,3	56,5	54,2	32,1	34,1	20,8	16,3	-59,5	-65,0
40–49	86,6	89,5	74,9	72,3	49,5	34,5	32,7	33,5	-53,9	-56,0
50–59	90,2	92,9	83,0	85,1	71,1	70,6	53,1	53,1	-37,1	-39,8
60 лет и старше	95,1	94,0	92,9	89,0	86,0	86,3	81,4	81,2	-14,7	-12,8

Таблица 4

Динамика языковой идентичности карелов, вепсов и финнов

	1959-1970	**1970-1979**	**1979-1989**
	Карелы		
Изменение численности, %, +/-	-1,7	-3,5	-3,9
Изменение численности с родным карельским языком, %, +/-	-14,3	-16,6	-19,0
Разность, %, +/-	-12,8	-12,9	-15,1
	Вепсы		
Изменение численности, %, +/-	-20,1	-7,3	+ 1,0
Изменение численности с родным вепсским языком, %, +/-	-27,3	+3,9	+ 6,6
Разность, %, +/-	-7,2	-3,4	+7,6
	Финны		
Изменение численности, %, +/-	-20,3	-9,4	-9,2
Изменение численности с родным финским языком, %, +/-	-34,4	-26,0	-25,0
Разность, %, +/-	-14,1	-16,6	-15,8

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 46; д. 13/76, 19/102, 19/114, 24/150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III… С. 17. По 1970 и 1979 гг. приведены данные по возрастным группам до 11 лет, 11–19 лет.

Сводные данные, приведенные в табл. 4, показывают, что темпы языковой ассимиляции у финнов в 1970–1980-е гг. были выше, чем у карелов и вепсов, языки которых не имели письменной формы и не пользовались никакой поддержкой со стороны государства (табл. 4)[17].

Таким образом, комплексное воздействие различных факторов определяло главное содержание второго этапа — этапа последовательной утраты финским языком важнейшей этнической функции, функции, обеспечивающей консолидированность финского населения. К концу 1980-х гг. языковая ассимиляция финнов приобрела уже общеэтнический масштаб[18].

Третий период

Демократизация общественной жизни определила условия и перспективы развития финского языка в Карелии в течение третьего периода. Начавшаяся по всей стране «языковая революция» завершилась принятием в 1990-е гг. ряда законов, защищающих культурно-языковые права народов России.

Выход СССР из международной изоляции, расширение международных культурных, деловых и т.д. контактов, изменение условий выезда за границу позволили финскому языку перешагнуть этнические рамки, расширив его социальные функции. Финский язык, сохраняя в известной степени роль средства внутриэтнического объединения, превращался в важный фактор международной и межгосударственной интеграции.

В 1990-е гг. изучение финского языка пережило настоящий бум. Финский язык стал изучаться на различных курсах, число которых постоянно росло. Карельское телевидение организовало цикл учебных программ по изучению финского языка для всех жителей республики. В помощь школе, для желающих совершенствовать знания финского языка с 1990 по 2000 гг. в республике были изданы учебники, методические рекомендации для учителей, авторские программы для общеобразовательных школ, англо-финско-русский словарь, несколько сборников стихов общим объемов свыше 25 тыс. экземпляров. На многих факультетах Петрозаводского государственного университета финский язык стал препо-

[17] 1989 г. по сравнению с 1959 г.

[18] См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Финны в зеркале переписи 1989 года. С. 228; *Он же.* Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финно-угроведение.1994. № 1. С. 41-60.

даваться в качестве иностранного языка. Заметно возрос конкурс при поступлении в университет на специальности, связанные с профессиональным знанием финского языка[19].

Активную работу по расширению общественных функций финского языка вели члены Ингерманландского союза финнов Карелии. Союз, объявив сохранение самобытной финской культуры и языка одним из основных направлений своей деятельности, регулярно организовывал кружки по изучению финского языка (в отдельные годы их число достигало 15–20), поездки молодежи в Финляндию для изучения финского языка и культуры, стажировку воспитателей дошкольных учреждений, проводил языковые олимпиады и конкурсы среди студентов и школьников. Общее число освоивших язык за эти годы составило 3–4 тыс. чел. [20]

Республиканская власть поддержала инициативы карельской, вепсской и финской общественности, направленные на сохранение языка и культуры этих народов. «С целью проведения единой государственной политики в области национального развития» в 1990 г. при Верховном Совете республики была образована Постоянная комиссия по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия, в 1991 г.— Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров республики. В 1990-е гг. в республике были приняты законы «О статусе национального района, национального поселкового и сельского Совета» (1991 г.), «О культуре» (1994 г.), «Об образовании» (1997 г.). По Конституции (Основному Закону) Республики Карелия, принятой в 2001 г., республика гарантирует народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 11). Согласно ст. 21, в республике осуществляются меры по возрождению, свободному развитию карелов, вепсов и финнов, проживающих на ее территории. Перечень этих мер был закреплен в законе «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» (2004 г.) и программе к ней (2005, 2008 г.).

В конце 1980-х гг. началось изучение карельского, вепсского и финского языков в общеобразовательных учреждениях Карелии.

---

[19] *Старшова Т. И.* Указ. соч. С. 10.

[20] Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006. С. 179, 191–193, 225.

Основой для развития национальной школы стали принятые в республике в 1990–2000-е гг. «Программа обновления и развития национальной школы на 1991–1995 гг. » (1990 г.), «Концепция возрождения и развития языка и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия» (1993 г.), «Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов, финнов Республики Карелия» (1995 г.), «Концепция развития финно-угорской школы Карелии» (1997 г.), целевая программа «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–2005 годы» (2002 г.), программы к закону «О государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков в Республике Карелия (2004–2008 годы)» [21].

В 1990-е гг. сеть школ с изучением финского языка быстро увеличивалась: в 1989/90 учебном году он изучался в 43 школах (5052 ученика), к 1995/96 г. их численность достигла максимума (103 школы, 134223 ученика). Во второй половине 1990-х гг. численность школ в силу причин демографического характера стала сокращаться, и к 2006/07 учебному году их осталось 56 (5573 ученика) [22].

Расчеты показывают, что уже в конце 1980-х гг. число школ с преподаванием финского языка с избытком обеспечивало реализацию языковых прав финского населения. Так, по данным переписи 1989 г. в республике насчитывалось 290 финнов в возрасте 7–19 лет. Фактически же число изучавших финский язык было больше в 17,4 раза. Ситуация не изменилась и через десять лет. По данным переписи населения 2002 г., число финнов в возрасте 7–17 лет составляло 1360 чел. Финский язык в школе изучали 5573 чел.[23]

Очевидно, что большую часть учеников финноязычных школ составляли и составляют дети других национальностей. Массовый

---

[21] См., например: Отчеты Министерства Республики Карелия по национальной политике и связям с религиозными объединениями за 1993-2005 года // Текущий архив Миннаца РК; *Клементьев Е.* Правовая защита национальных интересов: миф или реальность? // Сеть этнического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 40. Ноябрь-декабрь. 2001. С. 32–39; *Клементьев Е. И.* В поисках правовой защиты культурноязыковых интересов карелов, вепсов, финнов Республики Карелия. М., 2003. С. 3–60; *Строгальщикова З. И.* Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 270–288; Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Республиканской науч.-практ. конф. 26–27 июня 2007 года. Петрозаводск, 2008.

[22] Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

[23] Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 4, 33; Данные Министерства образования Республики Карелия за 2006/2007 учебный год.

приток учащихся в финноязычные школы стал ответом на вызовы времени. По данным Министерства образования, в 2006/07 учебном году такие школы имелись почти во всех районах республики (за исключением Лахденпохского, Сегежского и Сортавальского районов), в том числе в местах компактного расселения карелов. Особенно показательны данные, относящиеся к Калевальскому, Лоухскому и Олонецкому районам. В Калевальском районе, например, число изучавших финский язык в школах в 86 раз превышало численность детей-финнов, в Олонецком районе — в 41 раз, в Лоухском районе — в 16 раз[24].

Опросы учителей финского языка, проведенные в 1996 и в 2002 гг., показали, что и по доле хорошо знающих финский язык, и по динамике языковой компетенции изучающие финский язык опережали своих сверстников, которым преподавался ливвиковский или северокарельский диалект карельского языка[25].

Во многом это было связано с тем, что в финноязычных школах, в отличие от карелоязычных, была организована система непрерывного изучения языка[26].

---

[24] Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

[25] См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Современная языковая ситуация и национальная школа // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Материалы науч.-практ. конф. 31 октября 2002 г. Петрозаводск, 2004. С. 15–21.

[26] В начале 2000-х гг. Министерством образования республики разработаны требования, предъявляемые к изучающим финский язык в зависимости от длительности изучения. По действующим нормативам, ученик, оканчивающий начальную школу, должен понимать на слух речь учителя, участвовать в этикетном диалоге, рассказывать о себе, своей семье, друге, любимом животном, игре, занятии, составлять небольшие описания предмета, картинки, понимать содержание прочитанного и т. д. (Финский язык в начальной школе. Из опыта работы учителей финского языка гимназии № 17 г. Петрозаводска. Петрозаводск, 2004; Финский язык в начальной школе. Петрозаводск, 2005. С. 14). Более высокие требования предъявляются к учащимся, получающим основное общее образование. Выделим лишь наиболее важные (с точки зрения коммуникативных возможностей) требования. Это умение переходить с позиции спрашивающего на позицию отвечающего, умение целенаправленно расспрашивать, интервьюировать, приглашать к действию и взаимодействию, выражать свою точку зрения и т. д. (Региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. С. 36–63). Заканчивающие полную среднюю общеобразовательную школу должны уметь вести диалоговую (участвовать в беседе, выражать свое отношение к высказываниям партнера и др.) и монологическую речь (делать сообщения, рассказывать о своих планах, рассуждать о фактах, описывать особенности жизни и культуры России, Карелии и Финляндии и т. д.) (Там же. С. 65–71).

О роли школы в сохранении финского языка и организации непрерывного обучения финскому языку в республике можно судить по текущим сведениям Министерства образования Карелии за 2006/07 учебный год. С 1 по 11 класс финский язык изучался в 3 школах (1163 ученика), со 2 по 11 класс — в 10 школах (1722 ученика), с 3 по 11 класс — в 2 школах (284 ученика), с 4 по 11 класс — в 3 школах (292 ученика), с 5 по 11 класс — в 9 школах (947 чел.). В группу школ с непрерывным изучением финского языка следует отнести также школы, в которых он преподавался со 2 по 9 класс и с 3 по 9 класс. В ряде школ финский язык продолжает изучаться с 5 по 9 класс. Иными словами, непрерывным обучением финскому языку была охвачена большая часть учащихся[27].Поэтому нас не должны удивлять следующие данные переписи 2002 г. Согласно переписи, финским языком в республике владели 22 813 человек, в том числе 9197 карелов, 6958 русских, 5770 финнов, 252 белоруса, 227 вепсов, 173 украинца, 228 лиц других национальностей. По общей численности владеющих иностранным языком финский язык уступает английскому языку (49 078 чел.), но значительно превосходит численность знающих немецкий язык (12 306 чел.)[28].

Вместо заключения

В 1990-е гг. финский язык потерял статус официального языка республики. Но созданная в предыдущие годы финноязычная культурная инфраструктура не только была сохранена, но и получила дальнейшее развитие. В середине 1990-х гг. академик П. Виртаранта на вопрос о месте финского языка в Карелии ответил, что положению финского языка в Карелии «ничто не угрожает»[29].

Своеобразие современной языковой ситуации заключается в том, что перспективы сохранения и функционирования финского языка связаны не столько с его этническими носителями, какими являются финны, сколько с иноязычным населением республики. Если принять всех владевших в 2002 г. финским языком за 100 %, то на долю карелов приходится 40,3 %, русских — 30,5 % и только 25,3 % на долю финнов[30].

---

[27] Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

[28] Рассчитано по: Всероссийская перепись 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. С. 27–28.

[29] Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2005. С. 131–132.

[30] Рассчитано по: Всероссийская перепись 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. С. 27–28.

Возможность свободного выбора языка обучения, когда сам выбор определяется реальными жизненными потребностями,— характерная особенность настоящего времени. В этом главное, принципиальное отличие современной ситуации от ситуации 1920–1930-х гг. и первого послевоенного периода. Изменившиеся условия и новые языковые потребности, увеличив численность носителей финского языка, вывели его из сферы преимущественно внутриэтнического общения в сферу внешних, постоянно расширяющихся связей, вызванных развитием приграничного экономического, культурного, информационного сотрудничества, туризма и т.д.[31]

[31] Необходимость в знании финского языка может быть проиллюстрирована таким примером: по сообщению пресс-службы Костомукшской таможни, с 24 декабря 2007 г. по 8 января 2008 г. через российско-финскую границу проследовало 21 170 чел. По сравнению с новогодним периодом 2006–2007 г. число людей, пересекающих границу с Финляндией, возросло на 40 % (Курьер Карелии. 2008. 24 января).

Об авторах

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет.

Бирин Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Карельский филиал РАНХиГС.

Бутвило Андрей Изыдорович, кандидат исторических наук, доцент.

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Волохова Валентина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет.

Годунов Константин Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий библиограф информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки.

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, независимый исследователь (г. София).

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Кальянова (Горина) Анна Александровна, выпускник кафедры архивоведения и документоведения 2014 г.

Каюмова Мадина Расуловна, выпускник кафедры архивоведения и документоведения, главный архивист отдела научно-справочного аппарата ГБУ РК «Национальный архив Республики Карелия» (г. Петрозаводск).

Мешков Михаил Александрович, выпускник кафедры архивоведения и документоведения 2010 г., индивидуальный предприниматель.

Новожилова Светлана Викторовна, до 2023 г. заведующая отделом редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ.

Петухова Ирина Геннадьевна, заместитель директора ГБУ РК «Национальный архив Республики Карелия» (г. Петрозаводск).

Савицкий Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет.

Симуков Александр Анатольевич, бывший студент исторического факультета, г. Лод (Израиль).

Собисевич Алексей Владимирович, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Строгальщикова Зинаида Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Субботина Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.

Яловицына Светлана Эрккиевна, кандидат исторических наук, доцент, руководитель сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Список сокращений

ВНИИДАД — Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

ГАСО — Государственный архив Саратовской области.

ИАИ — Историко-архивный институт

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук (в советский период носил название Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР)

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Кафедра ИДР — кафедра истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

СМ КАССР — Совет министров Карельской автономной советской социалистической республики

ЦГА – Центральный государственный архив

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ 1. КОЛЛЕГА

Память (И.А. Субботина) 13

Александр Кожанов — каким его помню (В.Н. Бирин) 24

Открытое общество: А.А. Кожанов и кафедра истории дореволюционной России ПетрГУ на рубеже 1990–2000-х годов (Т.Н. Жуковская) 32

Библиотека историко-литературного клуба (С.В. Новожилова) 50

Кафедра единомышленников (В.В. Волохова) 63

Записки о «времени А.А. Кожанова» (И.В. Савицкий) 81

И это все о нем (И.Г. Петухова) 90

РАЗДЕЛ 2. УЧИТЕЛЬ

Интервью с Александром Алексеевичем Кожановым. 2015 г. (интервью провела М.Р. Каюмова) 97

Непростые истины: как создавалась и развивалась газета исторического факультета (М.А. Мешков) 104

Вспоминая А.А. Кожанова (К.В. Годунов) 109

Кто такие «мингрелы»? (А.В. Собисевич) 113

Россия — страна патриархальная? (А.А. Симуков) 117

«Фигура в сером плаще» (А.А. Кальянова (Горина)) 120

РАЗДЕЛ 3. ВДОХНОВИТЕЛЬ

Зачем московский князь Юрий Данилович в 1304 году ездил в Орду (И.Н. Данилевский) 123

Об участии Георгия Федотова в революционной пропаганде (А.В. Антощенко) 144

Историк в предлагаемых обстоятельствах (Казус А.А. Кожанова) (А.И. Бутвило) 163

Материальное положение и быт колхозной деревни Карелии в 1944— конце 1950-х гг. (Л.И. Вавулинская). 175

Об участии исследователей Карелии в проекте М.Н. Губогло «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» (З.И. Строгальщикова, С.Э. Яловицына) 189

РАЗДЕЛ. 4. БИБЛИОГРАФИЯ И ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ А.А. КОЖАНОВА

Библиография работ А.А. Кожанова 203

Предисловие к сборнику «Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов» 209

Финский язык в Карелии в новейший период 219

Список авторов 234

Список сокращений 236

Научно-популярное издание

ПРИЗНАНИЕ

Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову

Сборник статей

Отв. ред. А.В. Антощенко, С.Э. Яловицына

Литературный редактор: Е.Е. Николаева

Макет обложки — И.Г. Лежнев
Оригинал-макет: О.В. Макарова

Подписано в печать 05.08.2024.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Печать офсетная. Усл. печ.л. 15,0. Тираж 300 экз. Заказ № 055

ООО «Версо».
185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а

Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы: А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. — Петрозаводск : Версо, 2024. — 240 с. — Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову.

П 75

ISBN 978-5-91997-480-2

Сборник посвящен университетскому преподавателю, руководителю кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, этносоциологу, библиофилу и просветителю, кандидату исторических наук Александру Алексеевичу Кожанову (1.09.1949–29.05.2021). Сборник подготовлен коллегами и учениками Александра Алексеевича как дань уважения и признательности человеку, у которого посчастливилось учиться и (или) иметь удовольствие работать вместе. Тексты статей, включенные в него, в большинстве своем носят мемуарный характер, но некоторые из них подготовлены как специальные исследования. Их тематика не случайна и была «задана» сотрудничеством авторов с героем сборника. Разнообразие сюжетов, жанр исполнения той или иной статьи во многом отражают широкий кругозор и многогранность личности Александра Алексеевича Кожанова, которому авторы с искренней любовью и глубоким уважением посвящают настоящее издание.

Издание осуществлено при финансовой поддержке родных, учеников и коллег А. А. Кожанова.

УДК 94(470)
ББК 63.1(2Рос.Кар)6-81Кожанов А.А.я43